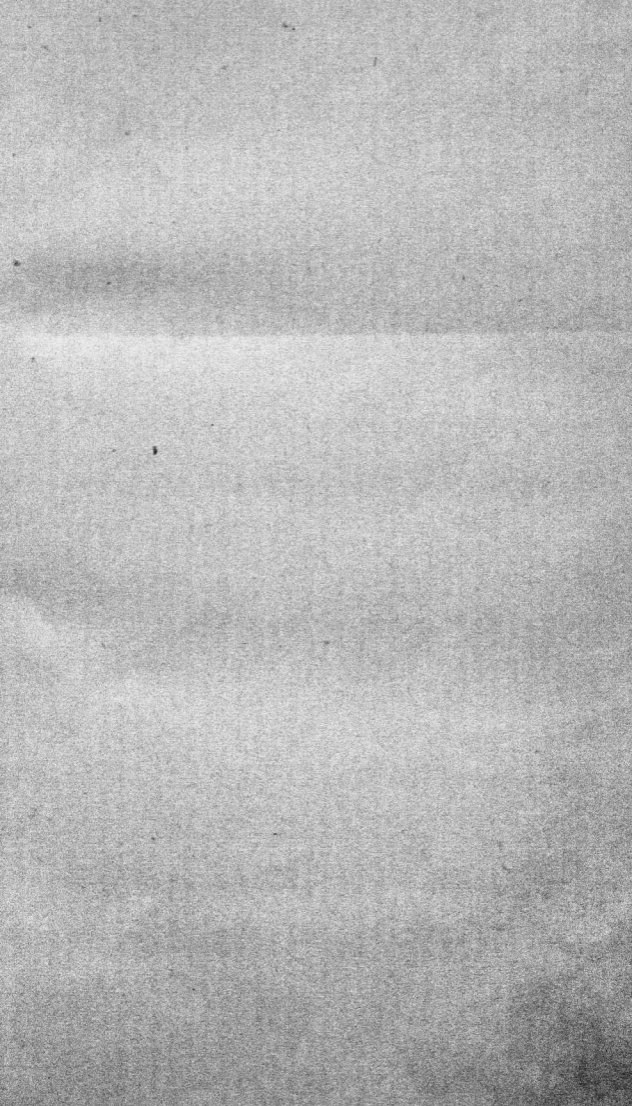

A-168427.

$A \frac{CT}{\text{Чу}} 1$

Сыктывкар

Ш. В. Владыка
РУСКІЯ СКАЗКИ,

СОДЕРЖАЩІЯ

117
ДРЕВНѢЙШІЯ ПОВѢСТВОВАНІЯ

О

СЛАВНЫХЪ БОГАТЫРЯХЪ, СКАЗКИ НАРОД-
НЫЯ И ПРОЧІЯ ОСТАВШІЯСЯ ЧРЕЗЪ ПЕРЕ-
СКАЗЫВАНІЕ ВЪ ПАМЯТИ ПРИКЛЮЧЕНІЯ.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ.

Третье изданіе.

МОСКВА.

Въ Типографіи С. Селивановскаго.

1820.

A-168427

Печаташь позволяешся съ тѣмъ, чпобы
 во напечатаніи, до выпуска изъ Типографіи,
 представлены были въ Цензурный Комитетъ:
 одинъ экземпляръ сей книги для Цензурнаго Ко-
 митета, другой для Департамента Министер-
 ства народнаго Просвѣщенія, два экземпляра для
 Императорской Публичной Библіотеки
 и одинъ для Императорской Академіи
 Наукъ. Москва 1819 года, Февраля 24 дня.
 Сію книгу разсматриваль Ординарный Про-
 фессоръ, Коллежскій Слѣдствникъ

168427

Матвей Гасриловъ.

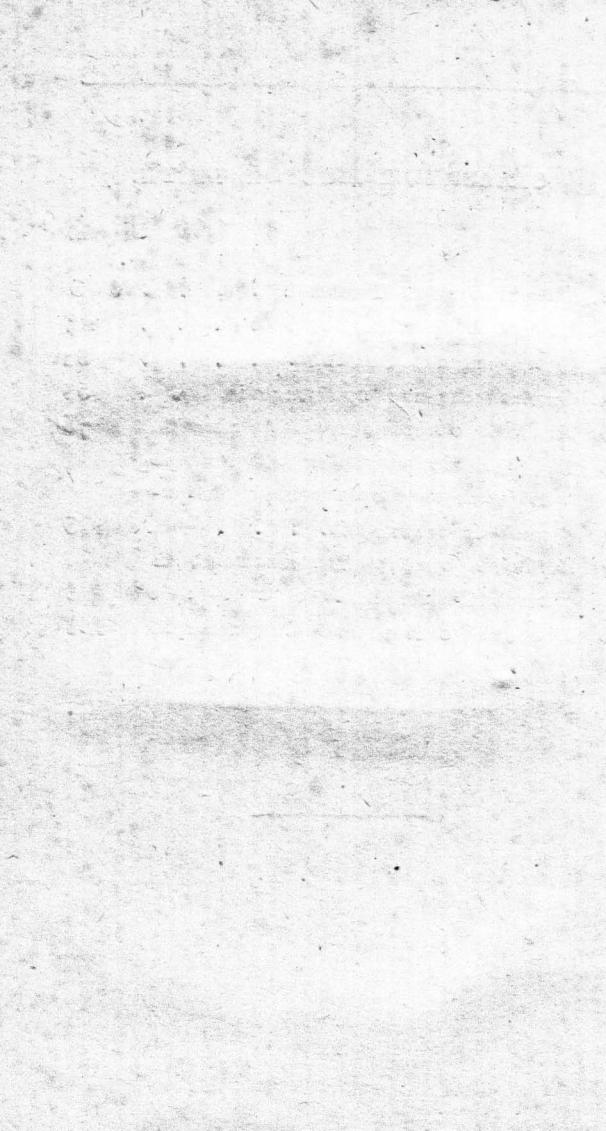

8

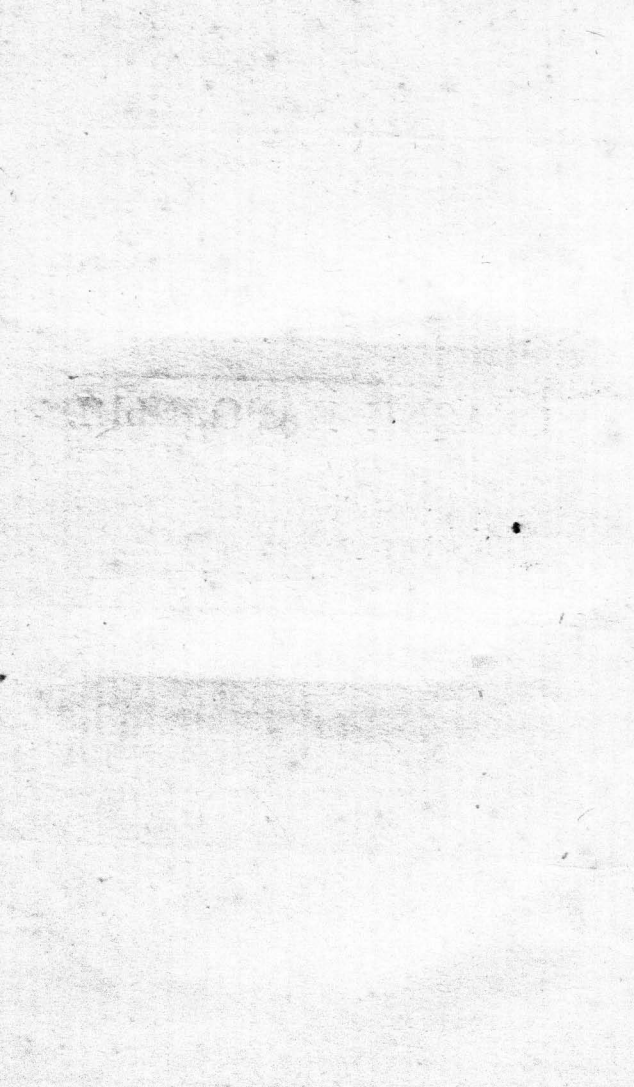
+

ОГЛАВЛЕНІЕ ШЕСТОЙ ЧАСТИ.

	Стран.
1. Сказка о ворѣ Тимошкѣ.	3
2. Сказка о Цыганѣ.	24
3. О племянникѣ Ѳомкѣ	32
4. Сказка досадное пробужденіе. . .	53
5. Повѣсть о новомодномъ Дворянинѣ.	73
6. Продолженіе повѣсти о богатырѣ Звениславѣ, прозванномъ Дворя- нинѣ Заолѣшанинѣ.	113
7. Повѣсть о конѣ Злапокопытѣ и мечѣ Самосѣкѣ.	143
8. Повѣсть о Исполнѣ Сперкашерѣ.	181

СКАЗКИ НАРОДНЫЯ.

Сказка первая.

Въ одной деревнѣ жилъ сшарикъ. Древность его свидѣшельсшвовала лысина, съ кошорой онъ долговременнаго ношенія шапки слѣзли всѣ волосы. Словомъ сказашь, она въ домѣ служила ночью вмѣсто мѣсяца. Помощницу у себя имѣлъ онъ равныхъ лѣтъ; но разисшвовала она онъ него горбомъ. Однако рѣчь у насъ идешь не до спашей ихъ, а до сына ихъ Тимоши, кошорой былъ малой проворной, но еще ничему не наученъ, какъ шолько играшь въ софляку. Сшарику казалось, что послушавши музыки, напоследокъ захочешся бсшь, и что софлякино свисшанье худая для желудка пища; а чшобъ попищавши не лечь съ порожнимъ брюхомъ спать, вздумалъ

онъ отдашь его какому нибудь руко-
 меслу учишься. Но прежде над-
 лежало о томъ посоветоваться съ
 старухой, которой онъ о семъ до-
 ложа, требовалъ ея мнѣнія и пред-
 ссавлялъ, что онъ желалъ бы его
 отдать изъ двухъ ремеслъ одно-
 му; кузнечному или поршному.
 Нѣтъ! сказала старуха, ни пому
 ни другому. Кузнецъ, ходя оноло
 огня и сажи, марается, и шѣмъ
 больше походишь на чорша, нежели
 на человѣка. Развѣ хочешь ты его
 сдѣлать пужаломъ? А поршное, прав-
 да, хощя изрядное художество; но
 сидя согнувши, вѣдь не долго по-
 лучишь чахошку. Ну! да чему жъ
 ты думаешь учишь его? вскричалъ
 старикъ. Надобно, отвѣчала она,
 отдать его золошарству или маляр-
 ству, или тому подобному. Но въ-
 даешь ли ты, прервалъ старикъ
 рѣчь ея, сколько надлежитъ запла-
 щить за такую науку денегъ? На-
 шихъ живописцевъ сколько не спа-
 нешь. И такъ долго споря, чужь не

дошло у нихъ до драки. Сердишай старуха уже вооружилась было ко чергою. Но скучно описывать ихъ ссору, а лучше сказать, что наконецъ согласились они отдать сына пому масперу въ науку, который первый попадется въ встрѣчу. И шайкѣ шарикѣ, взявъ съ собою положенныя на сыновнее наученіе десять рублей и провождаемъ Тимошею, высупилъ. По случаю первыя съ нимъ встрѣжились два родныхъ брата, пишущіея поддорожной пошлиной, а при томъ и искусные портные, кои шоль проворно владѣли своими иглами, что развѣ сгнетъ, то шуба да кафтанъ; а просто сказать, они были разбойники. Шарикѣ поздравя ихъ, спросилъ, не художники ли они? О! весьма искусные, отвѣчали ему разбойники. А какое ваше ремесло? спрашивалъ шарикѣ. На что жебѣ? сказали они. Я хочу отдать сына въ науку, говорилъ шарикѣ. Съ радостію! вскричали они: мы беремъ на себя на-

учишь сына своего, чему умѣемъ са-
 ми. Ремесло наше называшь шебѣ
 не для чего; но вѣдай, что шужишь
 не будешь, отдавъ намъ его въ уче-
 ники. Но сколько вамъ, мои роди-
 мые, надобно за пруды, примолвилъ
 старикъ? Не менѣе двадцати руб-
 лей, опивѣчали маспера. О! гдѣжъ
 мнѣ взять столько? у меня только
 и денегъ что десяць рублей, гово-
 рилъ старикъ. Ну! добро, подай хо-
 ня и шѣ сюда. Ужъ не что съ по-
 бою дѣлашь! бышь шакъ, хопя де-
 сяць рублей, сказали они. Старикъ,
 отдавши деньги, препоручилъ имъ
 въ наученіе сына своего, и хошѣлъ
 было ужъ домой ийти; но вспо-
 нивъ, что надобно узнать, гдѣ они
 живушъ, ворошился и слѣдовалъ за
 ними. Домъ ихъ находился въ пре-
 великомъ лѣсу, гдѣ они жили съ се-
 спрою дѣвкою. По прибытіи шуда,
 съ Тимони сняли худой деревенской
 кафшанишко и одѣли въ хорошее
 плашье; а шарика попочивали вин-
 цомъ. И шакъ старикъ съ большимъ

удовольствіемъ оставилъ ихъ жилище.

По насупленіи ночи вздумали удалцы показашь Тимонѣ первый опышъ своего искусства. Почему вооружа Тимоню, какъ и себя, рогашиной и большимъ ножемъ, вышли на дорогу. Тушъ одинъ изъ учишелей сказалъ ученику: когда нападушъ на насъ какіе люди, что шы, Тимоня, будешъ дѣлашъ? А эшо что? опвѣчалъ онъ выхващя ножъ; съ нимъ миѣ мало и десяши человекѣ! Ну будешъ же въ шебѣ пушъ! молвили разбойники. Но прежде лучше испышашъ шебя не надѣ шакимъ опаснымъ дѣломъ, каковое обыкновенно бываешъ при шребованіи съ пробѣжающихъ пошлины. А пойдемъ, залѣземъ въ близъ спящемъ монастырѣ въ Архимандритову кладовую; шушъ будешъ чѣмъ намъ поживишъся. Какъ изволише, сказалъ Тимоня; куда масшерѣ, шуда и ученикѣ. И шакѣ они опправились въ чужую клѣшъ, пѣсенѣ пѣшъ.

По прибытіи въ обитель закинули они желѣзный крюкъ за кровлю кладовой, куда Тимоня по веревкѣ и опправился, и первый разъ доказалъ, что онъ ученикъ помянутой. Въ кровлѣ сдѣлалась поспѣшная скважина; въ кладовой сундуки опверзаются; мѣшки съ деньгами всплываютъ съ ложа; лишается хозяинъ долготѣрныхъ трудовъ своихъ, съ коими собиралъ онъ, копилъ свои денежки; мѣшки спускаются изъ кладовой на землю, кошорые прибираютъ Тимонины учители. Всѣ дѣла шло по порядку, есѣлибъ Тимоня былъ поглупѣе; онъ узналъ, что они, какъ учители, въ деньгахъ не дадутъ ему части. Почему вышлицилъ для себя изъ сундука Архимандришову шубу, на собольемъ мѣху. А какъ онъ ее сбросилъ, то одинъ изъ наставниковъ вдѣлъ оную на себя. Тимоня спусясь, началъ искашь шубы по землѣ ощупью; ибо темно было. Учили его спросили, чего онъ шаритъ? Шубы своей,

опвѣчалъ онъ. Какой своей! сказалъ одинъ; вотъ она на мнѣ. Да по чему она тебѣ надлежитъ? По тому, опвѣчалъ онъ, что я взялъ ее для себя, а не для васъ. Но мы свои учили, говорили они, такъ тебѣ шутъ ни въ чемъ нѣтъ участи. О! нѣтъ! закричалъ онъ громко, я для васъ досталъ деньги: шамъ мнѣ части нѣтъ, а шуба моя. Врешь ты, дуракъ! молвили они. А когда такъ, я пойду просить Архимандриша; кому онъ отдастъ, того и шуба, сказалъ Тимоня. Посмотримъ, какъ ты пойдешь, говорили они. А вотъ какъ! шолько чуръ не робѣшь, опвѣчалъ онъ и побѣжалъ къ овну Архимандришовой кельи, у котораго спалъ его келейникъ, малой забавный и при томъ сказочникъ. Тимоха послушалъ: келейникъ еще не спалъ, а Архимандришъ храпѣлъ во всю глотку. Онъ спужнулъ въ окошко; келейникъ оное опирывши, выглянулъ, но лишь хотѣлъ спросить кто шутъ, Тимоня схватилъ онаго

обѣими руками за уши, выдернулъ
 вонъ, завязалъ ему плашкою рожъ
 и ошдалъ подъ караулъ своимъ учи-
 шелямъ, а самъ съ оспорожносшью
 влѣзши въ окно, легъ на поспелю
 келейникову. Погодя не много, на-
 чалъ онъ будишь Архимандриша.
 Учишели, спшящше подъ окномъ, ус-
 лыша, что онъ будишь Архиманд-
 риша, просили его, чшобб онъ вы-
 шелъ вонъ. Провались шы, говорили
 они, чоршъ съ шобою и съ шубою!
 мы ббды съ шобою дойдемъ. Но
 онъ не слушалъ ихъ, и кричалъ:
 ошецъ Архимандришъ! ваше высоко-
 преподобше! Чшо? ошвѣчалъ оный
 помнымъ голосомъ съ просонья. Я
 видѣлъ сонъ дурной, сизалъ Ти-
 мѣня; будшо бы воры залѣзли въ
 вамъ въ кладовую и побрали день-
 ги. А между шѣмъ взяли и шубу
 вашу. Топъ, кошорый лазилъ красшь,
 взялъ оную изъ сундука для себя.
 Деньги онъ ошдалъ всѣ поварищамъ,
 а самъ желаетъ одной шолько шу-
 бы; но и шой ему не дающъ. Кому

бы вы приказали оную опдашь? Архимандритъ, считавъ его за келейника своего, почему и сказалъ: о какъ шы скученъ! куда ночь, шуда и сонъ. Пожалуй не мѣшай мнѣ спать. Тимоня нѣсколько помолчавши, какъ Архимандритъ спалъ засыпавъ, опять его раскликалъ и спросилъ: да комужъ вы шубу-шо опдашь велише. Экой шы несносной человекъ, сказалъ сердито Архимандритъ, не кому, чшо шому, жшо красъ лазилъ. Но пожалуй дай мнѣ покой. И шакъ Тимоня, давъ ему заснуть, вылѣзъ вонъ, и безъ спору учищелей своихъ надѣлъ шубу на себя, копорые при шомъ еще и хвалили его вымыселъ. Они возвратились домой; а пришедъ, во первыхъ припряшали добычу. Послѣ чего господа учищели начали между собою разговаривать о ученикѣ своемъ Тимонѣ. Проворство и вымыслы его крайне имъ понравились. Они надѣясь ошъ него впредь большой себѣ помощи, чшобъ удержавъ

его при себѣ, вздумали отдать за него сестру свою, которая была собою не дурна; о чемъ и Тимонѣ объявлено. Тимоня не упряился для столь выгодной женидьбы, ибо дали за нею не малое приданое. Онѣ женился, и ставъ ихъ зятемъ, учинилъ уже не ученикъ, но поварищъ.

По нѣсколькомъ времени сказала ему жена: худо намъ мужъ жишь съ ними: они воры опъявленные. Сверхъ того знаешь ты пословицу: «Сколько вору ни ликовашь, а на лачевыхъ ружь не миновашь»; такъ мое желаніе и совѣщъ, лучше намъ отъ нихъ ошойпиль. Хотя не столь богати, но съ покоемъ будемъ мы въ домъ отца твоего. Тимонѣ совѣщъ сей понравился. Онѣ желаніе свое открылъ шуринамъ своимъ, господамъ обдираловымъ. Хотя имъ слышашь то было и досадно, но удержашь его не могли. Они оппустили на условіи, давъ ему свинью, съ тѣмъ, что ешъли они въ будущую ночь оную у него украдушъ,

по сѣ него имѣ взять 200 рублей; естѣлижѣ не уврадушѣ, то имѣ ему шолкоежѣ число заплашишѣ. Когдажѣ уврадушѣ, то бы ему не опходишѣ опѣ нихѣ до пѣхѣ порѣ, какѣ зарабатаетѣ на нихѣ означенное число денегѣ. Очень хорошо! говорилѣ Тимоня: я посмошрю, какѣ вы свинку по у меня украдете. Послѣ чего забравѣ свое, перебѣхалѣ сѣ женою вѣ домѣ кѣ опцу своему.

По прибышнн вѣ домѣ, замѣсилѣ онѣ вѣ корышѣ для свиньи кормѣ на одномѣ винѣ, кошорая наѣвшисѣ до сыща, сѣблаласѣ безчувсшвенно пьяна. Тимоня шолчасѣ одѣлѣ оную вѣ сарафанѣ, положилѣ на печи вѣ углу, гдѣ оная расшянуласѣ неподвижно; а самѣ легѣ сѣ женою вѣ кѣшнн спашѣ. Лишѣ шолько они заснули, воры искали по всѣмѣ клевамѣ и закушамѣ, но не сыскавѣ желаемого, подошли кѣ избѣ. Тутѣ услышали они, что нѣчто сапашѣ. Топчасѣ одинѣ избѣ нихѣ вскочилѣ вѣ избу и пошихоньку шупалѣ

свинью; но ощупавъ сарафанъ, безъ
 памяши высочилъ вонь. Чшо шы?
 спросилъ онаго поварищъ. Эхъ
 братъ! ошвѣчалъ онъ, вѣдь я было
 бѣду сдѣлалъ! Эшо сапитъ-шо спа-
 рая хрычовка, свашьюшка наша: я
 ее хвапилъ за бокъ; какъ не прос-
 нулась! и шакая ошв ней вонь, чшо
 я чушь было не зашхнулся. Однако
 посшой: я не знаю, чшо шеперь дѣ-
 лашь. Пойду спрошу у сестры, она
 мнѣ съ просонья снажешъ. Онъ
 влѣзъ шихонько на клеши, проко-
 палъ крышку, и пошевеля сестру
 свою шеспиномъ, сказалъ: жена! гдѣ
 мы свинью-шо дѣли. Какъ шы не
 помнишь, ошвѣчала она, чшо въ из-
 бѣ положили на печь, одѣвши въ
 сарафанъ.

Услыша сіе, спрыгнулъ онъ съ
 клеши, какъ бѣшеной, бросился въ
 избу на печь, сволокъ ошшуда пья-
 ную чушку, кошорая безпрешанно
 опорожняла излишекъ пици; чшо
 гораздо непріятно было для воров-
 скихъ носовъ. Однакожъ они сволок-

ли ее съ двора долой, и опшедъ подалбе, связали ей ноги, продбли между оныхъ шестб и помчали оную на плечахъ во всю рысь. Ъхашъ на шестб вбдъ не вб качалькб: распрясло обожравшуюся свинью и учинило изв ней обоудный водомешб, кошорый безв остановки орошалъ воровъ и шбмб изобильнбе, чбмб ускоряли они походомб. Воры ваялись, чшо выдумали шаковой способб къ возвращенію Тимони вб свое жилище; но опасаясь лишиться двухъ сомб рублевб, шерпбли они все сіе жестокое искушеніе и поспбшали дорогою.

Тимоня послб опбвзда свиньи скоро проснулся, а заспавъ, не вспомнилъ, куда онб дблб свинью. Жена! жена! вскричалъ онб, шолкая ее подб бокб, гдб мы свинью-шо спряшали? Долго ли, сказала она, шебб у меня о шомб спрашивашъ, вбдъ я сказывала шебб, чшо лежишб на печи вб сарафанб. Когда шы мнб сказывала? вскричалъ онб съ ужасомб.

Недавно, опѣчала она: конечно ты заспалъ. Ну! прощай же наша свинка! конечно ее спровадили! кричалъ онъ вскопча съ постели, и побѣжалъ въ избу. Но на печи вмѣсто свиньи оцупалъ нѣчто мягкое и совсѣмъ несходствующее на пріямной запахъ. Сіе было то, что свинья оставила ему изъ благодарности за похвѣльное его пощиванье. Запряслись у Тимони подколѣнки; но опасность жишь у воровъ рабошникомъ принудила его, ошложя безплодное уныніе, искашь средствъ въ поправленію бѣды. Онъ бросился на лошадь и поскакалъ догоняшь путешествующую свинью, что ему и удалось. Онъ догналъ ихъ скоро, при самомъ входѣ въ лѣсъ, и ѣхалъ за ними пошихоньку. Довольно шумная ночь препяшствовала ворами его увидѣшь, которые весьма уставши вздумали ошдохнуть, бросили съ сердцемъ свинью о землю, и одинъ изъ нихъ сказалъ: шѣфу! пропашъ какая! уморила! но изъ двухъ сошъ

рублевъ пошудисья можно. Другой опшвчалъ ему: шеперь бы брашъ не пожалблъ рубля за подводу, чшобб намб эшу сперву довезшь. Тимоха между шбмб привязалъ свою лошадь, опшведши вб шпорону; а самб подойдя пошхоньву, зачалъ бречашъ удблами узды, скинушой сб лошади. Одинб изв воровб, услышавши, сказалъ: брашъ! послушайка, никакб спущаная лошадь ходишь. Тимоха продолжалъ бречашъ; ворб увбрися и безв дальнихб околичношей бросилъ ловишь лошадь, а другой между шбмб опдыхалъ сидя близъ свиньи. Тимоха опш вора подвигался впередб, кошорой слбдовалъ за нимб, желая поймашъ клячу. Нечувшвишельно завелъ онб его далеко, гдб и осшавилъ, а самб поббжалъ кб другому. Приближась кб нему сажень вб десяшь, шшалъ его клянашь, говоря: пособи брашъ расковашъ лошадь. Тотб, предшавляя его своимб брашомб, и идучи кб нему на помощь опшвчалъ: эшайшь ббми-

Часть 111

УНИВЕРСИТЕТЪ

на, не можешь распушашь лошади. А Тимоня, будшо бы не смогая удержашь лошади, подвигался прочь, и какъ опшелъ его опъ дороги подалбе, оставилъ онаго искашь своего брата, кошорый искалъ попусту лошади, и бѣжалъ къ свиньѣ; подхвапя оную, сѣлъ на лошадь и увезъ домой; гдѣ привязалъ оную за ногу къ стоящему посреди избы своей жернову, вокругъ насыпалъ ржи; и шавъ свинья начала, кушая рожъ и ходя кругомъ, молотъ въ жернова. Тимоняжъ опяшь опсправился на постель, и ни о чемъ не думая, започивалъ спокойно.

Между шѣмъ воры сошлись вмѣстѣ. Одинъ спрашивалъ, гдѣ лошадь; другой опвѣчалъ, что оная и въ глаза не видалъ. Какъ! вѣдь ты меня кликалъ пособить распушашь? примолвилъ первой. Ты бредишь, опвѣчалъ шѣ; я и слова не говорилъ. Ну! сказалъ онъ; знаешь это Тимоха подшушилъ надъ нами! пойдѣмъ - ко посмошримъ, шушъ ли свинья. Но долго искавши,

не могли найшишь; почему догадались, что она въ провозденіи зяшя ихъ возвратилась обратно въ домъ свой, куда и они онышь побѣжали.

Пришедъ на дворъ, подошли они къ избѣ, и одинъ изъ нихъ сказалъ: пропали брашъ наши 200 рублей! вѣдь ужъ старая-то хрычовна проснулась; вошь чу! она жернова налаживаешь, знашь молошь хочешь. Однако побѣгу онышь къ сесшрѣ и спрошу у ней по давешнему, гдѣ свинья; можешь оная и не въ избѣ. И шакъ влѣзши по прежнему на клешь, разбудилъ и спросилъ ее: жена! а гдѣ свинья? Экой ты сонной, опвѣчала она, развѣ ты забылъ, что приязана въ избѣ къ жернову. Узнавъ, гдѣ свинья, бросился воръ въ избу, и подхващя добычу, побѣжалъ съ брашомъ своимъ, говоря: нѣтъ, шеперь онъ научилъ уже насъ, и не обманешь.

Въ то время Тимоня онышь проснулся и вскочилъ посмошрѣшь свинки; но вшедъ въ избу, узналъ,

что она украдена впопыхах. Нечего ему было больше дѣлать, какъ бѣжать ихъ догонять и изыскивать опять способъ къ обману. Онъ бѣжалъ порожнякомъ, сверхъ того посподохнувши былъ посвѣжѣе; слѣдственно ему не трудно было догнать усшалыхъ воровъ, везущихъ на себѣ свинью. Онъ шелъ за ними полегоньку до самаго лѣса.

По приходѣ во оный, сказалъ одинъ воръ своему товарищу, чтобы шуръ опдохнуть. Но другой ошвѣчалъ: нѣтъ братья, шуръ Тимоня, догнавши насъ, опять какъ будто обманетъ; а перешедъ лѣсъ, помнишь ли близъ дороги пустая изба, тамъ мы можемъ опдохнуть безъ опасности; въ чемъ они и согласились.

Услышавъ сіе, Тимоня бросился спороною впередъ, и вымаравши лице свое грязью, прибѣжавъ въ развалившуюся печь, прибавъ въ руки по кирпичу. Не долго дождался онъ ихъ шуръ: пришедши въ избу, бросили они свинью на

полъ. Ну! брашъ, сказалъ одинъ, шеперь почти дѣло сдѣлано. Дай-ко выкуримъ по шрубѣ шабаку. Изрядно, ошвѣчалъ другой, вынимая огниво; но долго рубя, не могъ шрушъ зажечь. Экая бѣда! сказалъ онъ, шрушъ ошсырѣлъ, какъ я по росѣ въ лѣсу за поспреломъ-ша Тимонькою гонялся. А шы поди къ усшью печному, можешъ бышь къ сажѣ прилипнешъ искра, говорилъ другой. Тотъ подошелъ къ печи и началъ ошяшь рубишь. Между шѣмъ Тимоня, выглядывая на него щелкалъ зубами. Воръ услышавъ, что нѣчто предъ нимъ щелкаетъ, началъ пуще рубишь, и при осѣвчиваніи огня, поглядывалъ въ печь. Тутъ присѣлъ онъ со спраха на землю, увидя Тимонино личико; онъ счелъ его за чорна и ошв ужаса не могъ больше произнесшь, какъ шолько прерывающимся голосомъ: Ахъ!... брашецъ... чоршъ! — Тогда Тимоня, заслушавъ во печи, пушилъ кирпичный пе-

рунѣ къ другому вора, который бросился было въ дверь, но ударившись лбомъ о приполоку, расшвырялся безъ чувствъ. Тимоня, схвативъ у одного изъ нихъ дубину, началъ пошвырявать ею шурьевъ своихъ поль исправно, что они скоро пришли въ память и обратились въ бѣгство. Трясущаяся отъ ужаса ноги ихъ принуждали неоднократно спрыгиваться; а Тимоня провождалъ ихъ кирпичною пальбою. Прогнавши оныхъ, взявъ свинью и понесъ домой, куда прибылъ уже на разсвѣтѣ.

Воры едва опдохнули, какъ первый разговоръ ихъ обратился до заклада съ зятемъ ихъ. Ну! говорили они, теперь свинью-то хоть чортъ събьетъ, но Тимонѣ она не доспанется, и мы возмемъ его опять въ себѣ жить. Пошомъ пошли они прямо въ домъ въ нему, для того что уже разсвѣшало; но пришедши узнали, что закладъ проиграли, и что не чортъ былъ въ пущой из-

бѣ, а зяшь ихѣ. Экой плути! ска-
зали они: вѣдь мы было померли
со спраху. Чшо жѣ дѣлашь, брашцы?
ошвѣчалъ онѣ: вамѣ хошѣлось зяшь
сѣ меня двѣсши рублевѣ, а шеперь
вы мнѣ оные заплашите. Наконецѣ
взялъ онѣ сѣ нихѣ деньги и началъ
жишь доборопорядчно.

СКАЗКА ВТОРАЯ.

Хотя известно, что Цыганы домов не имѣютъ, а весь свѣтъ служилъ имъ ночлегомъ: однако неизвестно, каковымъ случаемъ жилъ въ нѣкошорой деревнѣ Цыганъ своимъ домомъ. Случилось ему бѣжать въ лѣсъ за дровами, куда онъ прибывши, взлѣзъ на высокій дубъ, желая обрубить на ономъ вѣтви; но былъ столько глупъ, что началъ рубить самую шу вѣтвь, на коей стоялъ. Когда упражнялся онъ въ сей работѣ, бѣжалъ мимо его Русской мужикъ также за дровами, и примѣтивъ оную Цыганову глупость, сказалъ: Цыганъ! что ты дѣлаешь? Вѣдь ты убьешься! — А ты что за чортъ? ошвѣчалъ ему Цыганъ; не ужь ли ты вѣщунъ? почему ты вѣдаешь, что я убьюсь? Побзжай куда ѣдешь. — Ну! хорошо, сказалъ мужикъ, будешь ты и самъ скоро не лучше чорта. А

убирайсяжъ до машери вражей! говорилъ Цыганъ, продолжая рубить. Мужикъ удалялся, но не отбѣхалъ еще спа саженъ, какъ подрубленная вѣшвъ оборвалась съ Цыганомъ, который хотя былъ не пернашый, но слешѣлъ проворно; шолько садись на землю, сказывающъ, ему было не ловко. По щаспию убилися онъ не больно. Полежавъ нѣсколько и опамяшовавшись, побѣжалъ онъ какъ бѣшеной догонять мужика, говоря припомъ: конечно мужикъ сей былъ вѣщунъ, что узналъ о моемъ паденіи! Догнавъ онаго, спалъ предъ нимъ на колѣни и просилъ объявишь скоро ли его смерть будешъ? Мужикъ, примѣтя глупосшь его, выдумалъ надъ нимъ пошущишь. Очень скоро конецъ швой, сказалъ онъ ему. Вотъ! когда шы нажавъ возъ дровъ, повезешъ домой, и поднимаясь на извѣстный шебъ крушой пригорокъ, кобыла швая прожди испущишь вѣтръ, шумъ швой и смерть. Бѣдный Цыганъ завылъ

голосомъ , шужилъ и прощалея заочно со всей своей родней , съ домомъ и лошадьми. Считалъ судьбу свою неминуемою, приготоувился разспашься съ свѣшомъ. Пошелъ онъ въ своей лошади, наклалъ возъ дровъ, и побѣхалъ домой весьма шихо, ведя лошадь подъ узду, а на гору пособляя. Приблизась въ крупому пригорку, лошадь его поднимаясь, двожди уже испустила вѣшрѣ. Цыганъ онъ шого былъ едва живъ, и кричалъ въ опчаяніи: просши моя маишь сыра земля! просши жонка, дѣшки! уже я умираю! Но взвѣхавъ на гору, ободрился, думая, что мужикъ солгалъ ему о смерти. Онъ сблъ на возъ, сшегнулъ лошадь плешью, кошорая подернувъ возъ, гораздо громко выпалила. Тушъ Цыганъ вдругъ упалъ съ воза, сказавъ: шеперь шо ужъ я заиспицну умерѣ. И шакъ лежалъ на землѣ неподвижно. Лошадь его сошла съ дороги въ шпорону, и начала ѣсть шраву. Уже смеркалось; Цыганъ не

думалъ вспашь, счишая себя мертвымъ. Около полуночи пришли волки, и поймавши лошадь, начали ѣсть. Цыганъ при мѣсячномъ сіяніи видя сіе, приподнялъ голову и покачавши оною, говорилъ: ну ешьли бы я живъ былъ, я сбѣгалъ бы домой за ружьемъ и всѣхъ бы сихъ волковъ побилъ, а шкуры бы выдѣлалъ и сшилъ бы себѣ добрую шубу. Пошомъ опять распянулся въ положеніи присшойномъ мертвому. Волки конча ужинъ разошлись; а Цыганъ лежалъ до самаго утра. На зарѣ ѣхалъ мимо онаго мѣста Драгунскій объѣздъ. Бывшій при ономъ Капралъ, увидя лежащаго человѣка, и близъ онаго сбѣденную лошадь, счелъ и его за мертваго. Для чего и послалъ одного изъ подчиненныхъ своихъ осмошрѣшь; а самъ ошановаясь дожидался. Драгунъ подѣхавъ, и увидя, что лежишь не мертвое шѣло, а живой Цыганъ, спросилъ его, что за чортъ ты? Цыганъ, вскинувъ на него глазами презрительно, ска-

залъ : много ли у тебя шаковыхъ чершей! ты не слѣдишь, что я мершвой. Драгунъ разсмѣявшись ошѣхалъ, и донесъ Капралу, что онъ нашелъ не мершвое шѣло, а живаго Цыгана, который называетъ себя мершвымъ. Поспойшежь, ребяша, сказалъ Капралъ, мы шопчасъ его воскресимъ. И шакъ подѣхавъ, велѣлъ драгунамъ слѣзшь съ коней, и заворошя нафшанъ, сѣчь его плешми. Драгуны начали; Цыганъ молчалъ. Но какъ приняли его гораздо, онъ говорилъ сперва: пане Капрале, чущь ли я не живъ! Однако не дождавшись ошѣвша, вырвался у нихъ и побѣжалъ домой. Приближаясь къ деревнѣ, встрѣшилъ онъ съ мершвымъ шѣломъ, которое несли погребашь. За гробомъ шла горько плачущая мать умершаго. Цыганъ прибѣжалъ къ ней запыхавшись, и заскоча съ глазъ, вскричалъ: пожалуй не плачь шаруха. Ешъли хочешъ видѣшь сына своего въ живыхъ. вели его несшь на шощъ проляшой кру-

поярѣ; шамѣ и я былѣ мертвѣ, да
ожилѣ. Оказавѣ спарухѣ шоль важ-
ную услугу, пошелѣ онѣ спокойно
вѣ домѣ свой.

Чрезѣ нѣсколько недѣль случи-
лось сему Цыгану бышь вѣ городѣ.
Вѣ то время одна Цыганка ходила
просишь кѣ Воеводѣ за непочщеніе
на сына. Воевода послалѣ сѣ нею
разсыльщиковѣ, чѣшобѣ сына ея при-
вели. Цыганка сія, идучи домой, по-
жалѣла о сынѣ своемѣ, и не хопя
ввести онаго вѣ побои, не знала,
чѣшо дѣлашь. По безщасшію встрѣ-
щилсѣ сѣ ними оной недавно изб-
мершвыхѣ возспавшіи Цыганѣ. Тогда
она показала рассыльщикамѣ на не-
го, сказавѣ имѣ, эшо сынѣ мой. Топ-
часѣ схватили его подѣ руки и по-
шацили кѣ Воеводѣ. По приведеніи
предѣ судью, началѣ оный говоришь
ему: для чего ты не почишаешь
мать свою? указывая ему на спаруху.
Цыганѣ взглянувѣ на нее, закри-
чалѣ: чортѣ ея возьми. Какая она
мнѣ мать! — О хо! хо! сказалѣ Вое-

вода, шакъ шы и при миѣ пожв
дѣлаешъ, чшо и дома. Плешей, пле-
шей! закричалъ онъ. Бѣдной Цы-
ганъ какъ ни опговаривался, не вѣ-
рили ему, и расшянувъ, начали взва-
ривашъ. Цыганъ шерпѣлъ свою
учасъ; но расчелъ, чшо ему не
ощдѣлашъся, и закричалъ: ахъ! гос-
подинъ Воевода! шеперь я при-
знаюся, чшо она моя машь роди-
мая. — Но будешъ ли шы ее впредь
почишашъ? сказалъ Воевода. Цыганъ
клялся ему вѣ шомъ опѣ всей Цы-
ганской совѣспи. Воевода согласи-
ся ему повѣришъ, приказалъ пере-
спашъ; но вѣ знакъ покорности и
смирения велѣлъ ему мнимую машь
свою неспи на плечахъ своихъ до
дому. Цыганъ не смѣлъ пропивишъ-
ся, и пошацилъ оную на рукахъ св
двора Воеводскаго. На дорогѣ встрѣ-
шилъ св нимъ мужикъ изъ шой же
деревни, опкуда и самъ онъ былъ,
кошорый спросилъ его: какую онъ
вѣдъму везетъ на себѣ. — Ши...
молчи, молчи, сосѣдъ! опвѣчалъ

Цыганъ: се моя родная машушка.—
Какая швоя родная машушка: я знаю,
что у тебя машери уже нѣшъ, сказалъ
мужикъ. Подижъ спроси у господи-
на Воеводы, продолжалъ Цыганъ;
онъ былъ на моихъ родинахъ. И
шакъ донесъ Цыганъ старуху, куда
она приказала; и не ходилъ уже въ
городъ, коимъ начальшвовалъ шоль
прозорливой Воевода.

СКАЗКА ТРЕТІЯ.

Въ одномъ мѣстѣ жилъ такой человекъ, который довольно не строго наблюдалъ осьмую заповѣдь, шо есть, онъ считалъ все имѣніе ближнихъ себѣ принадлежащимъ. Въ такомъ расположеніи земли не пахалъ и хлѣба не сѣялъ. У него былъ родной племянникъ, оставшійся сиротою послѣ его брата, который пришедъ въ лѣтныя, удобныя къ разсужденію, усмотрѣлъ, что дядя его не исправляя работъ, по примѣру прочихъ мужиковъ, живешь оныхъ досташочнѣе. Почему пришедъ къ нему, просилъ неоспешно о наученіи такому жъ искусству. Дядюшка, говорилъ онъ ему, я вижу, что ты живешь воровствомъ, а сіе ремесло кажется мнѣ не очень хитро; такъ пожалуй научи меня красить. Какъ дуракъ, красить! сказалъ дядя, знаешь ли, что воровъ вѣшаютъ? — Не правда, дя-

дюшка; вѣщающѣ только дураковъ, копорые мало крадушѣ. На примѣрѣ прешьяго дня видѣлъ я, въ городѣ повѣсили вресшьянина за то, что онъ, умирая съ голоду, укралъ у скупова богача четверть ржи. А спарой нашъ Воевода укралъ у Короля 30000 рублей, его только смѣнили съ мѣсца, и не велѣли впредь къ дѣламъ опредѣлять. Но ему и нужды въ помѣ нѣтъ: деньги-та остались у него почти всѣ, за нѣкошорымъ расходомъ. А изъ шого заключилъ я, что и повѣшенной вресшьянинъ ешьлибъ укралъ ржи 30000 четвершей, и при томъ не у судьи, а у самаго Короля; то бы его только смѣнили съ мѣсца, то ешь, Парламентъ далъ бы ему за это шпагу. И шакъ врасъ очень прибыльно; нужно лишь умѣть концы хоронить. Дядя примѣшивъ изъ разсужденія сего довольную ошпрошу его разума, согласился взять шрудъ поучить его, чему самъ гораздъ.

Первый урок назначенъ въ слѣдующее утро, и приказано ученику явиться часа за два до свѣта. Торовапой племянникъ, поодѣвшись на легкую руку, не преминулъ исполнить повелѣнiе, и вышупилъ съ учишелемъ своимъ на подвигъ. Шедши мимо дерева, увидѣли они на ономъ сидящую на яицахъ въ гнѣздѣ сороку. Вошъ учись, сказалъ дядя; надобно украсшь изв-подъ сороки яицы, чшобъ она шого не слышала. Пользай, а я буду шебя поправляшь въ ошибкахъ. Нѣшъ дядюшка, опвѣчалъ онъ; шы долженъ мнѣ показшь сiю хипросшь, а я шану присмашривашься швоему проворшву. Дядя согласился и пользъ на дерево. Племянникъ (кошораго звали Фомкою) между шѣмъ весьма искуснымъ образомъ облупилъ у дядиныхъ сапоговъ подошвы, и снялъ съ него поршки, шакъ чшо онъ ничушь сего не почувшвовалъ. Воръ, укравъ яицы, спустился. Вошъ Фомка! шакъ-шо учись, сказалъ онъ

племяннику; сорока не слыхала, какъ я подобралъ яицы. А шы, дядюшка, не слыхалъ, какъ съ шебя поршы сняли и обрѣзали у сапоговъ подошвы, говорилъ племянникъ, показывая ему оныя. Воръ удивился. Ну другъ мой! сказалъ онъ: ученаго учишь, лишь порпишь. Я воръ славной, а шы преславной; лучше будь шы мнѣ не ученикъ, а шоварищъ. И шакъ заключа съ нимъ договоръ вмѣстѣ воровашь, пошли домой.

Проходяльсь, увидѣли они крестьянина, ведущаго на веревкѣ корову. Вошъ добрая говядинка, сказалъ дядя. Ешълибъ можно, ошвѣдалъ бы эшого мясца. А для чегожъ не можно, спросилъ племянникъ. Я украву корову. Вошъ какой вздоръ, сказалъ дядя; можно ли изъ рукъ у мужика укрась ее? Посмотри шолько, молвилъ Фомка; и шопчасъ скинувъ съ себя новый сап гъ, обмаралъ оный каломъ, и забѣжавъ впередъ мужика, бросилъ на дорогъ, а самъ спрятавшись за кушъ, примѣчалъ, чшо

мужикъ съ сапогомъ сдѣлаешъ. Мужикъ нашедъ на оный, хотѣлъ было поднять; но обмаравъ руку, бросилъ и продолжалъ пушъ. Фомка, скинувъ другой сапогъ, забѣжалъ еще впередъ, также бросилъ на дорогѣ. Крестьянинъ, нашедъ еще сапогъ, сказалъ: э! какъ жаль, что я не поднялъ сапога, вошъ ему пара; однако вернусь, онъ лежишъ не далеко. И шакъ привязавъ корову къ дереву, побѣжалъ назадъ. А Фомка между шѣмъ проводилъ корову въ сторону, гдѣ оную съ помощію дяди убилъ, и облупя кожу набилъ ее правую, и занеся въ болошо, не подалеку отъ дороги находившееся, вшопшалъ въ шресину, оставя наружѣ шолько хвостъ. Гдѣ дядѣ своему велѣлъ проревѣшъ нѣсколь-ко разъ коровою.

Мужикъ, нашедши сапоги, попереялъ корову. Онъ не думалъ, что объ оную украли; а считалъ, что оная опшвзавшись забрѣла въ лѣсѣ. Почему пошелъ искашъ; однако долго

ходилъ, и кликалъ понапрасну; ибо въ то время содрали уже съ нее кожу и набивали правою. Исправясь же, дядюшка Фомкинъ изъ куста въ болотѣ началъ мычать коровою. Мужикъ, услыша голосъ сей, бросился къ тому мѣсту, и увидя хвостъ, кричалъ: экъ себя чортъ куды занесъ прокляшую! Но пришедъ, и пошавъ за хвостъ, нашелъ не корову, а родимое ея плашнице, набитое правою. Горе его было велико, но нечѣмъ пособить. Онъ взялъ кожу и побрѣлъ домой; а дядюшка съ племянничкомъ, раздѣля добычу, кушали за здоровье его говядину.

Фомкѣ скоро случилось быть праздну, и для того пришедъ къ дядѣ, звалъ онъ его на промыслъ. Кудыжъ ты думаешь? сказалъ дядя; я не вѣдаю, гдѣ бы намъ пошашашься. Фома подумавши, вскричалъ: по-поспой! я вздумалъ сдѣлать шупку съ сосѣднимъ Дворяниномъ. Какую? спросилъ онъ. Я, ошвѣчалъ Фомка,

украду ночью съ него и съ жены его рубашки, и ушащу изб-подъ нихъ посшель. Вотъ какую небылицу болшаешь ты, говорилъ дядя: сходно ли съ разумомъ изб-подъ живыхъ людей унесшь посшель и сняшь съ нихъ рубашки? Ты увидишь, что я не лгу, молвилъ Фома, и пошелъ на промыселъ. Прибывъ въ домъ того дворянина, вошелъ въ хоромы, неся съ собой цѣлый горшокъ квасной гущи. Вспуля передъ спальню, спавшихъ въ оной двухъ дѣвокъ сшилъ нишкою очень крѣпко за косы; и шагъ оставя оныхъ, вшелъ въ спальню и вылилъ гущу между Дворяниномъ и женою его. Потомъ спрятавшись за печку, дождался начала комедіи. Дворянинъ, повернувшись, ощутилъ ибъ что сходствующее на свиной конфектъ, коимъ у него и у жены его были вымараны рубашки, и кромѣ того между ими находилось довольно количество. Онъ счелъ, что либо самъ, или жена его сей грѣхъ учинили. Дѣв-

ки, дѣвки! вскричалъ онъ, какъ бѣшеной; располкалъ жену, харкалъ, плевалъ, вскочилъ съ постели. Дѣвки, услыша зовъ, хотѣли вспашь; но будучи сшипы косами, сползнулись другъ съ другомъ и упали на полъ. Связанныя ихъ косы пшянули исправно ихъ волосы. Дѣвки съ просонья сочли, что подруга ее съ умыслу за косу пшянешъ. Вдругъ вѣцѣпились онъ обѣ другъ другу въ волосы и начали драку съ крикомъ, Опачканной Дворянинъ, не дождавшись дѣвокъ, сбросилъ съ себя рубашку, и выскочилъ нагой разнимашъ дѣвокъ. Барыня равномерно въ шомъ ему послѣдовала. Фомка, дав имъ свободу судишь, миришь и шузишь, выбросилъ постелю и рубашки въ окно, куда и самъ ошправился. Онъ, въ великому удивленію дяди своего, принесъ добычь.

По прекращеніи ссоры, Дворянинъ крайне изумился, не нашедъ, въ шоль корешкое время, постели своей и скинушыхъ рубахъ. Онъ

разговаривая пошомъ по упру, сказалъ , что далъ быдесяшь рублевъ шому , кшо бы объявилъ причину сей чудной пропажи. Слухъ о семъ дошелъ до Фомки ; ибо онъ ходя около двора онаго Дворянина, навѣдывался, что въ немъ происходитъ. Почему велѣлъ доложишь о себѣ Дворянину , что имѣешь до него надобность, и былъ допущенъ. Вошедъ, говорилъ онъ: я слышалъ сударь , что вы желаете знать , какимъ образомъ сдѣлалась у васъ пропажа , такъ вѣдайте , что это мое дѣло. И шребовалъ въ награждение обѣщанныя деньги. Дворянинъ, узнавъ ошъ него подробности происшедшаго, постой мой другъ, сказалъ онъ вору ; увѣришься сему по однимъ словамъ швоимъ не можно. Ты долженъ доказашъ по явнымъ опышомъ швоего искусства. Если украдешъ ты въ нынѣшнюю ночь съ конюшни моей споялаго жеребца, я заплачу шебѣ обѣщанныя деньги вдвое. Очень хорошо, сказалъ Фомка;

наше эшо дбло. Св чемб опш него вышелб.

Дворянинб, призвавб своего конюшаго, приказалб онаго жеребца чрезв всю ночь держашь двумб челобкамб за поводы, а шрешьему за хвостб. Сдблавши сіе учрежденіе, думалб онб: шеперь посмошрю я, какб онб проворенб! Хошябб шо ж самб сашана былб, не обманешб шроихб челобкб, сб шакою ошпорожношю ешерегушхб коня моего.

Фомка, высмошря все распорядженіе, поббжалб и купилб цблый боченокб вина, кошорой подкашилб конюхамб. По счасшю его были они гораздо неопасные непрішеливину. Запахб онаго шопчасб дошелб до ноздрей ихб, по коему они какб добрыя гончія собаки добрались кб боченку, и не долго размышляя, принялись все шрое оный опоражнивашь. Опш сильного прилбжанія опнялись у нихб руки, ноги и чувсшва, и они погадавб на

землю, отдались безопасно во власть сна. Фомка, вшедь въ конюшню, двоимъ пьянымъ далъ въ руки по поводу, привязавши узду въ яслямъ; а прешьему вмѣсто хвоста вручилъ горсть пеньки; жеребцажъ проводилъ онъ домой. Исправя сіе, пришелъ поутру къ господину, который долженъ былъ устоять на дворянскомъ словѣ, прибавя нѣкошорый выкупъ и за жеребца.

Спустия нѣсколько дней, началъ Фомка звать дядю своего воровашъ въ столицу тамошней земли Короля. Мы шамъ можемъ имѣть лучшіе случаи красъ хорошіе куски; а здѣсь по нашему искусству добыча мала, говорилъ Фомка. Всякое ремесло имѣетъ расположеніе, и мало по малу доходишь до совершенства. На примѣръ, подвѣчій, припѣсня челобищиковъ, берешь съ нихъ только алпынами, достигнувъ въ Секрешари счетъ его составляющъ рубли. А ешлы учинишся онъ судьей, что и необхо-

димо случается съ шѣми, кои искус-
нѣе грабили; тогда уже цѣлые мѣш-
ки управляюще его совѣсшью. Мы
также совершили уже подвигъ подвѣ-
чихъ; алпыны и рубли у насъ есть,
а шеперь время подражать намъ
старому Воеводѣ. Дядя согласенъ
былъ и оправились въ путь.

Проходя сквозь одинъ городъ,
Фомка съ умыслу учинилъ драку,
чтобъ доставить шѣмъ дядѣ сво-
ему способъ у сбѣжавшагося смо-
трѣльщика народа, что ни будь изъ кар-
мановъ повышаскашь. Въ чемъ имъ
былъ хотя и добрый успѣхъ, но
Фомку, какъ зачинщика драки, взя-
ли подъ караулъ и повели къ Вое-
водѣ того города. Фомка шедъ до-
рогою, поднялъ не малый камень и
положилъ оный за пазуху. По при-
бытіи къ судебное мѣсто начался
доносъ. Во время слушанія онаго
Фомка показывалъ почасу Воеводѣ
сквозь вафшанъ камень. Воевода
счелъ оной за мѣшокъ денегъ, и ду-
малъ, что шѣмъ его подарить хо-

чешь виновашый, ешьяли его опра-
вишь. Завидливые судейскіе глаза
разгорблись: спрасшь ко взяшкамь
принудила его дблать все въ поль-
зу Фомкину. Топчась изгнаны до-
нощики, яко пришедшіе изъ пущя-
ковъ ушрудашь Воеводу. Оспав-
шихь наединь съ Фомкою, право-
судець просилъ его дашь за трудъ
оббщанное. Фомка, принявъ на себя
суровой видъ, сказыль, что у него
и въ мыслихъ не бывало дарить
его. Какъ! чтожь шы мнѣ показы-
валъ изъ-за пазухи? молвилъ Воево-
да. Камень, опивчалъ онъ, коимъ я
грозилъ шебѣ проломить голову, хо-
щябъ шы мало пошянулъ не на мою
сторону. Нечего было дблать об-
манушому судѣ, какъ выполкашь
оного въ нею; что онъ и учинилъ
съ великимъ прилбжаніемъ. И шакъ
Фомка съ дядею своимъ продолжали
душъ.

Наконецъ пришли они въ сполн-
ду. Ходя по городу для примбчанія,
гдѣ можно что сорвашь; узнали,

гдѣ лежишь Королевская казна, при
 коей весьма слабый караулъ нахо-
 дился, какъ - по обыкновенно слу-
 чается въ государствахъ, гдѣ Пар-
 ламентъ строго слѣдуетъ похище-
 нія, и не находишь покраденнаго.
 Вотъ! сказалъ Фомка съ радостію,
 шувъ - по можемъ мы понагрѣшь
 руки! По насупленіи глубокаго
 но инаго времени, пришли они для
 осады кладовой, и долго спорили,
 кому изъ нихъ ийти на приступъ.
 Дядя по предпріятъ очень боялся;
 однако Фомка, бывъ его проворнѣе
 и опважнѣе, взялъ сей прудъ на
 себя. Влѣвъ шуды, сломавши въ окнѣ
 рѣшешку съ спороны гдѣ часоваго
 не было, и взялъ столько денегъ,
 сколько могъ поднять. Они ушли,
 и нишо имъ не препяшповалъ.

Чрезъ нѣсколько дней осмошрѣли
 нецѣлосць денежной казны, о чемъ
 вѣсць дошла и до самаго Короля.
 Онъ велѣлъ оставишь разломанную
 рѣшешку, шакъ какъ она есть,
 чщобъ показашь, будшо бы покража

не примѣчена. Но подѣ окномѣ поспавили кошелѣ расплѣнной смолы. Воры не преминули чрезѣ нѣсколько дней вшорично посѣлшить казну. Но какѣ была очередь лѣзшь дядѣ, шо онѣ вскоча вѣ окно, вшюрисл по самыя уши вѣ смолу. Фомка, долго ожидая возвращенія своего дяди, догадался, что онѣ попался, и полѣзѣ шуды осмошрѣшь, что сѣ нимѣ случилосѣ. Спусслась вѣ окно ошпорожно, узналѣ онѣ его нещасшїе. Но приложя всю возмощность, вышлланушь изѣ смолы не могѣ, а шолько удушилѣ его до смерши. Примѣшлвѣ, что уже дядя его успе, ошрѣзалѣ онѣ ему голову, а шуловище ошлavlлѣ вѣ смолѣ. Послѣ чего набравѣ еще денегѣ, ушелѣ благополучно сѣ мершвою головою, кошорую зарылѣ вѣ землю; ибо не надѣялѣ ошѣ ней ни помощи, ни сошѣшу. Поушпру вѣ кладовой увидѣли двѣ диковинки: нецѣлую казну, да человѣчье шуловище безѣ головы. И шавѣ узнали, что не одинѣ былѣ

ворѣ, но два, изъ коихъ оставшіи, имѣя въ товарищу большую дружбу, когда не могъ выщипать изъ смолы самага, шо взялъ его голову. Хошя и вѣрно всѣми мѣрами провѣдывашь, не явился ли въ кражѣ сей каковаго подозрѣнія; но всѣ способы и выдумки были безъ успѣха.

Наконецъ Король, сожалея о утратѣ своей казны, а не меньше спараясь о испребленіи воровъ, предпріялъ самъ ишши провѣдывашь; для чего и переодѣлся въ простое платье, только забылъ снять свою вынизанную жемчугомъ и дорогими камнями шапку. По наступленіи ночи, вышелъ онъ изъ дворца. Люди уже не ходили по улицамъ, и въ городѣ всюду владычествовала тишина и сонъ. По случаю встрѣтился Король съ воровъ Фомкою, котораго и узналъ онъ по шапкѣ, для того что видѣлъ онаго въ ней днемъ. Король спросилъ его, что онъ за человекъ. Воръ, отвѣчалъ Фомка. А ты что за человекъ? говорилъ онъ

Королю. Я шѣмъ же нишаюсь про-
мыслѣмъ, сказалъ Король: спанемъ
вмѣстѣ воровашь. Очень изрядно,
опшѣчалъ Фомка. Но куды же мы
пойдемъ красшь? Пойдемъ къ Коро-
лю въ казенную палашу, сказалъ
Король. При семъ словѣ Фомка далъ
ему шаваю оплеуху, что едва на
ногахъ ушоялъ. Какъ! негодница,
сказалъ онъ, кто насъ поишѣ, кор-
мишѣ и охраняешѣ, а ты къ шому
хочешъ ишии красшь! Пойдемъ луч-
ше къ шому Вельможѣ, коего домъ
прошивъ самага дворца.—Нечего бы-
ло Королю больше дѣлать, какъ
согласишься на желаніе вора; ибо
боялся, чтобъ оный его не зарѣзалъ.
И шакъ они пошли шуды. Пришедъ
къ дому, далъ Фомка Королю же-
лѣзныя свои когши, съ помощію ко-
ихъ лазилъ онъ по стѣнамъ какъ
кошка, и принуждалъ Короля лѣзшь
по стѣнѣ въ кладовую, кошорая бы-
ла въ прешьемъ жильѣ надъ спаль-
нею Вельможи. Король насилу могъ
ошѣ шого ошговоришься, и Фомка

принялъ прудъ сей на себя. Лѣзучи мимо окна, услышалъ онъ, что говорятъ въ спальнѣ. Желая узнать, въ чемъ состоитъ пошлѣ разговоръ, услышалъ слѣдующее. Ну жена, говорилъ Вельможа, завтра произведемъ мы въ дѣйство наше намѣреніе. Какъ оно возможно! сказала жена. Вотъ какъ, продолжалъ Вельможа: вѣдаешь, что завтра праздникъ. Короля послѣ обѣдни позову я на чарку водки, и шакъ дамъ ему пошлѣ смершнюю оправу, что онъ выпивши, на пошлѣ же мѣстѣ падетъ мершвѣ. — Услышавъ сей разговоръ, Фомка оставилъ свое предпріятіе, и спустился на землю, спалъ на колѣна предъ Королемъ, и смѣло говорилъ ему: Государь! я знаю, что ты нашъ Король, проси мою дерзость, что я шакъ съ вами давеча пошупилъ; а шеперь я услышалъ ужасную прошиву васъ измѣну. Послѣ чего объявилъ ему разговоръ Вельможи съ женою. Король спо-

репѣлъ; но одумавшись сказалъ ему: я за давишное сердца на шебя не имѣю, а за шеперешнее обязанъ моею жизнію. Не сумнѣвайся въ моей милоспи.—При чемъ снялъ съ головы своей драгоценную шапку, надѣлъ ее на вора, примолвя: сей мой подарокъ да будешь тому залогомъ. Завтра я прошу шебя въ себѣ въ госпи. И ешьли шо въ самомъ дѣлѣ шавъ, какъ шы мнѣ донесъ; шо знай, что шы больше, нежели думаешь, почувствуешь мою на себѣ благодарносшь. Съ словомъ симъ они разспались.

По ушру во время обѣдни, когда Король со всѣми своими придворными и онымъ зломыслящимъ Вельможею былъ въ церквѣ, появился Фомка въ Королевской шапкѣ. Онъ шелъ ее не снимая, прямо въ Королю. Приближась къ оному, сказалъ: здравствуй Король! и безъ свякихъ околичностей спалъ съ нимъ рядомъ. Король принялъ его шоль ласкаво, что всѣ предшоящіе

удивились, и не знали, что о шомъ подумашь.

По окончаніи обѣдни, Вельможа оный для исполненія своего злоумышленія позвалъ Короля къ себѣ въ гости; на что онъ и согласился. По прибытіи къ нему въ домъ, Вельможа поднесъ Королю рюмку съ изгошовленнымъ ядомъ. Но Король сказалъ ему: нушка брашецъ, по шаринѣ самъ на здоровье. Вельможа запылся и началъ было опговаривашься, что ему не довлѣетъ выпить прежде Государя; но Король принуждалъ его неопмѣнно выпить. Вельможа увидѣлъ свою гибель, упалъ въ яму, кою самъ ископалъ. Онъ выпилъ ядъ, сочтя лучше умереть скорою, чѣмъ мучительною смертью. Едва опнесъ онъ рюмку опъ рша, сила онаго яда повергла его на землю бездушна. Тутъ увѣрился Король въ правдѣ сказаннаго ему воромъ. Онъ повелѣлъ жену Вельможи казнить. А Фомку пожаловалъ на мѣсто Вельможи, оп-

давъ ему все умершаго имѣніе, и
женя на дочери его, кошорая не
знала о зломъ вымыслѣ родителей
своихъ. И шахъ Фомка изъ бѣднаго
вора учинился знашнымъ Вельмо-
жею. Форшуна не рѣдко дѣлаешъ
шаковыя игрушки!

С К А З К А .

Д О С А Д Н О Е П Р О Б У Ж Д Е Н І Е .

Природа не всѣхъ равно награждаетъ своими дарами : одинъ получаетъ отъ ней великій разумъ, другой красоту , прешій способность къ предпріятіямъ , и шакъ далѣе ; но бѣдный Брагинъ забывъ былъ равно отъ природы, какъ и отъ счастья . Онъ произшелъ на свѣтъ человекомъ безъ всякихъ прикрасъ : видъ его не плѣнялъ, разуму не дивились и богатству не завидовали . Онъ не имѣлъ еще дому, хспя прожилъ на свѣтѣ 40 лѣтъ, и по всѣмъ общошгельствамъ не было надежды, чшобъ удалось ему носить кафшанъ безъ заплащъ . Онъ сидѣлъ въ приказѣ , ушро писалъ , день пилъ , а ночью просыпался . Но сіе правило не было непремѣнно : онъ пилъ , когда случались просители , и по особливому его счастью, уже лѣтъ

сѣ пять, навѣ ирой нашѣ былѣ всегда сѣ похмѣлья. Въ сшарину подбѣчихѣ пьяницѣ въ чины не производили, жалованья онымѣ не давали: они писали за договорную цѣну; и шавѣ Брагинѣ, ничего не ожидая ошѣ времени, привыкѣ къ своей участи: писалѣ, выписывалѣ и пропивалѣ исправно.

Казалось, что судьба никогда о немѣ не вспомнишѣ; ибо Брагинѣ не кликалѣ ее ни жалобами, ни досадою, ни благодарностію; однако дошла очередь учинишѣся ему благополучнымѣ. Въ одну ночь послѣ просяжнаго гулянья, когда уже начальникнѣ его Секрешарь опредѣлилѣ ошдохнушѣ ему въ желѣзахѣ, досадовалѣ онѣ ужасно прошиву несправедливости, ему оказанной; понеже онѣ не считалѣ, чтообѣ надлежало его наказывать за то, что онѣ слѣдуетѣ шому, что его ушѣшаетѣ. «Я пью вино, думалѣ онѣ опершишѣ на свою руку; я пью его для шого, что вкусѣ онаго мнѣ нра-

«вишся. Многіе пьюшъ кровь своихъ
 «ближнихъ, однакожъ не всегда ихъ
 «за сіе сажають въ желѣзы. На-
 «чальникъ мой Секрешаръ раззоря-
 «ешъ въ годъ нѣскольکو десятковъ
 «цѣлыхъ фамилій; онъ подлинно
 «высасываетъ всѣ ихъ жизненные
 «соки; но онъ считаешъ себя оправ-
 «даннымъ къ шому примѣрами лю-
 «дей, упошребляющихъ сіе вмѣсто
 «народнаго права. Я шакже бы могъ
 «оправдашъ въ шомъ себя примѣра-
 «ми; но я не хочу съ нимъ равняшь-
 «ся; онъ безчеловѣченъ, а я другъ
 «ближнимъ моимъ. . . Будь прокляшъ
 «Секрешаръ, и здравствуй любезное
 «вино! мы съ шобою никогда не раз-
 «спанемся.» — Едва кончилъ онъ
 «свое восклицаніе, вдругъ видишъ онъ
 «входящую прекрасную госпожу, одѣ-
 «шую на легкую руку.» Милосшивая
 «государыня, сказалъ вскоча Бра-
 «тинъ, какую нужду вы имѣете у
 «насъ въ приказѣ? Безъ сомнѣнія
 «напишешъ челобитную. Я къ ва-
 «шимъ услугамъ.» — Такъ мой другъ,

«опивчала ему госпожа, шы не
«ошибся; и въ шакое время, когда
«еще всѣ спяшъ, прихожу я съ на-
«мбрениемъ, чшобъ воспользовашься
«швоимъ искусшвомъ, и найши ше-
«бя не заняша работою. Я давно
«уже себя ищу, но всегда неудач-
«но; время швое шавъ хорошо раз-
«дблено, чшо почши нѣкогда шобъ
«и переговоришь со мною.» — Бра-
«гинъ не дослушалъ ея словъ, онъ
«подспавилъ госпожѣ скамью, про-
«силъ сѣсть, положилъ бумагу, опра-
«вилъ перо, и дблая размахи надъ
«бумагою, спрашивалъ, чшо пишашь
«и на кого? «Прошу внимашь слова
«мои подробно, говорила ему госпо-
«жа; ибо родъ челобитной моей дол-
«женъ различешвовашь отъ обык-
«новеннаго образца, коимъ просишъ
«имярекъ на имярек.» — Какъ раз-
«личешшовашь, вскричалъ Брагинъ!
«челобитную швою не примушъ.»
«Нѣшъ ничего, продолжала госпожа;
«довольно, ежели оную шолько про-
«чшущъ. Начинай другъ мой!» —

Послѣ чего сказывала она, и подвѣ-
ячій писалъ слѣдующее:

«Форшуна, кошорую по проспо-
нарѣчю называютъ щасшьемъ и
приписываютъ ей раздаяніе чело-
вѣческихъ учащей, по справкамъ
своимъ нашла, что она не уча-
ствовала въ перемѣнѣ состоянія
нѣкошорыхъ людей, и кошорые
клеплютъ ее въ полученной мило-
сти напрасно, проситъ особъ, ко-
имъ ввѣрено попеченіе о правосу-
діи, разсмотрѣть, изыскать и
рѣшить слѣдующіе ея вопросы:

«Ошъ чего набогашаются шѣ, ко-
имъ Государь ничего не жаловалъ,
наслѣдства не доставалось, при-
даного за женами не брали и про-
мысловъ не имѣли, а были шолько
у порученныхъ должностей?»

«Чрезъ что получили нѣкошорые
недвижимыя и движимыя имѣнія,
когда предки ихъ и сами они ха-
живали въ лашняхъ?»

«Бывшіе у закупки сѣбѣсныхъ
вприпасовъ гдѣ нашли кладъ?» «Но

«государыня моя, вскричалъ Брагинъ
 «переславъ пишашъ, я долженъ съ
 «вами договориться, что пожалеете
 «вы мнѣ за трудъ; понеже вы на-
 «чали такіе вопросы, кои никогда
 «не рѣшашъ, и коимъ конца не бу-
 «дешъ.» — Не забѣшься о награжде-
 «ніи, опшѣчала она; щасшье само
 «себя находишъ... Правда, что я
 «хотѣла было присовокупить къ
 «симъ вопросамъ кое-что, какъ на
 «примѣръ: опшъ чего приславленные
 «къ приѣмамъ и выдачамъ не сво-
 «дятъ расхода съ приходомъ? Опшъ
 «чего у васъ въ приказѣ лѣшъ по 50
 «лежатъ дѣла нерѣшенныя и прочее?
 «по я избавляю себя опшъ труда.
 «Я пришла не бишь челомъ но шоль-
 «ко узнашь себя, подлинно ли ты
 «въ такомъ бѣдномъ состояніи,
 «и шакъ равнодушно сносишь то,
 «что щасшье о тебѣ не вспомнишъ.
 «Вѣдай, что я сама богиня щасшья,
 «и могу переѣмнишь судьбу твою.
 «Послѣдуй мнѣ.»

Брагинъ чувствовалъ, что кан-

дали его спали; онъ бросилъ бумагу, и бѣжалъ задыхаясь за проворно шествующею богинею, ожидая не меньше, какъ получить цѣлую вина бочку; ибо желанія человеческія замыкаются обыкновенно въ предѣлахъ общошельствъ, въ кошорыхъ оныя находяшся. Они пришли въ преогромныя палашы; Брагинъ ломалъ уже съ сердцовъ палацы, не видя во оныхъ никакихъ сосудовъ, способныхъ подать ему надежду о приближеніи въ вину. Однако богиня не хотѣла медлить своимъ награжденіемъ: она дала ему очарованную шапку. «Надѣнь ее на голову, сказала она, и желай чего хочешь: все исполнится.» Въ то мгновеніе палашы и она исчезли; а Брагинъ съ своею шапкою очутился на городской площади.

«Ежели я не обманушъ щасшьемъ, думалъ онъ, то подарокъ его стоитъ многаго. Испышаемъ; я съ похмѣлья, кабакъ близко; изрядно, я желаю, чщобъ вездѣ поили меня

« безденежно. » Сказалъ, и вшелъ въ первый пишейный домъ. Онъ требовалъ вина, пива; подавали безъ опговорокъ, и не требовали плашы.

« Проси приказъ, кричалъ Брагинъ! »

« съ сего времени я пишу больше не намбрень. » Онъ ходилъ по всѣмъ шаковымъ мѣстамъ; тысяча пріятелей собрались вокругъ его, шли за нимъ, и пользовались его счастьемъ. Бочекъ со спо выпило. Брагинъ, поднося всѣмъ, не забывалъ себя; но къ огорченію почувствовалъ, что хмѣль надъ нимъ не дѣйствуетъ, хотя товарищи его всѣ попадали. Сіе привело его къ разсужденіямъ. Я пью для того, чтобы ошалѣть, думалъ онъ; но когда пилъ я цѣлый день храбро, и по сихъ поръ еще не пьянъ, за чемъ же пишу? Прежде вънъ мой шекъ своею дорогою; мнѣ до него дѣла не было; а теперь помышляю я о томъ, что со мною будетъ впредь. . . . Да чтожъ со мною будетъ? сего счастье мнѣ не объявило. Оно позволило

миѣ желать только. Пожелаемъ чего нибудь! . . . Но чего же миѣ желать? Всѣ соспоянія въ свѣтѣ польды для меня не завидны, что я избонныхъ не изберу, въ кошоромъ можно бы жить спокойно. Ошъ вышняго чина до нижняго всякое наполнено суешъ, безпокойствъ и опасности. Вышнимъ завидуюшъ, нижнихъ пришбсняюшъ; а я не хочу бышъ ни пришбснишелемъ, ни пришбсненнымъ. . . Однако ешъ одно, въ кошоромъ можешъ бышъ проживу явесело. И шакъ я желаю обратишъ въ красавца.

Въ шо мгновение багровый и угревашый его носъ учинился наилучшимъ избъ всѣхъ бывшихъ нѣкогда въ чесши у Римлянъ. Сыворопочносѣрые его глаза обратишъ въ пару черныхъ блиспающихъ очей, коихъ взоры ошрѣе стрѣлъ проницаюшъ до сердца, и располагаюшъ спрашными вздохами побѣжденныхъ. Синевашья и опухлыя его губы усшупили маленькимъ улыбающимся розовымъ усшнамъ, коимъ никогда

не дозволитъ бышь въ праздности. Смѣсь Паросскаго мрамора, снѣга, лилеи и развивающейся розы вснупила на смуглый и въ приличныхъ мѣстахъ рдѣвшійся цвѣтъ лица его. Изчезли въ зубахъ щербинны, произведенныя смѣлою рукою ражаго мясника на послѣднемъ кулачномъ сраженіи; шубъ были уже два ряда зубовъ, кои не спыдно показывашь съ намѣреніемъ, и кои придають прелесшь не кшапи начашому смѣху. Чшобъ не забышь и о волосахъ, оныя сдѣлались подобны не крашенному шелку, и зефиръ посшарался заврушишь оныя въ прелесшнѣйшіе локоны, чшобъ удобнѣ могъ опдыхашь и играшь во оныхъ. Черныя его брови изъ своей навислости до самыхъ рѣсницъ перемѣнились въ шоненьвія, возвышенныя, и кошорыя лучше къ нему присшали, нежели къ рыжей щеголихъ, когда она свои лисьяго цвѣща превращаетъ въ гебенъ Кишайскою шущью. Щедрое щасшіе не забыло и о его лѣтахъ :

сорокъ проведенныхъ безъ вниманія
 годовъ раздѣлены по поламъ, и видѣ
 Брагина безъ подозрѣнія могъ бытъ
 принимаемъ за сей возрастъ, въ чемъ
 морщины шоль досадно измѣняющъ
 пожилымъ двушкамъ, помышляю-
 щимъ еще о Гименѣ. Не можно
 истиннаго начертанія сдѣлашь его
 спану, рукамъ, ножнамъ и провор-
 ности; воспочный писатель нашелъ
 бы можешъ бытъ копію съ преле-
 сшнаго бога любви, наковымъ казал-
 ся онъ нѣжной своей Псишѣ. Искус-
 ная богиня, хоша изображающъ ее
 слѣпою, видѣла подробно все нуж-
 ное; она пеклась и о его нарядѣ.
 Замасленный синій, съ зелеными за-
 плашами его кафтанъ уступилъ мѣ-
 сто легкому шелковому одѣянію,
 блистающему отъ шипья золошомъ;
 мѣдныя и разныхъ цвѣшовъ шер-
 сшяныя пуговицы учинились брилі-
 анповыми. Долгій и ниже колѣнъ
 просширающійся намзолъ слѣдѣлъ
 долой, чшобъ увидѣли Индійскую
 кисею, покрывающую Галльскую

шафшу, распещренную дорогими камнями. Обувь его, копорая могла спорить древностію съ рѣдчайшими ошашками прошлыхъ вѣковъ, копорая покрыша была прехгодоваюю грязью, и изъ-подъ копорой при каждомъ шагнѣ выскакивали на свободный воздухъ кривые пальцы, учинилась точно шаковою, на кою обращающъ взоры спыдливыя красавицы, чшобъ послѣ, возвышая оныя полегоньку, дойши до глазъ, и непримѣшно высмопрѣшь все, чшо нужно высмопрѣшь. — Таковое-шо превращеніе воспослѣдовало ошъ щасія благополучному Брагину, и дозволило ему обыкновенное право, коимъ пользующся его любимцы, шо есть желашъ и видѣшь желаемому исполненіе. Но Брагинъ не желалъ еще ничего; онъ любовался своимъ перерожденіемъ, разсмапривая себя въ шихомъ шовѣ рѣчки, сшоя на берегу оныя.

Вдругъ сшувъ карешы пресѣвъ его удовольствіе: разряженная въ

прахъ дѣвица, и припомбъ прекрас-
 ная и молодая, вышла къ берегу. Она
 снимала съ себя бриліанты и бро-
 сала врознь съ досадою. Карета ея
 уѣхала, и не осталось никого, кшоббъ
 могбъ бышь свидѣтелемб ея жало-
 бамб, кои начала она немедленно.
 «О жестокой красавецб, сказала она
 «вздохнувши! Не ужб ли ты не на-
 «шелб во мнѣ ничего, удобнаго вос-
 «пламенишь тебя? Весь свѣшб ищешб
 «моей благосклонности, а швое ка-
 «менное сердце нечувствительнo.
 «Ни одинб Монархб не презиралб
 «еще ласковыхб моихб взоровб, а
 «ты равнодушенб въ шо время, ког-
 «да я тѣснѣйшимб союзомб хочу съ
 «шобою соединиться. О варварб, не-
 «благодарный къ моимб обязані-
 «ямб! ты гонишь меня изб свѣша;
 «я не могу жить послѣ шаковаго
 «пренебреженія. Прозрачныя струи
 «будущб тебя снисходительнѣе;
 «онб сокроюшб въ себѣ и мою сла-
 «бость, и мою несчастную любовь.»

Сказавъ сіе, красавица пригошви-
лась бросишься въ воду.

Брагинъ, которому любовь не мо-
гла еще до пѣхъ поръ упрекать,
чтобъ былъ онъ подъ ея власпію,
возчувствоваль все дѣйствіе ея при
первомъ взглядѣ на несчастную кра-
савицу. Прелести ея наполнили всѣ
его чувства, и каждое опчаянное
ея воздыханіе было ударомъ въ его
душу. Онъ бросился къ ней опро-
мешью и удержаль ее за платье,
гошовую уже погрузишься въ водахъ
рѣчки. Красавица упала въ обмо-
ровъ отъ воображенія о смерти,
или можешъ бышь только пришло-
рилась, чтобъ не опснать ни въ
чемъ отъ своего пола, которыи
всегда прибѣгаетъ къ сему сред-
ству, бывая наединѣ съ пригожимъ
человѣкомъ, чтобъ съ благопри-
стойностію привлечь его къ шѣмъ
прикосновеніямъ, коихъ не лзя из-
бѣгнушь при подаіи помощи. Но-
выи Адонидъ положилъ красавицу
въ себѣ на колѣни, ослабилъ ей

ипуровку, и прилагая всевозмож-
 ные старанія къ приведенію ее въ
 чувство, узналъ, что онъ самъ не
 будешь живъ, елики она не опом-
 нишя. — «Ахъ божественное шво-
 реніе!» вскричалъ онъ, осыпавъ
 поцѣлуями ея руку, и прижавъ оную
 къ груди своей; ахъ безсмертныя
 прелести! кто можешь взирать на
 васъ, и какой варваръ, ка-
 кой обидѣтель ледовитыхъ горъ
 могъ привести себя въ сіе со-
 стояніе? О! елики бы я только
 удостоился одного швоего ибжна-
 го взора, вся жизнь моя посвя-
 щена была бы любви моей. . . . Я
 не говорю обожаешь себя; ибо я
 женился бы на тебѣ — «Женился
 бы на мнѣ! вскричала открывъ
 глаза красавица: для чегожъ ты
 неблагодарный медлилъ? для чего
 доводилъ ты меня до опчаянія?»
 — Государыня моя! я не видалъ
 васъ никогда. — Никогда, небла-
 годарный: ты не знаешь богиню
 счастья, которая учинила я тебѣ

«наилучшимъ мущиною и пре-
 «бовашелемъ всѣхъ сокровищъ свѣ-
 «ша?» — «О богиня! я виновашъ; но
 «я исправлюсь» вопіялъ Брагинъ, и
 цѣловалъ ея руки; щасъе ему не
 препяшшвоволо. Гдѣ пылаешъ пла-
 мень взаимной любви, шамъ желанія
 оживляющся, шамъ онымъ не пре-
 няшшшвуютъ. Щаспие согласилось
 еочешашся бракомъ съ благополуч-
 нымъ Брагиномъ, и ничего недо-
 спавало больше, какъ шоржешшво-
 вашъ оный. Сему проиешшш над-
 лежало конечно не у рѣчки, хопя
 впрочемъ щаспие ловишъ позволено
 во всякомъ мѣстѣ. Богиня подала
 руну своему любовнику, всеочили и
 помчались рѣзше вѣпра въ царшшво
 щаспиа.

Брагинъ чувшшшвалъ, что онъ
 лешитъ, но неизвѣшно какимъ об-
 разомъ; но онъ, заняшый воображе-
 ніями о своемъ благоденшшви, не
 номышлялъ ни о чемъ, вромъ до-
 спиженія, и безопаспоспше свою ввѣ-
 рилъ щаспиа. Дворецъ, горящій

попѣшными огнями, имѣ предспа-
вился; звукъ разныхъ музыкальныхъ
орудій, пысячи пѣвицѣ и шанцов-
щиковѣ вѣспрѣшили ихъ у ворошѣ
онаго. Брагинѣ видѣлѣ, чпо судьи
приказа, вѣ коемѣ онѣ нѣкогда на-
ходился, и на коихъ шогда не смѣлѣ
взирашѣ безѣ препеша, были шущѣ
шолько приворошниками и кланя-
лись ему вѣ землю. Двери вѣ по-
кояхъ ошворяли вельможи; духи и
волшебницы гошовились прислужи-
вашѣ при сполѣ, наполненномѣ вмѣ-
сто яшвѣ блюдами сѣ коронами,
сѣ разными перевязками, сѣ чер-
вонными и бумажками, на коихъ на-
писаны были всѣ упошребительныя
вѣ свѣшѣ шиплы.

Когда новобрачныя сѣли за сполѣ,
шогда со всѣхъ чешырехъ шпоронѣ
двери расшворились, и во оныя во-
шло множешво людей, кои по дан-
ному ошѣ богини знаку заняли по-
рожнѣ спуля. Госши сѣи были раз-
личнаго вида: одни предшавляли
совершенныхъ ироевѣ, другѣ доб-

родѣшельныхъ и набожныхъ; но большая часть казались бытъ наглыми забіяками. Съ блюдъ раздавала сама богиня зажмурясь; ошъ чего произошло, что добродѣшельнымъ достались однѣ шольво бумажки; мало ироевъ получили съ первыхъ блюдъ; забіяки расхвапали все, что въ нимъ было близко, а набожные удовольствовались деньгами. Вскорѣ попомѣ между гостями сдѣлалась драка; смѣлые зачали срывашъ другѣ съ друга шапки, и шолкашъ съ спульевѣ; ирои ихъ унимали. Но все бы не помогло, ешьлибѣ богиня не приказала подашъ напишка, называемаго забвеніе себя. Волшебницы начали подносишъ, и выпившіе получили дремошу. Братинѣ счишалъ сіе дѣйствіемѣ хмѣля, не сомнѣвался о ошропѣ поила, и не могѣ ушерпѣшъ, чшобѣ не попросишъ онаго спаканѣ; ему ошказано. « Не спѣшите, сказала ему « на ухо одна волшебница; вамѣ нынѣ не должно дремашъ; кажешся

« вы и шакъ цѣлый вѣкъ спали. —
 « Какъ ты можешь мнѣ опказывать?
 « вскричалъ Брагинъ съ досадою: зна-
 « ешь ли ты старая вѣдьма, кто я?
 « — «Очень, опвѣчала волшебница;
 « вы супругъ щасшя. — « Не сердись,
 « душенька, сказала ему богиня; вол-
 « шебница тебя предосперегаетъ.
 « Есмьлибѣ ты выпилъ хопя каплю,
 « ты бы забылъ, что нынѣ нашъ
 « бракъ. Теперь оставимъ мы го-
 « сней. . . . ты можешь совершенно
 « пользоваться твоимъ щасшиемъ,
 « примолвила она заспыдившись; но
 « сіе пребуешь старанія. Я побѣгу,
 « ты доспигай меня, и ешьли
 « поймаешь, тогда» — Богиня не до-
 « кончила; она вскочила изъ за-спо-
 « ла и побѣжала какъ заяцъ. Брагинъ
 « нуснулся въ слѣдъ за нею, доспи-
 « галъ, и выбившись изъ силъ упалъ
 « задохнувшись. — « Не убится ли ты,
 « красавецъ, вскричала богиня под-
 « ходя къ нему?» Брагинъ не могъ
 « выговорить ни слова; она бросилась
 « къ нему и начала его цѣловать. —

«А! теперь уже ты не вырвешься; я поймал мое счастье» сказал он, схватя ее в объятия и прижав к груди своей. . . .

Что за чорт ваяется? кричал один из дозорных к человеку, лежащему в грязи, и схватившему за ногу свинью — Это был почтенный супруг счастья, жалости достойный Брагин, который ввечеру возвращаясь с кабака, упал в лужу, и почивал бы спокойно в оной до свѣта, еслибы свинья по обонянью не добралась к нему и не доспалась ему в объятия, шронув губы его своим рылом.

Из сего видно, что счастье не всѣмъ дозволяетъ ловить себя в авѣ; многіе видятъ оное только во снѣ, хошя впрочемъ существенность онаго на свѣшѣ семъ зависитъ отъ воображенія.

П О В Ъ С Т Ъ

О новомодномъ Дворянинѣ.

На вершинахъ одной рѣки, сообщающей воды свои къ прибавленію ширины Волги, по ту сторону города, изъ коего возяшъ въ нашу столицу нужныя для пищи вещи, стоялъ домъ того Дворянина, который древность своего рода не могъ далѣе вычислить, какъ со времени, когда въ нашихъ мѣлкихъ городахъ всячки дошли до совершенства. Предки его блаженныя памяти съ великимъ усердіемъ набивали карманы свои трудами шѣхъ несчастныхъ, коихъ хлопоты принуждали подавать прошенія въ шо мѣсто, гдѣ они ошправляли должности повышчиковъ и Севрепарей. По несчастію ихъ, шаковое грабительство дошло до Правосудія. Оно, наполнясь гнѣва, издало законъ, всѣхъ шѣхъ, кои возмушъ за рабо-

шу съ того, что испинна велишб
 рѣшишь безденежно, привязывать
 для исправленія шеями къ веревкѣ,
 висящей у машины, сходствующей
 на П. Сія загвоздка у многихъ ис-
 поршила по нѣскольку фуншовъ
 врови, или по крайней мѣрѣ, съ не-
 большою сухоспю во ршу, положи-
 ла предѣлы ихъ корыстшлюбю. Ро-
 дишель сего Дворянина шакже по-
 чувспшвовалъ свербежѣ за спиною, и
 скуча безмездными шрудами, оспа-
 вилъ приказную службу, купилъ
 деревню, и поселился въ показанномъ
 мѣстѣ, чшобѣ пользоваться безо-
 насно награбленнымъ. Тогда ску-
 пыхъ было больше, нежели мшшовъ;
 а нынѣ ихъ меньше, за шѣмъ что
 послѣднихъ порасплодилось. Дворя-
 нинѣ сей шакже слишшвомъ не шш-
 ровашѣ былъ выдавашѣ свои деньги,
 и больше любилъ сборы, нежели
 расходы. Онѣ держался своей спа-
 рины. Единородное его чадо, сынѣ,
 вышло на свѣшѣ совѣмъ съ про-
 щивными ошцовымъ склонностшми.

Онъ лучше зналъ цѣну денегъ, и умѣлъ оныя, не имѣя еще въ рукахъ, употреблять по моднымъ обычаямъ. Отецъ его училъ Ариеметикѣ только до умноженія, слѣдственно за грѣхъ считалъ содержащъ для него учителя Француза, копорые безъ чаю и кофе жить не могутъ. А сіе, послѣдуя преданію наставника людей, что ходящъ въ синихъ кафшанахъ съ двойнымъ желтымъ и краснымъ ворошникомъ, Аввакума расприги, считалъ за святошество. Но не столько боялся онъ грѣха, какъ плашы за ученіе. И такъ для подспорья кошельку и чшобъ не опсшать отъ Дворянъ, въ коимъ онъ приноравливался, опредѣлилъ опсправить сына въ Москву, чшобъ опсдашь учишься на казенной счешъ.

Сбирающъ Несмысла (такъ намяную я Дворянскаго сына) въ дорогу. Дающъ ему дядьку кошорый хошя и назывался добрымъ человекомъ, но въ самомъ дѣлѣ госпожа

совѣсть въ разсужденіи его вдов-
 ствовала. Ошвѣздъ насшаешъ. Чис-
 шое родишельское благословеніе да-
 но ему вмѣсто всѣхъ нужныхъ ве-
 щей. Проговорено поученіе: не знашь-
 ся съ мошами и карпошной игрою.
 Несмыслъ пускаешъ по мимо ушей,
 и смощришь, сколь велико будешъ
 награжденіе родишельское въ день-
 гахъ. Таровашый ошецъ догадываешъ-
 ся, что безъ денегъ никакъ про-
 бышь не можно. Вышягиваешъ изъ
 кармана дѣдовскую содранную съ
 нѣвошораго спольника бархашную
 мошну, въ коей искуснымъ образомъ
 упряшано было сорокъ алшынъ мѣд-
 ныхъ мѣлкихъ денегъ.—Возьми сіи
 деньги, говорилъ онъ, держи оныя
 съ бережью, не мошай и не лакомь-
 ся. Башюшка мой, ошправляя меня
 на Сухореву башню учишься Арие-
 мешикъ, далъ хопя не сполько мно-
 го, однакожъ алшынъ съ десяшь, въ
 сей же мошнѣ. Я жилъ въ доволь-
 ствѣ, и назадъ еще привезъ цѣлый
 пяшакъ. Такъ-то дшяшко учись!

не смощри на развращенныхъ людей, кои, презирая даръ Божій, пшеничную муку, созданную на пищу человекамъ, шрапятъ ее уничтожительно на пришруску своей головы и Французскихъ мудрей; а о другомъ и говоришь нечего. Бѣгай сихъ ядовишыхъ скорпій, и опасайся ихъ угрызенія. — Несмыслъ съ жадносною схватилъ деньги, думая, что оныя серебряныя, и хоша природа одарила его разумомъ безъ излишества, однакожъ онъ довольно признашительно ошблагодарилъ за подарокъ. Выходитъ онъ, садитъся въ роспуски, и ошвѣзжаетъ, льстя себя имѣющимъ у него въ рукахъ сокровищемъ. Онъ числитъ въ мошнѣ по крайней мѣрѣ рублевъ сошню. Не шакъ радуется копейка, коей удашся приброешь въ лицу головной уборъ; не шакъ веселишья п. . . просыпаясь въ родишельскую суббошу: какъ Несмыслъ, переворачивая съ боку на бокъ свою казнохранишельницу. Онъ пріѣзжаетъ на первый

посшоялый дворъ, желаетъ осмош-
 рѣшь деньги; но сколь испужался
 онъ, высыпавъ и видя вмѣсто се-
 ребра мѣдь? Сколько ни выдумывалъ
 онъ средствъ; но не избралъ шако-
 ваго, кошорое насшавило бы его,
 чѣмъ исправилъ надобности въ про-
 бздѣ до Москвы, и какъ располо-
 жилъ шамъ жизнь свою. Дядька его
 приходишь, и видя смущеніе своего
 господчика, ошбираетъ причину она-
 го. Надлежитъ вѣдашъ, что дядька
 сей былъ не избъ числа деревенскихъ
 слугъ. Онъ бѣгая ошъ сшараго Дво-
 рянина, живалъ прежде въ Москвѣ
 у многихъ шаровашыхъ господъ;
 слѣдшвенно понаглядѣлся, какъ
 живущъ нынѣ въ большемъ свѣшѣ.
 Будучи догадливѣе своего господчи-
 ка, рѣшилъ его сумнѣніе, и подалъ
 совѣшъ обвѣявъ войну опцовскимъ
 деньгамъ. Несмыслъ, имѣвшій боль-
 ше нужды въ родишельскомъ сокро-
 вищѣ, нежели въ его жизни, согла-
 шается на все. Онъ предаетъ на
 проворшво своего дядьки все, не

изключая и шбл башюшкина, о сохраненіи коего забоишься причины онб не имблб. Слуга вздумалб было задавишь барина; но спина его извъявила ему вб шомб свое несогласіе. По нбсколькихъ размышленіяхъ положено сдблать приступб къ кладовой, гдб лежали деньги. Орудія къ осадб пригошовлены; слуга побхалб назадб. Несмыслб осшался на посшояломб дворб дожидашься благопоручнаго конца предпріятію.

Солнышко прищурилось, и уже заснуло. Ночь задернула горизонтб черною своею епанечкою. Природа вся почивала, изключая однихъ ночныхъ пшицб, воровб и домовыхб. Послбдніе вб сіе время, сказывающб, бздящб другб къ другу вб гощи и пируютб; а иные пускающб кирпичную пальбу изв-за печей на шбхб, што не милб; шакже оббвзжаютб и лошадей вб конюшняхб. Однако должно миб поудержашься ошб подробнаго описа-

нія ночныхъ явленій. Я человекъ небогашой, и помня, что безъ бережливости прожить въ свѣтѣ не можно, слова попржимаю. А во избѣжаніе ошъ излишней прапы бумаги не буду описывать походъ во-ра, гошоващагося на приспущъ къ владовой скупаго Дворянина, и подвину его къ самымъ ворошамъ ихъ дому. Я ошпановляю его въ находящейся близъ самыхъ ворошъ рошѣ, велю слѣзшъ съ коня, и привязавъ онаго къ дереву, думаю, какъ начашъ приспущъ. Смошрише, въ каковомъ пуцу я его на дворъ нарядѣ.

Скупые по ночамъ, равно какъ и домовые, имѣющъ свои причины не спашъ. Дворянинъ Скрыгинъ (имя Несмыслова ошца) по шомужѣ всегда бодрешвовалъ. Слугѣ шо было вѣсшимо. Онъ, опасаясь войши шуда въ обыкновенномъ плашѣ, выворачиваетъ шубу свою и шапку, и надѣваетъ ихъ шерстѣ вверъхъ. Въ семъ плашѣ и безъ маски могъ онъ показашъся на очи шарому Дворя-

нину, съ коимъ встрѣпишься окошны онъ не имѣлъ. Оспорожностъ во всякомъ дѣлѣ хороша, а въ воровствѣ, говорящъ, будшо бы необходима. Онъ влазишъ на дворъ чрезъ заборъ, входишъ въ сѣни, и безъ дальныхъ околичностей дѣлаешъ обухомъ привѣшешвѣ замку, спрегущему кладовую. Сей упрямился и не склоняешся; воръ запускаешъ съ боку долошо, и просишъ пробой о дозволѣнїи войши. Оный споришъ, извясняешъ негодование свое шонкимъ звукомъ, наконецъ поворяешся, и обще съ замкомъ стуча, ошлешаешъ прочь ошъ своего караула. Тихая ночь, громкія сѣни, разлили эхо замочнаго паденїя до ушей неспящаго Скрягина. При семъ слухъ сердце его вспрыгало, подавая вѣсть о опасности кладовой и денегъ. Ноги едва могли вынесши его на себѣ въ сѣни. Воръ, не ожидая добраго ошъ сего явленїя, сибшишъ бѣжалъ вонъ; но въ пошьмахъ встрѣчаешся съ бариномъ. Лбы ихъ сразились,

ноги подкосились, и оба они вдруг хлопнули сѣдалищами о полъ Рука Скрягина, коснувшаяся вывороченой шубы, увѣрила его, что это не воръ, пришедшій красть его деньги, а домовый ему попался, ибо домовые, сказывающъ, бывающъ космаше. Скрягинъ вѣрилъ въ домовыхъ, какъ должно суевѣру; но водиться съ ними не привыкъ. Общество сіе ему не понравилось. Мысли его наполнились ужасомъ, и оправили его назадъ шѣмъ же пушемъ, но не шюю походкою; а такъ какъ шанцуютъ раки. Онъ кричалъ: чуръ наша мѣста! и меньше, нежели въ минушу, дверь его спальни была заперта, кладовая оставлена въ добычу мнимому домовому; а для изгнанія его опшуду опредѣлено назавпрѣ чипашь: на морѣ на Окіянь, на островѣ на буянѣ, и прочая.

Между шѣмъ усердный молодому господчику слуга въ страхѣ забылъ пужашь Скрягина, и испужался самъ, почтя его за шого, кого онъ пред-

спавляшь на себя шрудъ взялъ. Хо-
 шя онъ былъ и преесшешвенный
 плушъ; но чорта спрусилъ какъ
 бы и чеспной человѣкъ. Наконецъ
 пришедъ въ себя, скорое удаленіе
 домоваго шолкуешъ въ свою пользу,
 ободряешся вновъ, входилъ въ кла-
 довую, и посылаешъ руку въ сун-
 дуки, возвѣсшилъ рублямъ приходъ
 свой. Видно, что длани его имѣли
 шу же силу прошиву злаша и сере-
 бра, какъ магнишъ на желѣзо. Къ
 нимъ прилипло по цѣлому мѣшку
 рублевиновъ. Симъ симпашическимъ
 способомъ перевелъ онъ множество
 сундучныхъ невольниковъ въ свои
 карманы, и еще сколько могъ уне-
 сши, на плеча. Исправя благополуч-
 но свою должностъ, возвратился
 онъ къ свѣшу въ постоялый дворъ
 съ хорошимъ грузомъ къ неописан-
 ной радости Несмысла, коего онъ
 надѣлилъ изобильно, но не забывъ и
 о своей часши.

Я не буду описывать огорченіе,
 почувствованное Скрягинымъ при

лишеніи его казны; изъ того бы вышла цѣлая Елегія, а я пишу вѣдь не Трагедію. Пущь онъ плачешъ, пущь воешъ, рвешъ на головѣ волосы и бьешъ оною о стѣну, мнѣ не больно. Насшупаетъ время okazaшь Несмысла въ Москвѣ. Въздѣ его былъ хопя и не въ шоржеспивенной колесницѣ, а въ рогожныхъ роспускахъ; но онъ считалъ себя не меньше Ироя, имѣя на лицо около полушоры шысячи серебряной монешы.

Слуга, разумѣющій свѣшъ, предсшавилъ ему, чшо жишъ въ школѣ подло для денежнаго челоука, и чшо сидѣшъ за науками свойспивенно однимъ шолько неблагогороднымъ людямъ; чшо надлежитъ письмо, данное ему ошъ ошца къ дядѣ его, изодрашъ, къ нему не показывашься; а нанявъ въ шихомъ мѣспечкѣ домъ, жишъ, какъ живущъ модные Дворяне. Совѣшовалъ ему завешъ общешво съ шаковыми людыми, кои бы сдѣлали ему насшавленіе о всемъ,

что лежишь до знанія Дворянскаго;
 что ешь, не о любви къ опечесству
 и добродѣтели, а обращаешься смѣ-
 ло, говоришь живо, на примѣрѣ, на-
 чинаешь рѣчь и не оканчиваешь, пе-
 ребиваешь слова другихъ, всѣхъ пе-
 ресмѣхашь, одѣваешься по модѣ, и
 играешь въ карты. Несмыслъ прие-
 мешь слова сіи за оракулъ, и имѣя
 къ наукамъ шаковоежь усердіе, какъ
 собака къ кошкѣ, слѣдуешь сему
 наставленію. Домъ наняшь, сошни
 при испрачено на наряды, столъ
 его наполненъ множествомъ ку-
 шанья и разныхъ винъ. Хотя ис-
 шинная дружба нынѣ въ свѣтѣ
 сколько же рѣдка, какъ и чудеса;
 но друзей у него нашлося со изли-
 шествомъ. Господинъ Перемоловъ
 занимаетъ большую часть его сер-
 ца и его денежныхъ расходовъ, на-
 ставляетъ его, какъ ходишь, гово-
 ришь, садишься, ложишься, словомъ,
 всему по модѣ, и меньше нежели
 въ недѣлю сдѣлалъ изъ него ни по
 ни сію; ибо онъ вновь ничего не

выучилъ, а старое забылъ. Но Немысливъ считаемиъ себя не меньше, какъ взросшимъ во Франціи, смѣшся всѣмиъ, кои не попрыгиваюшъ на одной ножкѣ, и не вмѣшивая иностранныхъ словъ, не произносяшъ оныхъ на выворотѣ. Словомъ, заразившись Французскими обычаями, онъ жалѣлъ, что и дышалъ воздухомъ своей природной сшраны.

По законамъ моды не можно было обойтись безъ любовницы; по сему спрасъ овладѣла имъ въ одну минушу, и прежде нежели назначилъ онъ копорую нибудь повелишельницею своего сердца, вздыхалъ, спрадалъ, мучился, думалъ, не зная самъ о чемъ. Для того что по моднымъ обычаямъ, сказываюшъ, можно, и не влюбясь любишь, и влюбясь не любишь: то естъ, говоришь шакъ и видѣ казатъ влюбленнаго, а внутренно бытъ свободнымъ, и смѣяшся просшотѣ легковѣрныхъ. Или влюбись на часъ только, чтобъ пользуясь слабостию нѣкоторыхъ,

наконецъ обманушь, пустишь о нихъ въ свѣтъ исторію, и сдѣлашь предметомъ народнаго смѣха. Нынѣ уже нѣтъ любовныхъ Ироевъ, о коихъ упоминають въ рыцарскихъ повѣстяхъ, и кои бѣгали за милыми своими изъ часпи свѣта въ другую, шерпили гладъ и хладъ, смертельныя опасности, а иногда и умирали за поспоянство. О! сколь они глупы были! восклицають жипели новомоднаго міра. Справедливо; за чѣмъ давань владѣнь собою спраси, а особливо нечисшой, кошорая вмѣсто поспоянства основана на вѣрности, и вмѣсто чистосердечія подкрѣпляется прибыткомъ, а одѣша не вѣрностію и великодушіемъ, но блескомъ золота?

Несмыслъ, наполня голову любовными мыслями, опредѣлилъ иснашь особы, коея красоть могъ бы поручить владычество надъ своимъ сердцемъ. Онъ ѣздилъ по разнымъ собраніямъ и позорищамъ, видѣлъ сто разныхъ красавицъ, сполькожъ развѣ

мѣшался въ разумѣ, и не положилъ ни на одну жребія своего избранія. Однако другъ его Перемошовъ избавилъ его шруда, предсшая ему въ любовницы госпожу Верпоглазову. Сія особа была собою очень не дурна. Живые и вольные посшупки и всѣ ухвашки модныя досшались ей вмѣсто имѣнія по наслѣдству послѣ покойной машупки ея. Но ей не было нужды забошиться о имѣніи; ибо господа Верьхоглядовъ, Вершопраховъ, Подлицаловъ, Зубоскаловъ и прочіе плашили ей хорошую дань, или сказашъ по модѣ, обожая, сирѣчь впадая въ идолопоклоненіе, возжигали предъ нею золошый фиміямъ, и приносили серебряную жершву. Она слыла еще дѣвицею, пошому что ни съ кѣмъ не вѣччалась.—Сей-шо красавицѣ опредѣлено, въ шайномъ совѣщѣ господъ волокишъ, обѣявишъ любовную войну. Перемошовъ насшавилъ во всемъ Несмысла, для шого что самъ былъ добрый солдашъ Купидоновой арміи,

и искусный приводецъ Венериныхъ полковъ. Несмыслъ все понялъ; ибо въ шаковыхъ дѣлахъ наука не шрудна, и природа сама вразумляешъ. Назначено вещи подкопъ подъ постоянство госпожи Вершоглазовой, кое у ней весьма слабо защищалось; а сердце взявъ присшупомъ, въ разсужденіи малаго гарнизона. Пріѣхали въ маскерадъ, гдѣ нашли красавицу. Осада поведена, началась глазная переспрѣла. Перемошовъ помогалъ Несмыслу, и показывалъ слабую мѣсша, какъ бывавшій уже въ оной крѣпости. Онъ перебѣгалъ шпиономъ, и сказывалъ, что господинъ Несмыслъ очень богатъ, и побѣжденнымъ даетъ хорошее награжденіе, чѣмъ весьма подкрѣплялъ успѣхи, и доводилъ къ здачѣ всѣ укрѣпленія госпожи сея. Однако я заболшался, и писалъ о любви по салдашки. Должно перемѣнить слогъ рѣчи, чшобъ не впасъ въ вину предъ господами волокишами, у коихъ прошу за сіе извиненія, и

оббщаюсь оббявишь конецъ повб-
спи инымъ порядкомъ. А вы, чипа-
тели, слбдшвіе осады пошчасъ ус-
льшише, ешьли не поскучише чи-
шашъ далбе; ибо я избъ доброй воли
шакъ скоро пишашъ не переспану.

Предпріятіе Несмыслово имбло
хорошій успбхъ. Но и чего не
удасшься шому, кшо доспигаешъ цблї
своей деньгами? Они все на свбшб
производяшб. Деньги дблаюшб ви-
новапаго правымъ, вб испинибъ ока-
зываютъ погрбшенія, доспавляютъ
человбку разумъ, чешъ веселье и
все, чшо ни вздумаешъ. Я умалчи-
ваю, чшо деньги бываюшб иногда
причиною несчастія, для шого чшо
сіе очень рбдко. . . . Но чшобб пи-
савши сказку, не прешворишь оную
вб проповбдь, скажу корошкю : Не-
смыслъ былъ выслушанб. Дозволе-
но ему пришши вб капище сея
Венеры. Онб приняшб изрядно,
и доспигб шого вб часъ, до чего
засшбнчивые люди вб пашъ лбшб
не добираюшся. Не о чемъ сумиб-

вашься, что шушь легла большая часшь изъ его оспашва денежнаго запасу. Въ мѣсяцѣ не оспалось у него болѣе двадцати рублевъ. Онъ задумался, и не вѣдалъ, что начашь. Къ вѣщшему его унынію любовница къ нему спала холоднѣе, и наконецъ запретила показывашься къ себѣ на глаза. Несмыслъ о семъ, въ прошивность моды, началъ было крушишься и можешь бы ошправился на шошь свѣшъ; чему пособляла бѣдность, онъ кошорой было онъ пошвыкъ. Но Перемошовъ, какъ во всемъ искусившійся, насшавилъ его испышашь послѣдняго щасшія въ каршахъ. Сысканы игроки, сѣли, бросали на право, на лѣво, били сѣоника и обвѣяли, что деньги, плашье и все, что онъ имѣлъ, надлежашь имъ по народному праву. Перемошовъ игралъ шушь не худо роль свою, и поклонясь ему сказалъ, что онъ ѣдешь въ надобное мѣсто изъ Москвы, и жалѣешь, что долго сѣ нимъ не увидишся. Слова его зна-

чили почти слѣдующее: Ты, Несмыслъ, былъ дуракъ, и по присловицѣ «не спрося броду, сунулся въ воду.» Дружба моя была не къ тебѣ, а къ твоимъ деньгамъ. Она всѣ, и она скончалась. И такъ Несмыслъ спалъ по прежнему безсребренникъ, или голъ, какъ соколъ, оставя изъ себя примѣръ всѣмъ держащимъ расходу не по приходу, а особливо слѣдующимъ совѣтамъ людей распушныхъ, о состояніи коихъ невѣдая, дружащя съ ними; чего надлежитъ бѣгать какъ огня. Но я не хочу быть нравоучителемъ, и оставлю сіе для умнѣйшихъ, а сверхъ того боюсь раздружишься съ тѣми, кои подражаютъ Несмыслу, и совѣты шаковые не примутъ заблаго, замолчу. Однакожъ не уморю Несмысла съ опчаянія, ибо мнѣ оный надобенъ для продолженія повѣсти; я же не ленарь, слѣдственно ешь во мнѣ сожалѣніе, и причиною смерти его быть мнѣ не должно. Я

знаю, что послѣдуешь съ нимъ
 впредь, но почему, о томъ не ска-
 жу. — Несмыслъ, не имѣя ни на ко-
 го надежды, прибѣгаешь опяшь къ
 слугѣ своему, коего нареку я Раз-
 врашникомъ, пошому что подлинное
 его имѣя забылъ, или и помню, да
 сказаешь не хочу. Что кому до шо-
 го нужды? А ешьли пожелаешь о
 томъ узнать, пущь опгадаваешь,
 какъ хошь: но испытаніе сего
 меньше принесешь ему пользы, какъ
 пословица: всякой Еремей про себя
 разумѣй. Сей Разврашниковъ, какъ
 усердный слуга расходовъ господ-
 скихъ, хошь изъ денегъ его забла-
 говременно поприбралъ искуснымъ
 образомъ довольную часть, но въ
 скудоси ими ссудилъ его не счелъ
 за нужное, и оставилъ ихъ на соб-
 ственныя надобности. Онъ швердо
 наблюдалъ прибаску: береги де-
 нежку про черной день; но сей по-
 словицы барину своему не ошкры-
 валъ, и не сдѣлалъ объясненія, въ
 чемъ сошолъ шомъ шроурный

день. Онъ далъ ему наставленіе возымѣшь опять прибѣжище къ родишельской кладовой. Намѣреніе сіе было полезное, но исполненіе онаго шрудно. Однако чего не можешь предпріяшь разумъ челоуѣка, заблуждшаго съ пуши испиннаго? Вѣдали они, что Скрягинъ, пошерявши изрядное количество вазны своей, или лучше скажашь души, ибо безъ денегъ онъ жишь не могъ, хопя впрочемъ и съ деньгами сея у него не было, — догадывались они, говорю я, что Скрягинъ учнешь оспашки караулишь поприлѣжиѣ. Въ самомъ дѣлѣ, онъ перенесъ ихъ въ свою спальню и положиа въ сундукъ, послалъ на немъ посшелю и опочивалъшущъ, накладывая на ночь себѣ на шею цѣль, надѣшую за дугу замочную, и замыкая оную у себя на шеѣ другимъ замкомъ, для лучшей оспорожности. Сіе дошло къ ихъ свѣденію, а какъ, шого не знаю; но они опредѣлили, во что бы шо ни спало, деньги ошшуда высвободишь.

Для скорѣйшаго же въ томъ успѣха предпріяли шаковое дѣло, кошорого нѣжный слухъ безъ омерзения и ужаса слышать не можешь. Или скажешь яснѣе для шѣхъ, кои загадокъ опгадывашь не горазды, опправишь Скрыгина для свиданія съ праопцами въ шо мѣсто, гдѣ въ деньгахъ нужды нѣшь, и куда, всѣ ославляя деньги, идушь философствовашь. Согласіе заключено. Они опправились изъ Москвы на двухъ парахъ, но не ямскихъ коней, а ногъ своихъ. Пущешествую шаковымъ образомъ, шли они долгое время, не встрѣчаясь ни съ какимъ особливымъ приключеніемъ. Наконецъ дошли было бѣды, приближившись невзначай на мѣсто одного деревенскаго сраженія. Оное происходило между крещьянами не за чудную причину, а именно: что одинъ жишель сосѣдней деревни загналъ лошадь обиташеля другога жилища съ своего хлѣба, кошорой она топшашь и кушашь зашла безъ

зову. Онъ велъ ее домой, или въ городъ, мнѣ неизвѣстно, только думаю въ свою конюшню; ибо своевольные мужики обыкли больше управляясь сами, нежели искашь удовольствія въ правосудіи. Хозяинъ лошади вспрѣлся въ нимъ и пожелалъ оную опвесить домой; но шовъ не давалъ. Они въ мигъ разладили, и каждый свое право началъ доказывать естественнo, то есть оплеушинами и кулаками. Другіе вмѣшались ихъ разнимать; но они не слушались. Сказываютъ, будто бы есть чоршъ, копорый не спитъ, и всегда ищетъ случая сдѣлать въ людяхъ раздоръ, такъ какъ бы они кромѣ его не знали своей должности. Чоршъ подоспѣлъ: шъ въ совѣщанія и увѣщанія вмѣшали палки. На послѣдствѣ обоихъ деревень жильцы сбѣжались, и къ разниманію присоединили цепи, дубины и колья. Пообщее учинилось общее, при чемъ одинъ дерзкой съ придурью мужикъ преснулъ другаго жоломъ въ

лобѣ, не сказавъ, чѣмъ пошѣ по-
сторонился, шавъ ловко, чѣмъ за-
ставилъ по немъ пѣшь вѣчную па-
мять. Въ сіе время Несмыслъ съ
своимъ слугою пришли шуды, и
желали посмотрѣшь конца войны.
Но мужики, преврапя свою ссору,
принудили ихъ продолжашъ нушь
самымъ непросвѣщеннымъ сред-
ствомъ, а имянно шузами и шолч-
ками. Какъ мужики уговаривали
ихъ въ спины очень плошно: шо
они, не давая шпорѣ ногамъ своимъ,
скрылись изъ глазъ ихъ очень ско-
ро, и прежде нежели вздумали, на-
кая причина принудила поединщи-
ковъ съ ними поразмолвишь. Оное
произошло по причинѣ, чѣмъ уда-
лые пѣ домашніе рашники сочли
ихъ по плашью за подьячихъ, кои
нарочно для того вѣдѣшъ по дерев-
нямъ, чѣмъ найши причину къ
чему нибудь привязашъ, и послѣ
забравъ вресшьянъ въ городъ, слу-
пишь съ нихъ лишнюю за расхо-
домъ чешверць хлѣба, или шушу

свинаго мяса. Ибо покроевъ плашья мужички различашь не смысляшъ; а всякое разнопарное и многоцвѣтное одѣяніе, каковое тогда было на Несмыслѣ, счишающъ за подвѣческій мундиръ.

Таковымъ образомъ слуга и баринъ побитые пошли вдоль по дорогѣ. Но чшобы не изнуришь ихъ долгимъ походомъ, подпихну я ихъ въ самому жилищу Скрягина Дальній пушъ не истребилъ въ нихъ корошного ихъ намѣренія. Развращниковъ вооружилъ было дерзкую руку на прекращеніе дней бѣднаго Скрягина; но рокъ избавилъ ихъ сего грѣха, и доставилъ безъ нихъ конецъ ему и безмѣрной его скупосши, кошорая была не шолько не глупосшь, но и великое дурачештво. А имянно вошъ какъ: Скрягинъ оборвалъ закимъ - шо случаемъ цѣпь, кою накладывалъ себѣ на шею, и ошдалъ оную полѣчить кузнецу. Между шѣмъ, для предосторожности ошъ воровъ, привязалъ къ зам-

ку веревку, и сдѣлавъ изъ нее на другомъ концѣ пещлю, надѣлъ себѣ на шею. Онъ заснулъ покойно, но во снѣ увидѣвъ, что воры владущъ его кладовую, вскочилъ, закричалъ: разбой! сподкнулся, захлеснулся и въ мигъ ошправился на шомъ свѣшъ. Вспрѣшившійся слуга увѣдомилъ ихъ о шомъ. Несмыслъ жалѣлъ глазъ своихъ, чшобы оныя ошъ слезъ не лопнули, и не выпустилъ оныхъ ни капли, а съ радостію вошелъ въ домъ наследовать ошцовское имѣніе, ибо другихъ къ сему праву не было. Машушка его еще прежде пресшавилась, и хошя иные говоряшъ, будшо бы ошецъ его женашъ не былъ, но эшо неправда, и ссылаюсь я въ шомъ на самую покойницу. Какъ бы шо ни было, Несмыслъ назывался законнымъ сыномъ Скрягина, и пошому наследовалъ незаконно собраннымъ его имѣніемъ. Топчасъ прибралъ онъ всѣ венсели, закладныя, наличныя деньги, вещи, и ошправился обраш-

но въ Мосюву, для распущенія опщовскихъ, мученныхъ въ сундукахъ колодниковъ на волю. Деревни до будущей судьбы поручилъ въ сморѣнне усердному своему слугѣ Развращникову, и побѣхалъ.

Несмыслъ былъ ужъ за половину пуши, имѣя голову наполненную всѣми шѣми мыслями, кои услаждающъ воображеніе чловѣка, живущаго съ добродѣшью не въ сосѣдствѣ. Переѣзжая одинъ болошисшій ровъ, огрязла его колесница, прочіе оснановились, чшобѣ подашь помощь, приѣмлющей судьбину Фараонову, понеже хошя шопъ она была и не Чермное море, но изрядно вязкая. Несмыслъ, оставя о семъ попеченіе своимъ служищеламъ, самъ пошелъ одинъ впередъ по дорогѣ. Онъ опшелъ вершны съ двѣ, и вынувъ золошую шабаверку, назначенную опъ него въ подарокъ будущей своей любовницѣ, ибо о Вершоглазовой уже позабылъ, началъ оную разсмаширивать. «Мафуа! діабль! сказалъ онъ

на Французскомъ языкѣ, кошорый спользовѣ разумѣль, какъ слѣпой цвѣтшы. Аманша моя сдѣлала мнѣ энфедилишацію. Бездѣлица! Бонѣ есперансѣ у меня въ карманѣ. Не о чемъ бышь въ пансіи. Сія шаба-керка пурблямеришь, новой мѣрой лю-бовницѣ, кошорую я найду. Онѣ бы продолжалѣ еще далѣе бредишь по Французски, ешьли бы не вышелѣ въ нему изѣ спороны поддорожной воинѣ, или Директорѣ шой шамож-ни, въ кою сѣ пробзжихѣ сбирала-ся въ шомѣ мѣсѣ пошлина. Сей Герой былѣ изѣ шѣхѣ, кои, опредѣ-ляясь въ военную службу, не ищущѣ оказывать храбросѣ свою надѣ не-пріятелями внѣ границѣ, а оказы-вають оную надѣ пріятелями въ своемѣ ошечесствѣ, и облегчающѣ ошѣ грузу карманы людей, случаю-щихся въ пуши въ часы неуказные.

—Посшой на ты Галанецѣ! вскри-чалѣ ему эшощѣ наянѣ; покажи-ка мнѣ, чшо у тебя въ рукахѣ? Про-какова ты говоришь бурова мѣрина?

Знашь ты за него вымѣняль. — Несмыслъ въ замышленіи считалъ себя уже въ Москвѣ, въ какомъ нибудь собраніи; почему не разсмошря подлиннаго его соспоянія, счелъ онаго за челоѡвна моднаго, каковъ былъ самъ, и подалъ ему шабакерку, говоря: Моиъ фреръ, регарде апрезанъ, какая прекрасная шабакерка, и сколь щасшлива будешъ моя Аманша, кошорой я ее назначилъ! Удалецъ взялъ шабакерку, и положилъ въ карманъ, сказавши: Меня зовушъ не Фролъ Гордѣевъ, а шрепезону швоего я не боюсь. Подай-ка миъ деньги, сколько ихъ у тебя ешь; а пришомъ и кафшана шъ скинь, миъ въ нему нуждица. — Несмыслъ началъ было ему описывать прелесши будущей своей любовницы; но разбойникъ принявши его въ свои обьяшя, весьма неосшоржно положилъ его на землю, и шѣмъ привелъ въ себя, ыгналъ у него прежнія мысли, и вмѣсто оныхъ наполнилъ его равною шрусосшію,

какъ того крещянина, коего поймали для опдачи въ солдашы. Онъ забылъ кричать и пропившись, и далъ свободу исправиться господину Обдиралову, который и не умедлилъ совершить свою должность съ крайнимъ прилѣжаніемъ: ибо по опшесствіи его, нашелъ онъ себя безъ золотыхъ часовъ и шабаверки, двухъ сошъ рублевиковъ, и всего плашья, въ одной шольво срачицѣ, оставленной ему изъ воровскаго человѣколюбія.

Ежели бы Несмыслъ былъ Философъ, то бы по крайней мѣрѣ сказалъ тогда длинный Монологъ прошиву злодѣевъ; но онъ и по Руски чипашъ умѣлъ спользовѣ, какъ деревенскій дьячекъ, то есть съ нуждою по складамъ, и шавъ безъ всякихъ мыслей шрусилъ во всю молодецкую мочь; ибо и науки никому бояться не препятшвуютъ. Между тѣмъ набхалъ обозъ его, и привелъ тѣмъ нѣсколько его въ себя. Онъ одѣлся, и пошужа о маломъ

убышиѣ, не хотѣлъ пошерять все, поелику опасность того мѣста испыталъ онъ самъ собою. Онъ вооружася самъ, велѣлъ всѣмъ слѣдовать своему примѣру; однако иные изъ слугъ его подражали ему только въ вооруженіи, а не въ робости, державшей цѣлыя три дни сердце его. Деревень съдесять они пробѣжали, не избравъ ни одной себѣ ночлегомъ. Лѣсное оныхъ мѣстоположеніе казалось Несмыслу обихалищемъ людей, коимъ близъ Полиціи жить не сручно. Но ровъ посмѣявшись тому, что онъ мущина, довелъ его благополучно въ Москву.

Несмыслъ исправился, и оказалъ себѣ великолѣпнѣе прежняго. Господынь Перемошовъ въ мигъ явился къ его услугамъ, и описавши ему всѣ огорченія, коихъ не чувствовалъ о его ошущствіи, опять нашелъ путь въ его сердце и карманъ. Господа Соблазнилелевъ и Пустоношнинъ описаны ошъ него людьми, безъ кошорыхъ ему въ веселостяхъ

обойшишься не можно. Они без дальняго разсужденія опредѣлены въ наперсники Несмыслы. Новые друзья — новые расходы. Каждый съ своей стороны старался выдумать увеселенія на чужой счетъ. Ошкрытый шоль, а особливо для каршочной игры, учинилъ въ домъ его великій прїездъ. Всякій день содержалъ онъ множество людей на своемъ иждивеніи, и плашилъ имъ съ игры нарочитую подашь. Во всѣхъ позорищахъ присущивовалъ своею особою, и не упускалъ ничего, могущаго доставлять ему ушѣхи, а кошельку чахошку.

Дабы опмститься невѣрностью госпожѣ Вершоглазовой, вздумалъ онъ подарить свое сердце иной. Госпожа Пересмѣхова получила сіе щастіе. Свойство ея было слѣдующее: осмѣхалъ шѣхъ, яко ея лучше, носилъ безъ разбору всѣхъ, говорилъ и хохоталъ безъ умолку цѣлый день, переносилъ изъ дому въ домъ вѣспи, ссорилъ родшвенни-

ковъ съ родшвенниками, мужей съ женами, начальниковъ съ подчиненными. При всѣхъ сихъ похвальныхъ качестввахъ, была она однако не дурна лицемъ, а сего и довабло въ плбненію Несмысла, для того что и пословица есть: По бабѣ брага и по Сеньки колпакъ.

И шакъ госпожа сія безъ дальнихъ околчностшей, за нѣкошорую цѣну продала Несмыслу движимое свое имѣніе. Несмыслъ былъ поровашь, и научился чѣмъ угождашь моднымъ любовницамъ, и чѣмъ умножашь ихъ къ себѣ горячность. Онъ съ великимъ раченіемъ просширалъ свой кошелекъ, и золошымъ дождемъ сходилъ на лоно сея Данаи. Но какъ мысли и желанія челошческія спольже часшо перемѣняющся, какъ мрачная погода съ ясною: шо и Несмыслъ скоро соскучилъ владѣшь своею щедрою богинею, и опнявши свое сердце, поручилъ оное иной; а вскорѣ пошомъ другимъ десяши порознь и вдругъ; ибо чѣмъ болѣе входилъ

въ модныя поведенія, шѣмъ лучше
 познавалъ, что сего требовала мода.
 Пресупленія оныя вмѣнялъ онъ въ
 вѣщій грѣхъ, нежели нарушение
 вѣщя заповѣди. Онъ и весь законъ
 почиалъ меньше имовѣрнымъ, не-
 жели повѣсть о Бовѣ Королевичѣ;
 ибо въ нынѣшнемъ вѣку у людей
 незнающихъ и нечитавшихъ ничего,
 то есть у модныхъ, первое досто-
 инство не вѣдашь Бога, и ругаешь
 законъ. Извѣстно впрочемъ, что
 чѣмъ болѣе досташку, шѣмъ болѣе
 прихошей. Сказываютъ, богатство
 умъ рождаешь, но умъ занятый
 служишь ставъ, какъ наемные слуги,
 то есть поудоваешь доходы имъ
 на жалованье. Несмыслъ по модѣ все
 дѣлалъ изрядно; ибо выросши въ ко-
 нопляникъ, о хорошемъ поняшіе
 имѣть было не ошъ чего. Учишель
 его былъ деревенскій дьячекъ, ко-
 торой упражнялся больше въ кражѣ
 лошадей, нежели въ познаніи самаго
 себя. А хошя Несмыслъ и имѣлъ
 случай обучишься необходимому для

человѣка опредѣленнаго на услуги опечесшву; но онѣ не имѣлъ охоты входить по шрудному пуши въ Минервино жилище, и всемѣ усердіемѣ прилѣпился учишься Венериной Астрологіи, и Купидонову сферу помнилѣ уже наизусть.

Я пойду скорѣе, какѣ Несмыслѣ скучилѣ имѣшь любовницѣ и продолжалѣ свои наблюденія надѣ Нимфами послѣдняго класса Венерина шпаша. Сіе принесло ему нѣкошорый припадокѣ, онѣ кошораго избавился онѣ сѣ небольшою пошереею хряща въ носу, и ушрашилѣ совсѣмѣ желаніе бышь пріяшелемѣ онымѣ Нимфамѣ.

Между шѣмѣ каршочная игра и прочіе расходы обрашила почти всѣ деньги его въ дымѣ, и онѣ сѣ великимѣ прилѣжаніемѣ не могѣ сыскашь ничего ни въ карманахѣ, ни въ сундукахѣ. Топчасѣ послалѣ онѣ въ своему управишелю въ деревни, приказавѣ собрашь сѣ кресшьянѣ за при года оброкѣ впередѣ, и при-

слашь оный съ оспальными послѣ
оща галанщереями; но шощъ при-
слалъ шолько изъ собраннаго въ
почности по его приказамъ одну
шрепъ и часпъ вещей, съ прочи-
ми жъ шрепями и еще инымъ нуж-
нымъ для себя изволилъ ошправить-
ся погулягъ на Царицинскія степи.

Таковой случай скупаго пресе-
лилъ бы въ царство мершвыхъ; а
Несмыслъ снесъ шо не шолько ве-
лиководушно, но и желалъ подражашъ
еще своему управителю. Онъ воз-
намѣрился ѣхашъ во Францію.
Друзья его одобрили сіе намѣреніе,
и обѣщались ему сопушествовашъ.
Дѣло сдѣлано. Начали собирашъся
въ дорогу, переписали всю его до-
мовую ушварь. Друзья его дивились,
разсмашривая богашые часы, алмаз-
ныя вещи, и прочее вымученное по-
койнымъ Скряганимъ у заемщиковъ
за чешвершъ цѣны. Они о лучшихъ
вносили въ записныя книжки, а нѣ-
кошорыя внесли и въ варманы, по-
шому чшо въ суешахъ позабыли,

ошкуду ихъ взяли, или думали, все равно, гдѣ бы оныя ни лежали. Лишнее все разпродано, да и деревни Несмыслъ опредѣлилъ промѣняшь на монету; ибо въ ошущствіе нѣкому оныхъ было ввѣришь. И шакъ въ послѣдніе подписавши въ родѣ своемъ непослѣдней, хошя шо и солгалъ, но получилъ на пробздѣ изрядную сумму, и въ провожаніи друзей своихъ выѣхалъ.

Мнѣ нившо не повѣришь, ешьли бы я сказалъ, что онъ добхалъ благополучно во Францію съ шаковыми удалыми спущниками. Да я и лгашъ не охошнивъ, а скажу правду, что на шрешьемъ ночлегѣ, когда онъ легъ благополучно спать, имѣя голову наполненну мыслями о Парижскихъ веселостяхъ, шо пошпру проснувшись, не нашелъ ни денегъ, ни друзей, ни лошадей, ни слугъ своихъ. Сіе было ему не очень пріятно. Но что дѣлашь? Онъ пошужилъ, поплакалъ, ворошился въ Москву, поисвалъ, не

нашелъ, и хопя огорчился, но съ ума не сошелъ; ибо въ немъ и шакъ его было не много. Наконецъ началъ выдумывать средства, чѣмъ бы найши пропитаніе. Пришелъ на послѣдствѣ къ дядѣ своему, принесъ повинную въ своихъ согрѣшеніяхъ, и просилъ о милости. Дядюшка на него прогнѣвался, хопѣлъ сбить съ двора, попомъ раздумалъ и послѣ опредѣлилъ его въ приказную службу.

А какъ мимо яблонки яблочко не падешъ: то и Несмыслъ крючкошворство понялъ скорѣе, нежели сперва модныя поведенія. Въ немъ была подвѣческая кровь: слѣдственно не надобенъ былъ ему насшавникъ. Природа сдѣлала его достойна своихъ предковъ. Я умолчу, что онъ не могъ никогда привести на память свою совѣсть. Она несвойственна подвѣческой породѣ. Какъ онъ обращался въ должностяхи, я умолчу: ибо боюсь шѣмъ прогнѣвать дворянъ, кои забывъ свое происхожденіе, и принявъ на себя

чинъ правосудія, вѣсовъ его никогда не числяшъ: ошъ чего оныя заржавѣвши, иногда къ истинѣ не гнушя; а скажу полько, что онъ достигъ Секретарскаго достоинства, накопилъ много денегъ, женился на Дворянкѣ, и на счетъ всего міра изжилъ вѣкъ свой въ довольствѣ. Принадна ему никакова не было, кромѣ роговъ, кои выросли у него ошъ того, что онъ былъ неублюдокъ, и женидъбою не въ своей спашѣ нарушилъ печеніе природы. Онъ умеръ, какъ и честной человекъ; но по смерти все его имѣніе, по челобитью разоренныхъ ошъ него, описано и ошдано въ удовлетвореніе обиженнымъ. Жена его лишилась почти пропитанія за то, что польстилась награбленнымъ богатствомъ, и вышла за одни полько деньги. Сказка сія кончилась, подтвердя справедливость пословицы: не правое собраніе прахъ!

ПРОДОЛЖЕНІЕ ПОВѢСТИ

О БОГАТЫРЬ ЗВЕНИСЛАВЪ, ПРОЗВАННОМЪ
ДВОРЯНИНЪ ЗАОЛЫШАНИНЪ.

Пушешешвенники не имѣли причины раскаяваться, что слѣдовали водисельству Злапокопыша; ибо на другой день нашли они себя въ предѣлахъ Яшвягіи. Мирославъ привелъ ихъ въ убѣжищу, гдѣ укрывались вѣрные къ престолу вельможи. Радость оныхъ, при видѣ законной своей Государыни, была несказанна; они упали въ ногамъ ея, благодарили храбраго ея избавителя, и съ восхищеніемъ изъ устъ своей Царевны узнали, что Князь Обрскій будетъ ихъ Монархомъ, ешъли щасіе благословишъ его оружіе, усшремленное на защиту ихъ опечешва. Вельможи увѣдомили, что ширанъ Певцинскій владѣетъ нещаснымъ Яшвяжскимъ

государствомъ съ обыкновенною своею люшосшію; что рѣки крови проливаются ежедневно, и что при всемъ томъ онъ довольно осшороженъ ко удерживанію неправеднаго своего завоеванія, и на сей конецъ содержишь въ готовности сильное войско. Однако, говорили они, Яшвяги довольно чувствуюшь угнетающее ихъ бремя, и не преминувъ явиться съ оружіемъ въ рукахъ, кой часъ возвѣщено будешь сражаться за право своей законной Государыни: что они имѣюшь шайное сообщеніе со всѣми областями, и дожидались только прибытія обѣщаннаго Мирославомъ предводительства Князя Обрскаго, чтобы собраться въ назначенное мѣсто.

Не хотѣли медлить, учинили военный совѣтъ, и заключили, чтобы вельможамъ слѣдовашь немедленно въ разныя спороны, и собравъ усердныхъ гражданъ, собиравъ на долину, гдѣ Слосанъ напалъ на похищителей Яшвяжской

Царевны, и гдѣ вишязи, пришедшіе на помощь, ихъ ожидашь будущъ. Вольможи въ шотъ же день ошправилсь, и чрезъ недѣлю Тарбелсъ и Звениславъ нашли себя предводишелями пшидесяши шысячь пѣшихъ воиновъ и двадцаши шысячь всадниковъ. Мирославъ и Слосанъ съ нѣсколькими вельможами ошдѣлены были съ половиною войскъ для испребленія въ разныхъ частяхъ Япвягіи находящихъ Певциновъ. Другаяжъ половина, предводишельсшвуемая Княземъ Обрснимъ и непобѣдимымъ Звениславомъ, пошла прямо къ шолицѣ, чшобъ принудишь шѣмъ скорѣ незаконнаго владѣтеля къ рѣшительной бишвѣ. Алзана и Любана не кошѣли ошсшашъ ошъ своихъ храбрыхъ любовниковъ, и думая присшшвиѣмъ своимъ воспламенишь ошважностъ своихъ богашырей, возложили на себя броню. Какъ ни шайно происходили сіи приутошшвления, однако въ приближеніи къ

столицѣ Певцины встрѣли ихъ во стѣ тысячахъ опборнаго войска. Гордый Куресъ чаялъ разобрашь по рунамъ сію слабую кучку необученныхъ ратниковъ, но сверхъ ожиданія увидѣлъ шоль храбрый наступъ, что съ стыдомъ былъ принужденъ бѣжать въ укрѣпленную Яшвяжскую столицу. Тарбелсъ сражался какъ левъ; но Звениславъ производилъ чудеса храбрости. Самосѣвъ не разсѣкалъ иначе, какъ на полы коня и всадника; Злапокопытъ его не сшупалъ ногами, чтобъ въ каждый разъ не раздавить нѣсколькихъ. Алзана доказала, что искусство и неуспрашимость дѣлаютъ женщину не меньше опасною въ битвѣ, какъ и сильнаго висязя; она не оплучалась отъ своего любовника, и мершвыя шѣла означали пушь ея. Словомъ: Певцины не могли усшояшь ни получаса, и бѣжали опромешью въ крѣпость, кошорая немедленно была осаждена. Мирославъ и Слосанъ съ своей сто-

роны разносили всюду смерть и ужасъ. Крѣпости, занятыя Певцинскими засадами, были ошобраны, и разсѣянные ими непріятель бѣжалъ либо въ свои шепи, или чая укрышья въ главномъ своемъ войскѣ, попадалъ въ плѣнъ осаждающимъ столицу.

Куресъ, привывшій къ побѣдамъ, рвалъ на себѣ волосы съ досады, и защищая похищенную имъ столицу съ отчаяніемъ, не медлилъ однако послать просить о помощи своихъ союзниковъ. Кимвры прислали къ нему девять Исполиновъ, и сорокъ тысячъ стрѣльцовъ и всадниковъ; а Хозары одного только богатыря, Гаркало называемаго. Но сей Гаркало былъ опаснѣе всего ополченія и Исполиновъ Кимврскихъ, пошому что онъ имѣлъ шоль страшный голосъ, что не шовмо оглушалъ и опровергалъ на землю безъ чувствъ цѣлая войска своимъ крикомъ, но и каменные стѣны крѣпостей разрушалъ онымъ до основанія. Слухъ

сей разсѣялъ ужасъ въ Яшвяжскомъ войскѣ; но неуспрашимость предводителей онаго и обнадеживаніе Звенислава ободрили оное. Звениславъ клялся, что своею рукою истребитъ Исполиновъ и зашкнетъ горло проклятому вриуну Хозарскому. Между тѣмъ Куресъ, ободренный сею важною помощію, гофовился напасть на осаждающихъ всѣми своими силами; онъ на разсвѣтѣ дня построился въ боевой порядокъ предъ стѣнами города, и предводительствовалъ самъ. Исполинамъ приказано было начать во первыхъ сраженіе; Куресъ такую имѣлъ надежду не росъ и силу Исполиновъ, что не думалъ самъ имѣть дѣла, какъ только побивать бѣгущихъ. Богашырь Гарвало, который сражался своимъ горломъ, оставленъ былъ позади войска въ засадѣ, чшобъ въ случаѣ неудачи оглушить нападающихъ Яшвяговъ. Вдругъ увидѣли Яшвяги вышупающихъ Исполиновъ, подобныхъ великимъ ба-

шнямъ , вооруженныхъ щблыми съ
 корнемъ выдернушыми дубами.
 Спрахъ оказался на лицахъ не-
 устращимбйшихъ вишязей, и все вой-
 ско гошово было ббжашь. Но Зве-
 ниславъ , гошовый сдержашь свое
 слово, возвратилъ имъ смблосшь, и
 приказалъ бышь свидбшелями шоль-
 ко сраженія его съ Исполинами ;
 онъ говорилъ , что успбюшб они
 еще ббжашь , когда его поббдяшб.
 Алзана не смбла отвращашь почти
 дерзую отважношь своего воз-
 любленнаго , и съ шрепешомъ ви-
 дбла его возсбвшаго на Злашопопы-
 ша. Она успбла шолько его обняшь,
 и зашкнушь ему уши хлопчатою
 бумагою для удержанія дбйствія
 горла Гаркалова, ешъли оный нач-
 нешб крикомъ своимъ помогашь Ис-
 полинамъ. Злашопопышб ржалъ и
 порывался ; казалось , что онъ ог-
 немъ дыхалъ, чувшвуя желаніе къ
 бою; Звениславъ его не удерживалъ,
 и вск~~р~~онаженный Самосбкб за-
 сверкалъ посреди Исполиновъ. Пер-

вые при удара были шоль жестоки, что шестеро чудовищ пали разрубленные наполю; земля задрожала отъ ихъ опроверженія. Яшвяги учинили радостное восклицаніе, и Алзана благодарила боговъ покъ овипшелей. Но радость сія обратилась въ печаль: оставшіе при Исполина совокупно ударили въ Звенислава своими дубинами, и хотя дальнаго вреда ему не причинили, но выбили изъ рукъ его Самосъвъ, и самага вишязя изъ сѣдла вонъ. Злашовопышъ не могъ оказашъ другой помощи, кромѣ схвативъ въ зубы драгоцѣнный мечъ богашыря своего, и шѣмъ раздѣлилъ силы; для шого что одинъ Исполинъ погнался за нимъ, чтобъ отнять мечъ сей. Прочіе два Исполина кричали побѣду, и гошовились раздробить надежду войска Яшвяжскаго; они внесли уже свои дубины; Яшвяги восклицали болѣзненно, и храбрая Алзана упала въ обморокъ. Однако Звениславъ опо-

мнился, и видя опасность свою, бросился къ одному Исполину, схватилъ его за ноги, и подобно какъ бы легкою вѣшочкою махнулъ нѣсколько разъ вокругъ себя, и преснулъ имъ другаго Исполина шоль ловко, что изъ обоихъ ихъ сдѣлались дрожди. Онъ оглядывался по сторонамъ, не дочитаясь еще одного чудовища, и увидѣлъ опасность возлюбленнаго коня своего: гнавшійся за нимъ Исполинъ поймалъ уже онаго за ногу, и хваталъ другую зубами, чтобъ оную ошкусишь. Злашопышъ оборонялся, и выбилъ своему врагу всѣ передніе зубы. Звениславъ безъ памяти бросился на помощь, и подоспѣлъ въ самое лучшее время, когда Злашопышъ, освободя обѣ ноги свои, лягнулъ оными шоль жестко въ носъ нагнувшагося Исполина, что оный опрокинулся назадъ. Сіе было его несчастіе, ибо Звениславъ подхватилъ его за волосы, и вскричавъ къ своимъ: «на копья!» бро-

силъ онаго въ Яшвяжское войско. Исполнивъ лешблѣ кувыркаясь по воздуху, и былъ подхваченъ на острія, учинившія изъ шблѣ его сипо.

Яшвяги возгласили побѣду, и Тарбелсѣ не упустилъ сего щасливаго времени, воспользовался ободреніемъ войскѣ, и повелъ ихъ на Певциновѣ. Опчаянный Куресѣ не дожидался, чшобѣ напали на него, и поскакалъ сѣ яростию на встрѣчу, поощряя всѣхъ своимъ примѣромъ. Сраженіе началось сѣ равномѣрнымъ жаромъ. Кровь лилась. Куресѣ разносилъ всюду смерть, а Князь Обрскій сѣ своею сестрою опровергалъ цѣлыя стѣны. Звениславѣ искалъ Куреса, вознамѣрясь сдержашъ свое слово Царевнѣ Любанѣ, чшобѣ привезшъ къ ней его голову, но въ гущинѣ шолпящихся воиновѣ не могъ онаго найши, и опмшилъ сію неудачу надъ шысячью головами Певциновѣ и ихъ союзниковѣ. Между шбмѣ Яшвяги сбили сѣ мѣста враговѣ своихъ; но оныя

опспупали въ шакомъ порядкѣ, что надлежало каждый шагъ выигрывать у нихъ съ пролисіемъ многой крови. Гаркало, кошорой выходя на бой обвѣлся слишкомъ, сидѣлъ у башни подѣ городскою стѣною; онъ не думалъ, чтобъ дошла до него очередь упошреблять свое горло въ разсужденіи сильныхъ Исполиновъ и превосходнаго числа ихъ войскъ предѣ Яшвяжскими. Пары взошли ему въ голову, и принудили его дремать; однако споявшіе на стѣнѣ караульные увидѣвъ, что войска ихъ ослабѣвають, раскликали его. Нещасные сіи не вѣдали, что заплашятъ смершію за шаковое усердіе свое; ибо Гаркало крикнулъ шоль громко, что не шовмо они слешѣли бездушны съ стѣнѣ въ городскіе рвы, но и башня, подѣ кошорою онъ сидѣлъ, опроверглась съ часшію стѣны. По щасшію Гаркало былъ удаленъ онѣ мѣста сраженія на спольво, что голосъ его имѣлъ шольво половинное дѣйшвіе,

и войска лишь пошашнулись; но самъ онъ причинилъ себѣ больше вреда шѣмъ, что упавшая башня придавила ему ноги, и засшавила его выдирашья на свободу изъ всѣхъ силъ своихъ. Онъ уже перевернулъ навзничъ, какъ Звениславъ, услышавъ крикъ его, и вообразя о опасности, могущей произойти ошъ онаго въ приближеніи, заключилъ ишшребишь его, и пробившись сввозъ Певциновъ, прискакалъ къ нему. Гаркало, увидѣвъ свою бѣду, хотѣлъ ошъ оной избавишься крикомъ; но Звениславъ не допустилъ его, и сскача съ коня своего давулъ его ногою въ брюхо шавъ крѣпко, что крикунъ высунулъ языкъ на докошь. Богашырь поймалъ его за оный, и заколошилъ ему горло обломками кирпичей. Гаркало прилагалъ спараніе оные проглатишь, но Звениславъ, не имѣя времени медлишь, ошорвалъ ему голову, не удостоя ошрубишь оную Самосѣкомъ богашырю, срашавшемся не оружі-

емь. По окончаніи сего обратился онъ къ побоищу, и ободрилъ своихъ побѣдою надъ опаснымъ Гаркалою, показавъ имъ его голову. Одинъ Куресъ шолько лежалъ у него на сердцѣ; онъ прилагалъ шрудъ сыскашь его, и нашелъ въ самое нужное мгновеніе. Возлюбленная его Алзана сражалась съ нимъ, и почти выбилась изъ силъ. Уже свирѣпый Куресъ изрубилъ въ куски щипъ ея, и взмахнулъ рѣшишельный ударъ на ея прекрасную голову, какъ пошерялъ свою отъ сильной руки ея любовника. Звениславъ ссочилъ съ коня, взошянулъ на копіе голову Певцинскаго Князя, и показалъ оную близъ бывшимъ Яшвягамъ. Оныя возгласили побѣду, и смерть Куреса учинилась извѣсна его подданнымъ и союзникамъ. Они ороббли, побѣжали опромешью, чая найши спасаніе свое въ укрѣпленныхъ стѣнахъ столицы, но между шѣмъ Слотанъ и Мирославъ, окончившіе уже свое дѣло, возвратились, и

увидя проломъ, учиненный крикомъ Гаркалы, вошли въ городъ и онымъ овладѣли, и бѣгущіе Певцины шѣс-
 нились въ городскихъ ворошахъ,
 чшобъ найши смершь за оными.
 Всѣ они были порублены безъ по-
 щады отъ разгнѣванныхъ Яшвяговъ,
 и Царевна Любана, ожидавшая но-
 ваго сраженія на приступѣ къ своей
 сполциѣ, къ удовольствію своему
 увидѣла Мирослава, Слошана и вель-
 можъ своихъ, вспрѣчающихъ ее съ
 радосшію и поздравляющихъ съ со-
 вершеннымъ освобожденіемъ царш-
 ва ея отъ непріятелей. Таковымъ
 образомъ кончилась сія война, и по-
 бѣдители шоржешвенно вошли въ
 избавленную Яшвяжскую сполциу.

Не можно изобразить благодар-
 носши, приносимыя признашельною
 Царвною къ одолжившимъ ее бо-
 гашырымъ. « Чрезъ васъ, возлюблен-
 « ный мой Князь, говори Любана,
 « приведена я въ сосшояніе запла-
 « шись вамъ одолженія ко мнѣ; но
 « что я благодарю васъ,» продолжала

она въ Тарбелсу съ нѣжнымъ взглядомъ : « вы для себя возвратили
 « пресполъ Яшвяжскій ; ибо я не
 « буду владѣшь онымъ , развѣ раз-
 « дѣля его съ вами . » Спраспный
 поцѣлуй былъ опвѣщомъ на сіе об-
 ясненіе . Звениславъ по испиниѣ за-
 служивалъ всю честь великія по-
 бѣды , но онъ не принималъ ника-
 кихъ награжденій отъ людей , имъ
 обязанныхъ ; онъ чаялъ исполнять
 свою должность , подвергая жизнь
 свою опасности для славы и
 добродѣтели , и не хотѣлъ быть
 никому обязаннымъ , кромѣ своей
 возлюбленной Алзаны . Сія гошова
 была жертвовашъ ему своею жиз-
 нью ; ибо онъ ее удержалъ , но бога-
 тырь съ восхищеніемъ благодарилъ
 боговъ , что споль удачно срубилъ
 голову Куресу . » Ахъ , сударыня ! го-
 « ворилъ онъ , цѣлая руку Княжны
 « Алзаны , « я ничего не сдѣлалъ ,
 « какъ защишилъ собсшвенное мое
 « сердце ; ваше соединено съ онымъ
 « шоль крѣпко , что рана одного

«должна бысть смертію и для дру-
 гаго.» — Словомъ: общошель-
 ства шакъ были способны, что не
 оспавалось больше, какъ любовни-
 цамъ наградишь своихъ любовни-
 ковъ; сіе заключено, и бракъ ихъ
 опложенъ шолько до возвращенія
 Слосана, коего послали въ Обры
 испросишь на оное дозволенія опъ
 родишелей Тарбелса и Алзаны. Ме-
 жду шѣмъ мудрый Мирославъ, не
 могли опговоришься опъ возлагае-
 маго на него шяжскаго бремени
 правленія, по повелѣнію Япвяж-
 скихъ Государей шрудился возспа-
 новишь исперзанное врагами цар-
 ство. Онъ вскорѣ учинился необхо-
 димъ для сей обласши; Япвяги уви-
 дѣли въ немъ опца, и не хошѣли
 бы называшь симъ именемъ свою
 Царевну, ешъли бы великодушный
 Мирославъ не производилъ своихъ
 благодѣшельныхъ попеченій опъ
 имени престшла. Онъ умѣлъ доволь-
 ствовашься одною добродѣшелію, и
 укрѣпляшь щасшливой союзъ любви

между Государемъ и подданными. Сколь мало въ свѣшѣ вельможъ, имѣющихъ сіи намѣренія! но да подастъ Небо, чшобъ одно шолько самолюбіе и щеславіе ихъ къ шому побуждало; ибо чесшлюбіе, корыщлюбіе и предпріимчивосшь еще оныхъ опаснѣе. Вскорѣ Яшвяги забыли изнуреніе шيرانшвв; разореніе пріяло помощь; возвращенныя изъ рукъ непріятельскихъ народныя сокровища не были упошребляемы, какъ въ награду вѣрнымъ сражавшимся за опечасшво рашникамъ, на довольщвованіе сиротъ, коихъ мужья и родишели въ шомъ погибли, и на възшановленіе упавшихъ домовъ. Селенія възвысיליםь, шорговля зацвѣла, поля покрылись сшадями и нивами, предспавляющими изобиліе, и радосшныя восклицанія колебали воздухъ на шѣхъ мѣсшяхъ, гдѣ не за долго вдыхали оный сшшеспенаніемъ,

Слошанъ возвратился. Князи Обрскіе едва ошпались живы ошв

сей щасливой вѣспи, кою привезѣ имѣ любимецѣ ихѣ сына; они радовались о благополучіи дѣшей своихѣ, кошорыхѣ счишали погибшими, и свѣ удовольствіемѣ позволили увѣнчашь свои желанія славнымѣ бракомѣ. Единое убѣжденіе ихѣ было, чшобѣ не замедлили они ушѣшиць родителей своихѣ свиданіемѣ. Но рокѣ, располагающій учаспью чловѣковѣ, кошорый равномерно подвергаетѣ опредѣленіемѣ своимѣ и Монарховѣ, оплагалѣ ожиданіе сіе еще на долго. Приугошвленія къ сугубому браку и вѣнчанію Тарбелса и Алзаны на царство сдѣланы. Торжештво началось; народѣ шолпился окрешѣ великаго храма, въ коемѣ гошобились любовники принести кляшвы о вѣчной вѣрности, и восклицалѣ на небо ошѣ чувствѣ чистаго усердія. Уже Тарбелсѣ и Любана увѣнчаны были діадимою, и обще свѣ Звениславомѣ и Алзаною повшорили предѣ олшаремѣ кляшвы, кои сердца ихѣ давно уже изрекли

во внутренности душъ своихъ. Торжественный крикъ воиновъ, соединенный съ звукомъ бiенiя въ щипы, и музыкальныхъ орудiй, и просто-сердечнымъ воплемъ радующейся черни, проводилъ новобрачныхъ во Дворецъ. Пиршество началось; усердные вельможи пили для очевиднаго благополучiя дому Царей Яшвяжскихъ, и щасливые супруги ожидали минуты, въ кою начнутъ они жить новою жизнью. — Но, о суешность человческихъ ожиданiй! мгновение, коего мы съ восхищенiемъ ожидаемъ, не рѣдко бываетъ то, въ коемъ мы приемлемъ несносные удары въ грудь нашу. О Звениславъ! о Тарбелсъ! какой громъ стремишься оглушить васъ! Ахъ! еслилибъ вы вѣдали, что слѣдуетъ въ сiю минуту, когда вы гоговитесь принявъ лучшiя дарованiя Неба; вы бы согласились умереть за нѣсколько минутъ прежде, чшобъ умереть въ радости. — Внезапно вiющая молнiя съ ужаснымъ шре-

своемъ мимо ушей шоржествующихъ
 пролешаешь ; пошолокъ залы раз-
 верзаешь, и огненовидныя облака
 распилаюшся надъ головами изум-
 леннаго общества возлежавшихъ на
 пиршествѣ. Каждый видишь гнѣвъ,
 шрепещешь, и упадаешь внизъ ли-
 цемъ. Тарбелсъ забошишся о своей
 Любанѣ, и не могши выразишь сво-
 его смяшенія, сжимаешь полько во
 объятіяхъ свою дражайшую супру-
 гу. Одинъ лишь неуспрашимый
 Звениславъ подаетъ руку своей воз-
 любленной Алзанѣ, а другую на-
 носишь, чшобъ защишишь ее отъ
 ожидаемаго съ небесъ удара; Алза-
 на для него все на свѣшъ, и онъ
 довольно смѣлъ сражашся за нее
 со всею природою. « Алзана! » гово-
 ришь онъ спокойнымъ видомъ, « я
 » съ шобою, и намъ опасашся не
 » должно. » Она взираетъ на верхъ
 храмины, и восшрепешавъ, упадаешь
 въ объятія своего супруга. Онъ
 усшемляешь взоръ въ шпану, ош-
 куда поразилъ ее ужасъ, и видишь

страшную богиню плодородія, окру-
 женную безсмершнымъ блескомъ,
 спустившуюся на облакъ. « Познай,
 « дерзкій Звениславъ! раздраженную
 « побою Дидилію, говорила богиня:
 « шы плодъ явнаго ко мнѣ непочи-
 « шанія, и осквернившій празднест-
 « во мое своимъ зачашіемъ. Я доволь-
 « ствовалась малымъ мщеніемъ, ли-
 « шишь своихъ родителей возрѣнія
 « на тебя до придцашилѣшняго
 « швоего возраста; но шы, дерзно-
 « венный, до сего времени хочешь
 « вкусишь благополучіе, сего не бу-
 « дешь, шы опредѣленъ къ шрудамъ
 « и опасностямъ, и не увидишь дол-
 « го швою Алзану. . . . Чшо до тебя,
 « Тарбелсъ, шы мнѣ жалокъ; но и
 « другъ Звенисловъ долженъ при-
 « няшь учаспіе въ его наказаніи. »
 Окончавъ сіе, бросила она густшій
 облакъ, кошорый сокрылъ въ себя
 Алзану и Любану, и учинился не-
 видимъ. « Ахъ, жестшоякая богиня!
 « вскричалъ Звениславъ, я ничемъ
 « не оскорблялъ тебя, но я всему

«подвергаюсь : карай меня всѣмъ,
 «кромѣ разлуки съ моею возлюблен-
 «ною» — Уже опредѣлено, «опшѣ-
 «чала ему удаляющаяся богиня :
 «будь шерпѣливъ ; дружесшво швое
 «съ Тарбелсомъ наградишъ уронъ
 «сей; но я не запрещаю вамъ искашь
 «супругъ вашихъ. Гнѣвъ боговъ
 «умягчается великодушiемъ и добро-
 «дѣшными подвигами , «—Послѣ
 сего все явленiе сокрылось, храмина
 стала по прежнему , но наполнен-
 ная жалоспными воплями сѣшую-
 щихъ о похищенiи Любаны и Алза-
 ны. Звениславъ со всѣмъ своимъ му-
 жесшвомъ окаменѣлъ и не могъ про-
 изнести ни одного слова; онъ гля-
 дѣлъ неподвижно на своего друга,
 кошорый шавже на немъ ошановилъ
 свои взоры, « — Дидилiя! шы дозво-
 «ляешь искашь намъ нашихъ возлюб-
 «ленныхъ супругъ» сказалъ нако-
 нецъ Звениславъ вздохнувши : «но
 «шы ихъ похишила, и можноль смерш-
 «ному разрушишь опредѣленiе су-
 «дебъ боговъ ?» — Да , любезный

«другъ!» говорилъ Тарбелсъ, опирая
 слезы, кои текли изъ глазъ его,
 «мы поидемъ искашь ихъ, намъ сіе
 «повелѣно. Безплодно ожидашь намъ
 «опрады въ однихъ сѣшованіяхъ,
 «когда можешъ бышь возлюбленныя
 «наши имѣюшъ нужду въ нашей по-
 «моци. Кто знаешъ, куда удалила
 «ихъ разгнѣванная богиня! можешъ
 «бышь нечаянно найдемъ мы ихъ
 «шамъ, гдѣ не ожидаемъ. — «Пой-
 «демъ.» отвѣчалъ Звениславъ, об-
 нявъ своего друга. Они шествовали
 изъ палатъ, и Тарбелсъ шолько
 успѣвъ вручишь правленіе Миросла-
 ву, а вельможамъ привазашъ ему
 повиновашься, сѣлъ на коня. Онъ
 запрешилъ за собою слѣдовашъ
 усерднымъ Яшвягамъ; но не могъ
 опказашъ своему Слосану, желаю-
 щему жишь и умерешъ съ нимъ вмѣ-
 стѣ. Звениславъ далъ волю Злашо-
 копышу избрашь спрану къ пред-
 пріямому спранствованію, и оный
 обратился на сѣверо-западъ. Два
 друга и вѣрныи рабъ- скоро ощу-

пили себя за предѣлами Япвгггг ;
они взаимно спарались подкрѣпляшь
себя въ несчастіи , и шушливый
нравъ Слосана почасу разгонялъ
мрачность ихъ уныніа . « Государи ! »
говорилъ онъ имъ нѣкогда , когда
они наиболѣе казались задумчивы-
ми , « жизнь наша есть только сонъ ,
« и шощъ изъ смершныхъ щасшли-
« вѣе , кошорый можешъ равнодушно
« грезить . Для чего не считаешъ
« вы благополучія , коего вы лиши-
« лись , только сновидѣніемъ ? во-
« образишъ шеперь , что вы просну-
« лись . Жаль , что я не могу сооб-
« щить вамъ моего свойства ; я не-
« однажды бывалъ въ подобныхъ
« вамъ обстоятельствахъ , но всегда
« выпускался изъ оныхъ безъ за-
« шрудненія . На примѣръ : я безъ
« всякихъ исканій учинился супру-
« гомъ прекрасной Королевы очаро-
« ваннаго острова ; она обратилась
« въобылью голову , и собаки прово-
« дили меня съ своею музыкою съ
« брачнаго ложа ; но я не крушилъ

« себя, что ее на вѣки утратилъ,
 « и не учинилъ бы сего, еспльи бѣ у
 « ней было и слишкомъ шѣхъ чле-
 « новъ, коихъ случай имѣшь ей не
 « дозволилъ. Вскорѣ попомъ поми-
 « рилъ я шрехъ жениховъ, овладѣв-
 « ши цѣною ихъ бишвы; но скупая
 « моя щеща, за малое удѣленіе пра-
 « ва ея дочери, опредѣлила мнѣ
 « сходственное наказаніе. Всего и
 « всего я лишился; но на васъ шлюсь:
 « вздыхалъ ли я по вашему. Випя-
 « зямъ не должно дозволяшь серд-
 « цамъ своимъ шаговой слабости;
 « имъ должно слѣдовашь добродѣ-
 « шели, насыщашь природныя по-
 « бужденія какъ случится, и не
 « шужишь о прелесняхъ, въ коихъ
 « никогда не будешь недоспашва
 « людямъ смѣлымъ. Ой женщины,
 « женщины! вы очень надобны; но
 « всего лучше имѣшь съ вами дѣло
 « только въ сновидѣній. » Разсужде-
 « нія сіи произносилъ Слосанъ поль
 « забавнымъ видомъ, что богашыри
 « не могли удержашься отъ смѣха.

Слошанъ пользовался симъ успѣхомъ, и наговорилъ имъ сполько вздоровъ, что не лъзя имъ было осшашься углубленными въ шоску свою.

Уже пущь ихъ приближалъ къ Княжесшву Рускому; дни чрезъ два надбѣялись они всшупишь въ славный въ сѣверъ городъ Сшарый-Славенсшвъ, какъ въ срединѣ одного гусшаго лѣса напали на нихъ разбойники. Вишязи не усшрашились оныхъ множесшва, и оборонялись мужесшвенно; но не могли восшрепяшсшвовашь, чшобъ шолпящїеся злодѣи ихъ не раздвинули. Звениславъ съ Слошаномъ окруженъ былъ шридцашью человѣками, а еще около двадцати напали на Тарбелса. Сей оборонялся какъ левъ; но былъ схваченъ и повлеченъ злодѣями въ лѣсш. Звениславъ сїе видѣлъ, однако не могъ подашь ему ни малой помощи, ибо самъ довольно имѣлъ шруда ошводишь лешящїе въ него со всѣхъ сшоронъ.

удары; и хопя Слосанъ доказы-
валъ во всѣхъ случаяхъ ревностную
ему помощь, но они не шавъ ско-
ро побили, или прогнали своихъ не-
пріятелей, чшобъ можно было по-
спѣшить къ похищенному Тарбел-
су. Они бросились въ ту сторону,
куда удалились съ нимъ разбойни-
ки, но щещно: страшная непого-
да обратила кончающійся день въ
мрачнѣйшую ночь. Вихри ревѣли
изъ-подъ шучь, прорывающихся
громомъ и сильнѣйшимъ дождемъ.
Перунъ соединялся къ тому, и ло-
малъ высокіе дубы лѣсовъ, въ ко-
ихъ они находились, дѣлая каждый
шагъ опаснымъ опъ раздробленія
валящихся деревъ. «—Боги! я ли-
шаюсь лучшаго друга!» кричалъ
Звениславъ, и слѣдовалъ въ поисѣ
по отсвѣчиванію молніи. Все было
напрасно; онъ забхалъ въ шакую
гущину, что Злашовопышъ не могъ
далѣе итти, и къ вящшей горести
разлучился опъ него Слосанъ.

Звениславъ, принужденный оспа-

новисься, препроводилъ ночь въ ужасномъ сѣшваніи; опасность друга его не давала ему покою, и жалобы его уносины были шумящимъ вѣтромъ, когда восходящее солнце разогнало тьму, и непогода перестала; она равно какъ бы и началась за тѣмъ, чшобъ разлучить чешу людей, имѣющихъ шолько въ довѣренности своей опраду своимъ нещасіямъ. Богатырь сѣлъ на коня своего и далъ ему по обыкновенію свободу ипши, куда онъ желаетъ, уповая, чшо онъ приведетъ его къ Тарбелсу; но конь вывезъ его изъ лѣсу на дорогу къ Старо - Славенску, и шешивовалъ оною. «Вижу,» вопіялъ Звениславъ «чшо Небесамъ не угодно дозволишь мнѣ избавить моего друга. . . .» «Ахъ, Тарбелсв! чшо сѣ шобою дѣлаешся?» повпорялъ онъ неоднократно, и продолжая дорогу во весь шощъ день, ошановилъ близъ одного высокаго холма, чшобъ дать ошдохновение ушомленному коню

своему. Злапокопышъ, получа свободу, не употреблялъ пищи, но взошелъ на вершину холма, припалъ на переднія ноги, и шроекрашно проржавъ, началъ валяшья. Звениславъ не понималъ, что сіе значило, и получилъ желаніе взойти къ нему. Послѣ чего Злапокопышъ обратился къ своему корму, а Звениславу шавъ холмъ сей полюбилъся, что онъ расположился спать на ономъ. Въ глубокую полночь былъ онъ пробужденъ колебаніемъ холма; онъ вскрылъ глаза и увидѣлъ предъ собою спящаго богашыря необычнаго роста. Броня на немъ свѣтилась подобно свѣту вечерней зари. Изумленный Звениславъ вскочилъ, и схватя за мечъ свой, говорилъ: «Богашырь! дружество, или «непріязнь приводишь тебя?» — «Не опасайся, непобѣдимый владѣ- «шеть Злапокопыша и Самосѣка, «опвѣчалъ ему онъ: шѣнь Тугор- «канова привѣлшшувешъ тебя. Ош- «дай почешъ могилъ его, на копо-

«рой шы споишь.» Звениславъ по-
 клонился привидѣнію, и вырвавъ
 нѣсколько волосъ изъ головы своей,
 привязалъ оныя къ копію своему,
 и вошкнулъ оныя въ холмъ. Тѣнь
 оказала знаки своего признанія, и
 приглася его сѣсть подъ деревомъ,
 вѣщала ему: «Я надѣюсь, Звени-
 «славъ, извѣсны шебѣ мои при-
 «ключенія, но шы не вѣдаешь о
 «конѣ и мечѣ, кошорымъ владѣшь
 «доставила шебѣ швоя неустраши-
 «мость; я расскажу шебѣ оныя,
 «и шѣмъ охошнѣ, чшо желаю пред-
 «варишь шебя о нѣкошорыхъ пред-
 «осторожностяхъ, кои необходимо
 «шебѣ знашь должно.»

П О В Ъ С Т Ъ

О конь Златокопытъ и мечъ Самоськъ.

Когда я въ жизни моей, по повелѣнію Старо-Славенскаго Князя Асана, посланъ былъ въ Индію на помощь Царю Ценувирану противъ Короля Кащея, прозваннаго безсмертнымъ, тогда я слѣдуя узналъ о семъ конѣ. Оный обрѣлся на островѣ Сарендибѣ, подѣ сохраненіемъ чародѣйствомъ сдѣланнаго Исполина, которымъ управляли духъ Полифемъ и дочь Морскаго Царя, именемъ Аспалія. Наслышавшись много о немъ славнаго, возвѣмъ я непреодолимое желаніе овладѣть онымъ. Я обращаю путь мой къ первому пристанищу морскому, надѣясь сѣсть во ономъ на корабль, и достигнувъ помянушаго острова, испытавъ моего счастья. Дорогою спрашивалъ я у многихъ, желая узнать общоясельные; но никто меня не могъ въ томъ удоволь-

сповоашь; всѣ мнѣ сказывали, что это только выдуманная басня, что остров сей никакъ еще не открытъ, и никто не въдастъ, въ которомъ оный мѣстѣ. Корабельщики показывали меня везшь, объявляя, что они не намѣрены спрансповоашь по морямъ, въ коихъ пушь имъ неизвѣстенъ. Огорчась онымъ, ходилъ я близъ приспани, находящейся въ Зеленомъ море (*), въ великой задумчивости, и былъ остановленъ мужемъ глубокихъ лѣтъ, кошорый имѣлъ сѣдую бороду, простирающуюся до самыхъ колѣнъ. «Храбрый Славянинъ! говорилъ онъ мнѣ, я знаю причину швоей задумчивости; но не опчаявайся удовлетворишь швоимъ славнымъ желаніямъ. Послѣдуй за мною.» Я поклонился ему и шелъ за нимъ. Онъ привелъ меня въ домъ свой, находящійся въ пріятной рошѣ. «Не удив-

(*) Зеленое море нынѣ называется Персидскій заливъ.

« лаясь, началъ мужъ сей, что
 « мнѣ извѣстна причина, тебя без-
 « покоющая; я Кабалистѣ Тугор-
 « канѣ, и еспѣли ты въ память
 « мою согласишься приняшь на себя
 « мое имя, то я дамъ тебѣ насша-
 « вленіе, какимъ образомъ дос-
 « пигнушь Сарендиба, и овладѣшь
 « Злапокопышомъ. Я предузналъ
 « по моей наукѣ, что ты рожденъ
 « подѣ щаспливымъ созвѣздіемъ, и
 « успѣхъ будешь слѣдовашь мно-
 « гимъ швоимъ предпріяшямъ. Я
 « упалъ предѣ нимъ на колѣни, убѣ-
 « ждалъ его сдѣлашь мнѣ насшавленіе,
 « и клялся ему, что съ сего часа не
 « шюмо принимаю его имя, но и бу-
 « ду почишашь его вшорымъ моимъ
 « опцемъ. Съ шого времени въ са-
 « момъ дѣлѣ перемѣнилъ я мое имя,
 « кошорое было мнѣ Славоронѣ, и на-
 « зывался Тугорканомъ. « Вѣдай, на-
 « чалъ Кабалистѣ, что ошпровѣ сей
 « невидимѣ, и нишо не можешъ во-
 « оный доспигнушь, не овладѣвъ на-
 « передѣ мечемъ Самосѣномъ. Мечъ

« сей хранишь въ алмазной горѣ, на-
 « ходящейся на вершинѣ рѣки Ганге-
 « са; оный сотворенъ самимъ обожае-
 « мымъ въ здѣшнихъ спранахъ Иксо-
 « ромъ (*); но какъ богъ сей, узнавъ
 « важность сего оружія, не хотѣлъ,
 « чшобъ оное было упошребляемо,
 « шо заперъ оное во внутренность
 « сей алмазной горы, кою нарочно
 « для шого воздвигъ. Сила меча сего
 « состоишь въ шомъ, чшо носящій
 « оный не можешь быть нивѣмъ
 « побѣжденъ; никакое оружіе, ни-

(*) Иксора божество, почитаемое во Индіи,
 который считается у Индіанъ выше бо-
 говъ Виспну и Рэмы. Онь разумѣется у
 нихъ за отца боговъ, и въ баснословіи ихъ
 содержишь слѣдующее: свѣтъ, или міръ
 весь произшелъ изъ яйца съ семью скор-
 лупами; оное яйцо расколосъ надвое, и
 внутри оного оказалось пустое мѣсто, раз-
 гороженное проволокою, раздѣлявшею 14
 небесъ. Иксора сѣлъ на вышнемъ небѣ, и
 въ самое шо мгновеніе создалъ на земли
 гору, именовъ Калаія. На оной выросла
 печь Квивелинга. А понеже печь сія была
 кругла и имѣла на себѣ шри кожи, шо сія
 кожи обратились въ шрехъ боговъ: наруж-
 ная швердая въ Брамю, средняя въ Виспну,

« какое искусство не можешь дать
 « оному раны, - напрошивъ онъ ме-
 « чемъ симъ разсѣкаешь крѣпчай-
 « шихъ Исполиновъ на полы, и мо-
 « жешь одинъ побивашъ цѣлыя вой-
 « ска; ибо мечъ сей и безъ рукъ
 « дѣйствуетъ, по приказанію онымъ
 « владѣющаго. Еслили ты доста-
 « нешь мечъ сей, тогда съ онымъ
 « опироешь островъ Сарандибъ, и
 « учинишь оный всѣмъ видимъ и
 « присшупенъ; онымъ убьешь ты
 « чародѣйнаго Исполина, отгонишь
 « духа Полифена, и убьешь дочь

а внутренняя и нѣжнѣйшая, въ Квивена.
 Иксоръ имѣлъ многихъ женъ, и родилъ онъ
 оныхъ четырехъ сыновъ: Квенавара, Ега-
 суруба, Квекса и обезьяну Канумана, да
 дочь Папрагалию. О немъ повѣствующъ
 очень много басенъ, весьма сходствующихъ
 на любовныя похождения Греческаго Юпи-
 тера. О чемъ можно читать у Балдея, Ла
 Кроца и прочихъ писателей о нравахъ, обы-
 чаяхъ и о вѣрѣ Индіанъ.

Въ Индіи есть различные законники, кои
 всѣ имѣютъ различныя Богословія, и ка-
 жедся стараются перещеголять другъ дру-
 га нелѣпостью бредней.

« Морскаго Царя. Теперь должно
 « уведомишь себя, что значишь конь
 « Злашовопышь. Духъ Полифемъ
 « свашался у Морскаго Царя за дочь,
 « кошорая казалась ему совершен-
 « нѣйшею красавицею, для того что
 « цвѣтъ лица ея блистаетъ, какъ
 « зеленая финифть, и волосы ея со-
 « сшавляють различныхъ родовъ
 « змѣи; а при томъ она человекамъ,
 « населяющимъ поверхность земли,
 « шоль опасна, что возрѣніемъ сво-
 « имъ обращаетъ ихъ въ камень.
 « Царь Морской не могъ отказать
 « сему Князю духамъ, и союзъ съ
 « нимъ считалъ великою для себя
 « славою и выгодностію; но дочь его
 « находила въ брану сему крайнее
 « отвращеніе. Причиною сего была
 « шайная любовь ея съ Морскимъ Чу-
 « домъ, кошорому она и дозволила
 « похищать себя въ самое то время,
 « когда отецъ ея, не взирая на упор-
 « сство своей дочери, хотѣлъ совер-
 « шить сію свадьбу. Чудо Морское
 « увезло ее на островъ Сарендибъ,

« куда духъ Полифемъ не могъ при-
 « ближиться, не убивъ напередъ Мор-
 « скаго Чуда, а сего онъ и не могъ
 « учинить въ разсужденіи того, что
 « Чудо Морское, овладѣвъ своею воз-
 « любленною, изъ острова онаго ни
 « на шагъ не выступало. Раздра-
 « женный шѣмъ духъ прилагалъ всѣ
 « силы своего адскаго искусства,
 « чтобъ опметить своему совѣсп-
 « нику. Но какъ палисманъ, на ко-
 « торомъ основанъ былъ совершен-
 « ный Чудомъ Морскимъ островъ
 « сей, не допускалъ его на оный вой-
 « ши, то Полифемъ прибѣгъ въ хищ-
 « росши. Дочь Морскаго Царя была
 « великая охотница до жемчужныхъ
 « раковинъ; Чудо Морское самъ лю-
 « билъ оныя, и приносилъ на пищу
 « своей любовницѣ. Духъ скинулся
 « одною шаковою раковиною, и виб-
 « сѣ съ другимъ былъ Чудомъ Мор-
 « скимъ пойманъ и принесенъ къ
 « Царевнѣ, когда она сидѣла на бе-
 « регу, и отошла на нѣсколько ша-
 « говъ въ воду. Духъ упошребилъ

«сей благополучный случай въ свою
 «пользу; онъ схватилъ Царевну и
 «унесъ; а чудовище, не смѣя съ нимъ
 «сразиться, укрылось въ своемъ осп-
 «ровѣ. Полифемъ не считалъ похи-
 «щенную доспойну своего почшенія,
 «и дозволилъ ей возвратиться къ
 «прекрасному своему любовнику;
 «но прощаясь съ нею объявилъ ей,
 «что она родитъ коня, который
 «умерщвитъ его совмѣстника, и бу-
 «детъ причиною, что и сама она
 «за него лишится своей жизни; что
 «конь сей, происходя отъ бессмерт-
 «наго, не будетъ ни умирать, ни
 «спарѣться, и въ свое время бу-
 «детъ служить двумъ богатырямъ
 «Славенскимъ, коимъ разумомъ сво-
 «имъ поможетъ къ великой славѣ.
 «—Царевна морская съ печалію воз-
 «вратилась къ своему чудовищу, и
 «чрезъ девять мѣсяцовъ родила ко-
 «ня Злашюкопыша. Хотя она и ош-
 «крыла своему любовнику какъ о не-
 «щасіи своемъ, такъ и о предна-
 «занномъ отъ духа; но Чудо Мор-

«ское не повѣрилъ, чѣшобъ она мог-
 «ла бышь беременна, кромѣ ошъ
 «него, и для шого воспрепятшество-
 «валъ ея намѣренію, чѣшобъ онаго
 «кона разорвалъ на часши при са-
 «момъ его на свѣшъ произшествовіи.
 «Судьба предназначила ему поги-
 «бель, кошорыя онъ не могъ укрышь-
 «ся; и едва лишь принялъ мнимое
 «свое дѣшнице, чѣшобъ облобызалъ
 «овое, какъ Злашопопышъ ударилъ
 «его ногою въ лобъ шоль жестшою,
 «чшо чудовище упало бездушно.
 «Дочь Царя Морскаго хотѣла ош-
 «мстить убійцѣ за сію дражайшую
 «ей жизнь; но какъ еѣ смертью Чу-
 «да Морскаго очарованіе острова
 «кончилось, шо Полюфемъ пред-
 «спалъ въ ней и въ томъ еи воспре-
 «пятшествовалъ. Раздраженная Ца-
 «ревна, ошавя духа, погналась за
 «Злашопопышомъ; но духъ по-
 «врылъ его спальнойю великою че-
 «шую, и убившаго Чуда Морскаго
 «обращилъ въ спальнойюжъ Испо-
 «лина, кошорый и началъ защи-

« шасть входъ въ чашъ, находящійся
 « свозъ золошья дверцы, запершья
 « волшебнымъ замкомъ. Съ шого вре-
 « мени островъ ошья учинилса не-
 « видимъ, а дочь Царя Морскаго еже-
 « дневно сражаешся съ Исполиномъ,
 « желая расшерзашъ коня. Духъ при-
 « ходишъ помогашъ Исполину; Ца-
 « ревна осшавляешъ Исполина, бро-
 « саешся на него и дерешся съ нимъ,
 « поволь выбъешся изъ силъ. — Те-
 « перь я предувъдомилъ шебя о всемъ,
 « продолжалъ Кабалишъ; но болъе
 « не могу дашъ шебъ ни въ чемъ на-
 « сшавленія; ибо ешъ случаи, въ ко-
 « шорыхъ и мы удерживаемы бшва-
 « емъ помогашъ шбмъ, коимъ жела-
 « емъ. Иксора, желающій, чшобъ шмъ
 « самъ возвысилъ свои заслуги, явясъ
 « мнб во снб, сие запрешилъ; однако
 « возьми сей шеломъ, и слбдуй въ
 « алмазной горбъ на югб.» Кабалишъ
 « подалъ мнб оный, и сшазалъ, чшю
 « я могу шеперь ишши. Я поклонилса,
 « и какъ Кабалишъ выговорилъ мнб
 « рбщительнымъ видомъ, шю не смблъ

болѣе ушпруждашь его моими вопро-
сами, и вышедъ отъ него, сблѣ на
коня моего. Цѣлый день бхалъ я,
не разсуждая ни о чемъ, какъ о на-
деждѣ, кою вліяли въ меня слова
Кабалишшовы; наконецъ по ушомле-
ніи коня моего, ошпановилъ я но-
чевашь. Я разсмашривалъ данный
мнѣ шоломъ, и не нашелъ въ немъ
ничего особливаго, кромѣ прекрас-
наго алаго пера, украшавшаго верхъ
его. Тогда разныя приводящія меня
въ сомнѣніе мысли начали безпоко-
ить мои разсужденія. Я не довѣ-
рялъ уже словамъ Кабалишшовымъ;
но чувствовалъ, что не можно мнѣ
побѣдить внутренняго желанія ис-
кать шоль славной вещи, какова
былъ мечъ Самосѣвъ. Я возложилъ
шоломъ на голову, и заснулъ. Но
какъ велико было мое удивленіе, ко-
гда проснувшись увидѣлъ я себя при-
подошвѣ алмазной горы! Съ начала
радовался я чрезвычайно, все каза-
лось соединяющимся, чтообъ меня
восхищать. Солнце на восходѣ сво-

емъ ударло лучами въ блестящую гору, и при каждомъ оныхъ отраженіи я мнилъ видѣть тысячу ослабляющихъ взоры мои солнцевъ. Съ другой стороны, гдѣ лучи всемірнаго свѣтила не преломлялись въ глазамъ моимъ, части алмаза горѣли разноцвѣтными огнями. Самый мечъ видѣнъ былъ сокрытый въ недрахъ горы. Тогда радость моя обратилась въ уныніе, я не могъ вообразить, чѣмъ бы можно разрушить твердость алмаза, который казался бытъ во всей горѣ цѣльной. Я изломалъ мой мечъ, коніе, и вышелъ изъ себя отъ досады. Слѣшно показеши, что отъ нешерѣбливости вздумалъ я разбить голову о гору, кою не могъ разрушить, однако ешьли и предался я сей глупости, по не первый; многіе мстятъ прошивающей судьбѣ самоубійствомъ. Я разбѣжался и ударилъ головою моею, вооруженною въ шлемъ, данный мнѣ отъ Кабалиста. Въ сію минушу гора вся разлетѣ-

лась въ пыль, и обращаюсь въ дымъ,
 сокрылась въ глазахъ моихъ; а не-
 побѣдимый мечъ учинился моею до-
 бычею. Тогда-шо вспомнилъ я о мо-
 ей глупости, и былъ крайне оною
 доволенъ; ибо шо учась чело-
 вѣческая, чшобъ радовашься о ду-
 рачествахъ, кои проходящъ намъ
 безъ наказанія. Я довершилъ оную
 обрядами, съ каковыми взялъ я и
 опоясалъ по себѣ Самосѣкъ. Когда
 прошли первыя стремленія моего
 восхищенія, узналъ я, чшо нѣшъ
 моего коня. Я не вѣдалъ, чшо мой
 шоломъ могъ мнѣ оказашъ услугу,
 чшобъ досшавишь меня къ морю; и
 для шого шелъ я пѣшкомъ цѣлыхъ
 при дни, поколь достигъ въ мор-
 скому заливу. Но достиженіе въ
 семъ желаніи родило новую неудоб-
 носшь: мѣсто оное не шокмо не
 имѣло корабельнаго приспанища, но
 и предшавляло необишаемую пу-
 шыню. Я сѣлъ на крушомъ берегѣ
 морскомъ, и углубился въ размыш-
 ленія, въ коихъ, повѣся голову, сро-

нилъ съ оной неотбренный мой шоломъ въ море. Уронъ сей спольно поразилъ меня, что я безъ разсужденія бросился за онымъ съ ушеса. Однако вмѣсто воды попалъ въ позлащенную и успланную Персидскими коврами ладію, коя учинилась изъ моего шелома при самомъ прикосновеніи онаго къ водѣ. Я не успѣлъ еще опомниться, какъ ладія, хопя не имѣла ни веслъ, ни парусовъ, повезла меня съ неимовѣрною своросшію. Благодаря боговъ и благодѣтеля моего Тугоркана за сію неожиданную помощь, увидѣлъ я себя у невидимаго острова Серендиба, кошорой присушствіемъ при мнѣ Самосѣка ушрашилъ свое очарованіе.

Лишь только вступила нога моя на берегъ, шоломъ мой изъ ладіи обратился по прежнему, но видъ онаго учинился подобнымъ наилучшему зеркалу. Я надѣлъ оный, и пошелъ внутрь острова. Первое предсхавилось глазамъ моимъ сраженіе духа съ дочерью Царя Мор-

скаго. Полифемъ, во образѣ одно-
 глазаго Исполина, поражалъ ее ве-
 ликою желѣзною дубиною; а Царев-
 на обращала на него всѣхъ своихъ
 змѣй, и желѣзные когти, мѣрою
 болѣе аршина; она изломала въ ку-
 ски дубину, и можешъ бы духъ
 имѣлъ немного выгодъ, еспьлибъ я
 съ обнаженнымъ Самосѣкомъ не уш-
 ремился поразить ихъ обоихъ. Духъ
 исчезъ, а дочь Царя Морскаго, не
 видя своего прошивника, обратила
 всю свою люшосъ на меня. Тогда
 я узналъ цѣну подарка, даннаго
 мнѣ Кабадисомъ; она, приближась
 ко мнѣ, и гошовась уже разорвашъ
 меня своими когтями, увидѣла лице
 свое въ зеркальномъ моемъ шоломѣ,
 и въ шожъ мгновение ока обратилась
 въ камень. Я не дожидался, чшобъ
 волшебство ея пришло къ ней на по-
 мощь освободить ее изъ сего очарова-
 нія, и впервые испыталъ силу меча
 моего; оный однимъ ударомъ раздѣ-
 лилъ окамененную Царевну съ головы
 до ногъ на двѣ равныя половины. Ко-

гда избавился я отъ одного чудовища, другое гошова было принудишь меня къ оборонѣ; чародѣйный Исполинъ взнесъ на меня спальную свою дубину съ шипами. Надлежало бы желашь свидѣтелей сего побоища. Исполинъ поражалъ въ меня крѣпчайшими ударами; но я отводилъ оныя мечемъ моимъ, и усилявалъ рубишь его, такъ что Исполинъ при каждомъ взмахѣ лишался какой нибудь своей части. Чародѣйство подкрѣпляло его столько, что онъ, лишась головы и нижней половины шѣла, не преслававалъ драться; однако былъ изрубленъ мною въ куски, и при послѣднемъ ударѣ всѣ части онаго обратились въ прахъ. Въ сіе мгновение услышалъ я страшный голосъ Полифемовъ: «Ты побѣдилъ, неуспрашимый богатырь, говорилъ оя въ мнѣ; ты достоинъ владѣшь конемъ Златовопышомъ; но не думаай, чтобъ я прощивился тебѣ въ овладѣніи симъ неоцѣненнымъ конемъ; естли я и подкрѣплялъ

« очарованнаго Исполна въ сраже-
 « нїи съ тобою, за то шѣмъ шолько,
 « чшобѣ испыпашь швою храбрость.
 « Впрочемъ вѣдай, что я спкрылъ о
 « всемъ Набалишу Тугоркану, на-
 « ставившему себя; и одно лишь
 « оспашся, въ чемъ мнѣ должно
 « предварить себя. Ешшли шы хо-
 « чешь владѣшь Злашюкопышомъ и
 « Самосѣкомъ, не прикасайся ни къ
 « какой женцинѣ; ибо послѣ сего
 « лишишья шы оныхъ, и Баба Яга
 « похишишь ихъ; шы вѣчно уже не
 « возвратишь оныхъ. А хошя одинъ
 « неуспрашымый богашырь изъ шво-
 « его народа чрезъ нѣсколькo вѣковъ
 « и освободишь коня в мечь изъ руиъ
 « хищницы; но какъ уже опредѣле-
 « но въ книгѣ судьбъ бышь ему влюб-
 « лену и женашу, то и онъ владѣшь
 « ими будешь шолько до шѣхъ поръ,
 « когда возляжешь на брачный одръ.
 « Тогда оныя возмушя на небо, и
 « учинены будушь созвѣздїями, и
 « смершныя лишащя сихъ драгоцѣн-
 « носшей. Впрочемъ шелемъ швой уже

« для себя больше не нуженъ; Злапо-
 « копышъ имѣеть даръ доставляшь
 « все нужное, и пособляшь въ крайно-
 « стяхъ.» Сказавъ сіе, духъ замолявъ,
 и свистъ вихря оказалъ, что онъ
 удался. Я пригошовлялся пора-
 зить мечемъ моихъ спальную ча-
 шу, подъ которою скрытъ былъ
 Злапокопышъ; но увидѣвъ, что
 она исчезла, и неоцѣненный конь
 сей шелъ самъ ко мнѣ съ покорно-
 стію. Я учинилъ ему обыкновенную
 присягу богашырскую, цѣлуя ко-
 нецъ меча моего; и какъ для сего
 снялъ я съ головы моей шоломъ, то
 оный при окончаніи присяги пре-
 вращался въ рукахъ моихъ въ огнен-
 ную щипцу и улетѣлъ изъ глазъ
 моихъ. Я не ожидалъ, чтобъ бла-
 годѣшель мой Кабалистъ захопѣлъ
 меня оставишь на пусшомъ островѣ,
 и пошому счелъ, что помощь онаго
 уже для меня болѣе не нужна; я
 прибѣгъ къ моему Злапокопышу.
 « Любезной конь! говорилъ я, мнѣ
 « должно бышь у Индійскаго Царя

«Ценувирана: можешь ли ты меня
 «вб нему доставишь?» Злашопо-
 пышб вешрахнулся прижды, и я
 увидѣлб, что на бокахъ его оказа-
 лись крылья. Тогда я вскочилб на
 коня моего, кошорый какб вбспрб
 поднялся на воздухъ и перелешѣлб
 море. Достигнувб машерой земли,
 Злашовопышб опустился сб возду-
 ха, спряшалб крылья свои, и быш-
 рѣйшимб бѣгомб, менѣе нежели
 вб при часа, ошановилса у крыль-
 ца во Дворцѣ Царя Индѣйскаго.

Когда узнали, что я богашырь,
 присланный ошб Россійскаго Монар-
 ха на помощь, шопчасб приняли
 меня сб великою честію и пред-
 сшавили Царю Ценувирану. Госу-
 дарь сей оказалб мнѣ многіе знаки
 своей милосши, и наконецб, при-
 звавб меня вб кабинетб свой, ош-
 крылб причину непримиримой враж-
 ды своей прошиву Короля Нащя
 безсмершнаго. «Подумай, любезный
 «богашырь, говорилб онб мнѣ, по-
 «думай, какое для меня оторченіе!

« Король, которой не имѣешь у
 « себя больше сша слоновъ вооружен-
 « ныхъ, шроекрашно поразилъ мои
 « войска. — Но причина сей войны
 « самая основашельнѣйшая; не поду-
 « май, чшобъ какое нибудь приспра-
 « сше вовлекло меня во оную Какъ
 « Кащей безсмершной шолько про-
 « сшой Король, а я Царь Царей,
 « шо по заветамъ шребовалъ я ошъ
 « него бѣлаго слона, кошорыхъ ни-
 « шшо, кромѣ меня и наслѣдниковъ
 « прешола Индоспансваго, имѣшь
 « не можешь. Я послалъ къ нему
 « грамошу, въ кошорой ничего не
 « написано было, кромѣ обыкновен-
 « ныхъ выражений и всей почести,
 « наговую шолько Царь Царей мо-
 « жешь оказашъ шоль маленькому
 « владѣльцу; но Кащей прислалъ мнѣ
 « ошвѣшъ, коимъ крайнѣ оскорбилъ
 « мое величешво. Вошъ прочши самъ
 « грамошу мою и ошвѣшъ его.» Онъ
 « подалъ мнѣ, и я читалъ слѣдующее:

« Ценувиранъ Царь Царей, силь-
 « нѣйшій на земли, повелишель свѣша,

« великій владѣтель , вышнее вели-
 « чество , блисшашельнѣйшій Князь
 « между великими , коего изреченія
 « суть слова божественныя , на ма-
 « новеніе коего ока все и все пови-
 « нуется , копорого гнѣвъ есть какъ
 « ревъ львиный , а милость яко
 « дождь на землю ; изъ усъ моихъ
 « сыплются маргариты и алмазы
 « краснорѣчія , и около главы моей
 « сіяетъ златое солнце , даннику на-
 « шему Королю Кащею , копорый
 « имѣетъ щасліе бытъ подножіемъ
 « ногъ нашихъ , милость и благово-
 « леніе . Увѣдомилось наше величе-
 « ство , что ты осмѣлился имѣть
 « благо слона , наковая дерзость
 « влечетъ за собою совершенное
 « истребленіе всего твоего рода ; но
 « мы милосердую , требуемъ только ,
 « чтобъ ты упалъ къ ногамъ на-
 « шимъ , и представилъ слона , ко-
 « его тебѣ имѣть не должно . Дано
 « отъ начала пресвѣтлѣйшаго рода
 « нашего въ лѣто 7200 , мѣсяца
 « Бѣлой . Обезьяны въ 43 день .»

На оборотѣ надписанъ былъ ошвѣщѣ:

«Король Кащей безсмершный Ца-
 «рю Ценувирану. Я не хочу про-
 «писывать швоихъ шишуловъ; ибо
 «оные сверхъ того, что займушѣ
 «нужное мѣсто бумаги, но и мнѣ
 «непоняшны; а я не хочу шого пи-
 «сашѣ, чего не разумѣю, и что уда-
 «ляешѣ ошѣ правды. Предни швои
 «усшавили законѣ, о кошоромѣ не
 «спрашивались ни съ кѣмѣ, кромѣ
 «своей гордосши, и на кошорый со-
 «гласились шѣ, кои боялись ихѣ
 «прѣшѣсненія, чшобѣ не держашѣ у
 «себя никакой рѣдосши, накова
 «есшѣ на примѣрѣ бѣлый слонѣ. Но
 «я шакон же охощникѣ выѣзжашѣ на
 «рѣдномѣ слонѣ, накъ и Ценуви-
 «ранѣ; слѣдшвенно оный всегда
 «у меня останешѣ. Чшожѣ лежишѣ
 «до угрозѣ швоихѣ, я мало оныхѣ
 «опасаюсь и на дѣлѣ, нежели на
 «бумѣгѣ. Впрочемѣ я уповаю, что
 «просижу на моемѣ прешолѣ, и
 «никогда не былѣ и не буду шво-
 «имѣ подножиемѣ, накъ шы вообра-

«жаешь. Я не пишу года; ибо не
 «знаю, съ кошораго времени со-
 «зданъ первый человекъ, отъ ко-
 «его мы со всѣми наряду происхо-
 «димъ.»

Я пожалъ плечами, отдавая луч-
 шую справедливосшь Королю Ка-
 щеею; но Ценувиранъ думая, что я
 изображаю шѣмъ негодование мое
 въ дерзоспнымъ Кащеевымъ выра-
 жениемъ, и для шого продолжалъ:
 «Какъ ни справедлива моя спорона,
 «однако я проигралъ при сраженія,
 «и поперялъ два милліона воиновъ и
 «полшоры шысячи слоновъ. Кащей
 «имѣетъ не больше сна шысячь
 «рашниковъ; но самъ онъ при чрез-
 «вычайной силѣ не можетъ бышь
 «поврежденъ, понеже онъ безсмер-
 «шенъ. Я въ великомъ унынїи, и вся
 «моя надежда осшалась въ тебѣ,
 «дражайшій богашырь; для шого
 «что Кащей всшупилъ уже въ гра-
 «ницы моего владѣнїя.»

Признаюсь, что я великое имѣлъ
 ошвращеніе всшупишься за Госуда-

ря, начавшаго шоль несправедливую войну, и погубившаго два милліона людей за опщженіе одного себя; но подумай, какъ расположенъ чело-вѣкъ, чшобъ бышь пореваему спра-спьми. Слово «безсмершной» воз-будило мое славолюбіе, и желаніе сра-зисься съ онымъ, и можешъ бышь побѣдишь, въ мгновеніе ока изпре-било въ душѣ моей всѣ предразсуд-ки истины; я обѣщаль погибнушь, или привезшь ему голову его про-шивника. Любочестіе не дало мнѣ ни на минушу одумашься, и я, слѣ-дую побужденіямъ онаго, прѣхалъ въ войско Ценувираново. Нигдѣ еще не видали шоль многочисленнаго ополченія, ни шоль богашо воору-женныхъ всадниковъ; но слѣдшвіе показало, чшо множесшво не мо-жешъ прошиву храбросши, управ-ляемой искусшвомъ и благоразумі-емъ. Войско Ценувираново было ушороплено молвою о Кащеевомъ безсмершій; слухъ носился, чшо смерть его заперша въ камнѣ, ле-

жащемъ на днѣ Океана; что во ономъ камнѣ есть ушка, и въ ушкѣ яйцо, которымъ надлежитъ ударить Кашея въ лобъ. Уже многіе усердные сыны опечесива ныряли за онымъ камнемъ, и погибелію живота своего доказали, что Кашей безсмертенъ. Я съ моей стороны спарался ободришь ихъ, увѣряя, что по выдуманная басни, кои самъ Кашей въ народъ разсѣялъ, чтобы устрашишь ихъ. Совѣщовалъ ихъ начальникамъ учинить нападеніе густыми шолнами, пославъ напередъ копейщиковъ, а стрѣльцовъ и пращниковъ по сторонамъ, дабы шѣмъ превосходное число людей учинить всюду дѣяшельнымъ, и чтобы шолщина рядовъ не удобна была въ опроверженію отъ числа малаго; но полководцы считали себѣ за безчестіе послушать богатыря иностраннаго, думали, что своими расположеніями въ состояніи будущъ уничтожишь всю силу непріятелей. Арміи были уже въ виду, а военачальники

еще спорили за первенство; началось сражение; они старались не о шомб, чшобб дѣйствовашь общими силами, но чшобб обезсилишь крыло иного, св коимб имѣлб междуособіе, а какб вражда была веѣмб имб общая, шо неудивительно, что не успѣло сраженіе начашься, какб Ценуверановы войска были опрокинушы и побѣжали. Кащей вознамѣрился въ сей разб пролишь цѣлую рѣку человѣческой крови; онб поражаелб какб молнія, и воины, ободряемые его примѣромб, осшавляли цѣлые бугры шѣлб по слѣдамб своимб. Но посреди сей видимой уже побѣды я остановилб Кащей; онб св начала бросился на меня какб фурія, но шошчасб увидѣлб, что ему должно шольно защищашься. Воины его хошѣли овружись меня, но Злашопышб избавлялб меня ихб нападенія, побивая всѣхб приближающихся своими копышами. Кащей возшеналб, когда первый ударб Самошбкомб разрушилб въ дребезги

его очарованную броню, вопорая единственнo дѣлала его непобѣдимымъ. Другій ударъ кончилъ поединокъ, и голова безсмертнаго Кащея, упавшая въ ногамъ моимъ, доказала, что слухъ былъ ложный. Конь мой подхватилъ голову въ зубы, и подалъ мнѣ. Я поскакалъ къ бѣгущимъ Ценувирановымъ войскамъ, возгласилъ побѣду, и показавъ имъ знакъ оныя, принудилъ ошановишься. Кащеевы войска, напрошивъ, лишась своего Государя, потеряли свой жаръ, и хотя непріятели наступали на нихъ отважно; но они отступили въ шавскомъ порядкѣ, что безспройныя толпы не могли принудить ихъ ни къ одному лишнему шагу. Я съ моей стороны не хотѣлъ испытать моего Самосѣна надъ шоль храбрыми людьми, и возвратился къ Царю Индійскому. Сей оказалъ мнѣ множество почестей, предлагалъ мнѣ цѣлое королевство съ шѣмъ, чшобъ я остался въ его услугахъ,

но я не могъ нарушитьъ присяги моему Государю , и возвратился въ опечесшво. Со мною отправлено было знашное посольсшво съ необходимыми подарками , и милосши ко мнѣ Князя Асана не имѣли предѣловъ. Я служилъ ему ревностно , и дѣлалъ чудеса мечемъ моимъ ; я испышалъ , что онъ дѣйствительна можетъ побѣждать цѣлыя войска. Но о подвигахъ моихъ извѣстно изъ повѣстей , о коихъ , надѣюсь , и вы слышали. Теперь объявлю я вамъ то , что я дѣйствительна умеръ съ печали по ушрашѣ коня моего и Самосѣна. Всегда я содержалъ въ памяти , сколь опасны для меня были могущъ слѣдствія любви ; но не могъ укрыться отъ красоты одной дѣвицы , которая привела мнѣ все въ забвеніе. Часъ , въ кой учинился я щасливъ , былъ для меня злополучнѣйшій : Баба Яга украла моего Злапоконопыша и Самосѣна. Я шосковалъ по нихъ столько , что ешело мнѣ по жизни.

Изъ сей повѣсти видишь ты, Звениславъ, что тебѣ наблюдать должно, елики желаешь избѣгнути моей участи. Впрочемъ не заботься о своемъ другѣ Князѣ Тарбелсѣ; онъ въ опасности, и слѣдуй, куда призываетъ тебя слава. Я могъ бы тебя предвѣстить о имѣющемъ съ тобою случиться впредь; но какъ весьма полезно смертнымъ не проицать въ будущее, то помни лишь сіе, что добродѣтель всегда приемлема воздаяніе. —

Привидѣніе, сказавъ сіе, стало невидимо; а Звениславъ предася упокоенію на самомъ ономъ холмѣ. Проснувшись, въ удовольствіи своему увидѣвъ онъ Слосана, копорый, сидя близь него, дожидался его пробужденія? «Что скажешь ты мнѣ, дорогой Слосанъ?» было первое слово Звениславово. «Не былъ ли ты щасливѣе меня въ поискѣ Царя своего?» Слосанъ ошвѣчалъ, что онъ равномерно не могъ продолжать пуши въ разсужденіи ве-

ликой бури и непогоды; что онъ провелъ худую ночь подъ деревьями, и наконецъ по разсвѣшѣ выбрался на большую дорогу, приведшую его въ холму сему. Они заключили ъхашь въ Старый-Славенскъ, и продолжашь поиски свои чрезъ земли Ливоновъ Вендскихъ, Гошовъ, Кимвровъ и Кодановъ.

Въ Старомъ Славенскѣ осмошрѣбли они все примѣчанія достойное, какъ то: великолѣпное капище Перуново; могилу славнаго чародѣя Волховца (*) и прочія рѣдкости.

(*) Волховецъ, или Волховъ, былъ сынъ Славянскаго Князя Славена, и родной племянникъ Князя Руса. Онъ былъ великой чародѣй, злобный нравомъ, обращался крокодиломъ, живалъ въ рѣкѣ Мушной, гдѣ нынѣ стоишь Новгородъ, и рѣка Мушная отъ его имени прозвана Волховъ. Сказываютъ, что изъ сей рѣки, выходя крокодиломъ, пожиралъ онъ людей, и унащивалъ въ воду. А сего и довольно было, чтобъ признашь его богомъ устрашеннымъ Славянамъ, которые приносили ему жертвы. Наконецъ прислуживавшіе ему бѣсы (можешь быть по сдѣланному какому нибудь съ ними договору, какъ оныя отъ суевѣровъ сочиняются отъ сло-

Но какъ выпрашиванія ихъ о особахъ, коихъ они искали, были безплодны, въ помужь не оспановляло ихъ никакое особенное приключеніе, но пробѣхали они Ливонію, и большую часть обласней Готфскихъ. Тамъ услышали они великую славу о Исполнѣ Сперрашерѣ, родомъ изъ Хелзинговъ; и сіе впериле

ва до слова канцелярскимъ слогомъ) его удзвили во оной рѣкѣ. Тѣло его, всплывъ наверхъ, плыло противъ теченія воды, и выкинуто на берегъ при урочищѣ *Перыя*, имѣющемъ поднесъ сіе именованіе, гдѣ оно погребено съ насыпаніемъ по обычаю высокаго кургана; на третій день земля пожрала его тѣло и со всею насыпью. — Тамъ описано сіе въ лѣтописяхъ Новгородскихъ. Я не могу увѣрять, чтобъ составляло неоспоримую истинну таковое повѣствованіе, и въ разсужденіи того, что аллегорически изображать дѣянія Монарховъ былъ вкусъ общій тогдашнихъ временъ, но можетъ быть безъ ошибки можно извлечь изъ сего, что Волховъ упражнялся по обычаю того вѣка въ разбояхъ по рѣкѣ Мушней, и по лютоупости своей сравненъ съ крокодиломъ. Апомомъ, какъ вѣхъ злыхъ опправляютъ во адъ, но по смерти его необходимо надлежало ему во оный провалиться; и о другой дороги въ геенну смертныя не знаютъ.

непреодолимую охоту въ нашего
 богатыря искашь онаго, и съ нимъ
 сразишься, или, какъ называешься, оп-
 вѣдашь силы. Звениславъ не прежде
 далъ опдыхъ вою своему, какъ на-
 шедъ Исполина въ обласяхъ Кода-
 новъ (нынѣшней Даци). Сперкашеръ
 обидѣлъ по большей части подъ оп-
 крышымъ небомъ, и въ разсуде-
 нии переменяемыхъ имъ мѣстъ не
 малый былъ трудъ нашему богаты-
 рю до онаго достигнуть. Слосанъ
 посланъ съ объявленіемъ вызова на
 рашоборство; и Звениславъ шѣмъ
 горяче желалъ онаго, что вспо-
 мнилъ о слышанномъ нападеніи се-
 го Исполина на одного Рускаго Го-
 сударя; опмстивъ хоша шаринную
 обиду своего опечесства было для
 него весьма пріятно. Вызовъ при-
 нявъ; Сперкашеръ назначилъ мѣс-
 то, и оппустилъ Слосана съ слѣду-
 ющими словами: «Скажи своему
 «богатырю, что я не опвергаю пред-
 «ложенія его, хоша оно для меня
 «очень странно. За что хочешь

« онъ сражашься съ челоуѣкомъ, но-
 « его не видалъ во всю жизнь свою?
 « Естли шолько любочестіе вле-
 « чешъ его къ шому, чшобъ незло-
 « жись Спернашера, привыкшаго къ
 « побѣдамъ, шо я жалѣю о сей его
 « суешности; слава моя должна бы
 « предосперечь его ввергашъ себя въ
 « опасность. Однако я за честь
 « вмѣняю бишься съ вишяземъ шоль
 « смѣлымъ. »

Въ слѣдующее утро Звениславъ
 прежде восхожденія солнечнаго до-
 ждался уже на назначенномъ мѣ-
 стѣ своего противника. Сей не
 замѣшкаль появисься, и видъ его
 доспапоченъ былъ охладить кровь
 во всякомъ другомъ, кромѣ Звени-
 слава. Сперкашеръ имѣлъ ростъ по-
 добный высокому дубу, и вооруженъ
 былъ мечемъ, сходшвующимъ бо-
 лѣе на длинную доску, чѣмъ на ору-
 жіе. Звениславъ подѣхалъ къ нему
 на своемъ Злашовопышѣ, и ошдалъ
 честь, присшойную мужу, извѣсп-
 ному по своимъ славнымъ подвигамъ,

хощя послѣ оказанія сей почести гошовъ былъ, есшля удашся, лишшь онаго жизни. Сіе обыкновеніе было у древнихъ богашырей, и есть еще поднесъ между людьми, играющими въ произшесшвіяхъ въ новъ важныя роли, кои обыкновенно, подъ видомъ почианія, производящъ ненавистнѣйшія свои къ шаовымъ людямъ намбренія. Великое неудобство предшояло въ семъ поединкѣ въ разсужденіи неравенства росша рашниковъ; и Сперкашеръ позволилъ, чшобъ Звениславъ сразился съ нимъ на конѣ. Онъ хощѣлъ щадить вишязя, шоль смѣлаго и прекраснаго, каковымъ показался ему Звениславъ; и для шого, вступя въ бишву, началъ поражать его шолько плащмя меча своего; но сія предосторожность по крѣпости ударовъ его была бы щещная, есшль бы богашырь нашъ не имѣлъ силы, искусства, и чшо важнѣе, непобѣдимаго Самосѣка. Всѣ удары ошвращены проворшвомъ руки Зве-

ниславовой, и Сперкашеръ скоро увидѣлъ, что не должно ему щадить вишязя, естли хочешъ наблюдать свою безопасность; ибо Самосѣвъ наносилъ ему болѣзненные раны. Но и обращенное острие не лучшей имѣло успѣхъ; разъяренный Исполинъ схватилъ мечъ свой въ обѣ руки, чтобъ шѣмъ дѣяшельнѣе докончить бой, и разсѣчь вишязя обще съ конемъ на полы единымъ махомъ. Звениславъ, предусмогря сие, заключилъ его обезоружить, и для того произвелъ ударъ обухомъ своего Самосѣва въ опущенный на него мечъ Исполиновъ, ошъ котораго оный разлѣшѣлся въ мѣлкія часпи. Сперкашеръ заревѣлъ страшнымъ голосомъ, и сполько озлился, что бросясь на Звенислава, хотѣлъ задавить онаго; но богашерь упредилъ сие впорымъ ударомъ обуха Самосѣкова, и сбилъ Сперкашера съ ногъ. Соверша сию побѣду, не думалъ онъ покуситься на жизнь низложеннаго, и для того влагалъ мечъ

свой въ ножны. — « Ты щадишь ме-
 ня, храбрый богатырь! вскричалъ
 « Сперкашеръ съ опчаяніемъ; но ты
 « не вѣдаешь, что не можешь ока-
 « зашь мнѣ лучшей милоспи, какъ
 « лиша меня жизни. Я побѣжденъ по-
 « бою, и можешь ли ты вообразишь,
 « чшобъ Сперкашеръ, не выдавшій во
 « дни свои кромѣ шоржества, желалъ
 « шеперь чего нибудь кромѣ смер-
 « ши. » — Звениславъ, не гордѣщійся
 своимъ выигрышемъ, старался ос-
 троумными доводами уменьшилъ его
 опчаяніе, и даже открылъ ему, что
 можешь бышь сверъхъвеселешвен-
 ное его оружіе было главнѣйшею
 причиною его успѣха. — « Со всѣмъ
 « шѣмъ я несчастливъ, » былъ единый
 ошвѣшъ опечаленнаго Исполина, ко-
 шорый видалъ на побѣдителя сво-
 его шаковые взоры, въ воихъ удивле-
 ніе, ужасъ и низложенная гордосшь,
 повазываясь попеременно, являли
 Звениславу, что онъ не сдѣлаешь
 лучшаго ко успокоенію бѣднаго
 Сперкашера, какъ удалишся ошъ

него. Чшо онъ и учинилъ, проспясь съ нимъ съ возможнѣйшимъ удоспобреніемъ въ почшеніи своемъ къ особѣ побѣжденнаго.

Не рѣдко судьба производишь людей храбрыхъ, не рѣдко щасшіе провождаетъ всѣ ихъ подвиги, но не всѣ изъ нихъ умѣють управляшь побѣды свои испиннымъ свойствомъ ироевъ. Сіе принуждаетъ бышь врагомъ своему непріятелю шолько во время сраженія, и другомъ послѣ побѣды. По крайней мѣрѣ чувспвовалъ силу сей важнѣйшей добродѣтели Звениславъ; онъ сполько жалѣлъ о мучительномъ соспояніи, въ кое повергъ Сперкашера, чшо не могъ удержашься, чшобъ на другій день не ѣхашъ навѣспишь его, и еспьли можно, подашь ему дружескія ушѣшенія. Но продолжая безъ успѣха иснаніе свое чрезъ цѣлые два дни, подоспѣлъ онъ къ позорищу, долженспвовавшему смѣгчашь всякаго чловѣка, имѣющаго душу, ему подобную.

При подошвѣ высокія горы увидѣлъ онъ шѣло его обезглавленное, и ручей дымящейся еще крови его. Человѣкъ съ мечемъ, обагреннымъ оною, сшоялъ шумъ, и упражнялся разсмаприваніемъ кучи золоша, лежавшей близъ шѣла Сперкашерова.

«Боги! что я вижу! вскричалъ Звениславъ. . . . Ты убійца мужа обезоруженнаго!» — и спремился наказашъ его единымъ рѣшишельнымъ махомъ своего Самосѣка. — «Не будь скоръ, храбрый богашырь, осуждашъ меня,» ошвѣчалъ человекъ оный съ шрепешомъ «Самъ Сперкашеръ принудилъ меня къ скончанію дней своихъ. Я служилъ ему съ самаго почши моего дѣшства, и по одолженіямъ, копорыя получилъ отъ него, не могъ бы я покуситься на жизнь его. Выслушайше его повѣсшь и тогда усмоприше, заслуживаю ли я ваше ошмщеніе» Звениславъ позволилъ ему, и онъ началъ.

П О В Ъ С Т Ъ

О Исполинъ Стеркатель.

Я избавленъ имъ изъ плѣна у Славянъ Рускихъ, въ кошорой попался послѣ побѣды ихъ надъ Гошфами, и Стеркатель, напавъ на часть войскъ, возвращающихся уже въ опечесшво, ошбилъ меня съ прочими моими соопчичами. Но какъ я въ войну сію лишился моихъ родшелей и дому, шо Стеркатель привелъ меня благодареніями своими въ сосшояніе завесши жилище мое, не въ дальности ошсюда находящееся. Стеркатель жилъ на свѣшѣ 309 лѣшъ; почему не былъ я свидѣшелемъ всѣхъ его дѣлъ, а предложу вамъ о шеченіи жизни его шакъ, какъ насльшался ошъ многихъ, вѣрояшя досшойныхъ людей, и ошъ самаго его, когда онъ, приходя навѣщашъ меня и умножашъ свои одоженія подарками изъ приобрѣшенныхъ корышей въ побѣдахъ, мнѣ о себѣ рассказывалъ.

Онъ былъ не только въ сравненіе росша своего силенъ, храбръ и щасливъ въ побѣдахъ, но при томъ великодушенъ, и сполько воздерженъ, что никогда не упошреблялъ въ пищу свою кромѣ хлѣба и воды, что думаю я наиболѣе способствовало къ долгошью его вѣка. Онъ ни на кого не нападалъ безъ причины, и былъ умѣренъ послѣ побѣдъ своихъ; но пороки наказывалъ съ жесточайшею строгостію. Весь свѣръ и многія сосѣдственныя къ оному земли имѣюшъ живые слѣды славныхъ его подвиговъ.

Вопервыхъ низложилъ онъ мучителя, Норвежскаго Короля Викара, коего ширанскіе посшупки, какъ съ собшвенными его подданными, шавъ и съ сосѣдними Кимбрами и Коданами, принудили Сшеркашера ишши на него войною. Онъ прогналъ его войска, и въ поединкѣ убилъ Викара однимъ ударомъ кулака своего, не взирая, что сей Король Норвежскій самъ былъ Испо-

линь. Попомъ съ флопомъ Готф-скимъ ходилъ на Славянъ Рускихъ, побѣдилъ Царя ихъ Флока, и возвратился съ знашною добычею сухимъ пушемъ; но сія побѣда была выгодна только одному ему; ибо всѣ Готфы побиты ошъ храбрыхъ Русовъ, и корабли ихъ сожжены. За сіе-то мстили они войною, въ копорую опечешво мое раззорено, и я попался въ плѣнь, ошъ копорого освобожденъ Сперкашеромъ, какъ объявилъ я прежде. Онъ ходилъ на помощь въ Бришамъ прошиву чудовища, опустошавшаго ихъ островъ, и убилъ оное, когда вышло оно изъ моря для пожиранія людей и спадъ. Чудовище сіе имѣло девять головъ и спанъ львиный; но лишилось головъ своихъ ошъ двухъ ударовъ меча его.

Послѣ ополчился онъ въ земли восточныхъ Русовъ на богашыря Визинна, копорый силу свою и храбрость обращалъ лишь во злоупотребленія: нападаль безъ причинъ на

разныя государства, наполняя оныя кровопролитіемъ, и дерзоснѣйшимъ образомъ насильствуя знаменитыхъ женъ предъ очами ихъ супруговъ. Молва о злочесвіи сего изверга побудила Сперкашера слѣдовать, и вызвать Визинна на поединокъ. Во ономъ умершвилъ онъ сего порочнаго богатыря безъ пощады. Оттуда слѣдовалъ онъ далѣе на востокъ до Фракіи, гдѣ Исполна Танну, который дошоль хвасталъ быль непобѣдимымъ, принудилъ въ поединкѣ просить пощады живоша своего, и обязалъ вмѣсто ссылки удалиться въ дальнѣйшія страны Африки.

Но на семъ подвигѣ побѣды его не кончились; онъ принужденъ былъ возвратиться въ Норвегію. Защищаемый имъ Король Хелго, гошоясь сочешашься бракомъ съ невѣстою своею, съ самый день свадьбы получилъ вызовъ отъ десяти весьма сильныхъ и опважнѣйшихъ богатырей на поединокъ за свою невѣсту,

кои опредѣлили дѣвство ея въ награду побѣдишелою. Для сего просилъ Хелго Исполина Сперкашера на службу богашырскую, въ чемъ онъ ему и не отказалъ. Король поѣхалъ напередъ верьхомъ въ назначенное мѣсто; а Сперкашеръ шелъ идѣ своимъ пушемъ, и припомъ шоль скоро, чшо доспигъ шуда въ одинъ день, куда верьховые не прежде двенадцати поспѣли. Богашыри вопрошали его: «имѣеши ли онъ доволно смѣлости съ ними сразисься?» — Имѣю, опивѣчалъ онъ имъ корошию, и припомъ не поодиначкѣ, а вдругъ прошиву всѣхъ, «сколько ешь васъ прошиву меня въ оружїи.» Онъ пренебрегъ ихъ до шого, чшо въ слѣдующій день вышелъ на чистое поле, и сѣлъ на холмъ прошиву вѣющаго самаго холоднаго вѣтра и снѣга, вздуваемаго мешелью; шамъ раздѣлся онъ до нага, равно какъ бы было шо весною, или лѣшомъ, и очищаль бѣлье свое ошъ насѣкомыхъ. Багра-

ный свой плащ, полученный въ подарокъ отъ невѣсты Короля Хелга, бросилъ онъ въ кусты, дабы не подумали, что онымъ защищается онъ отъ падающей гололедицы. Богашыри зашли съ другой стороны холма, чшобб имѣшь въ шрѣ въ пыль, и чшобб по сошествіи за холмъ, защищалъ ихъ оный отъ сурогости холодной и сибжной погоды; причемъ разклали огонь и грѣлись. Но какъ не вѣдали они, что прошивникъ ихъ Сперкашеръ за холмомъ находится, опрядили они одного изъ себя взойши на верхъ и при мѣчашь приходъ онаго. Сей увидѣлъ отшудѣ сшараго мужа, сбдящаго почти по самыя плеча въ сибгу; сошелъ къ оному и спрашивалъ, не шомъ ли онъ, кошорый принялъ вызовъ ихъ поединка? и какъ Сперкашеръ назвался онымъ, тогда по данному знаку приблизились всѣ прочіе богашыри, и вновь испышывали, одинъ ли на одинъ, или со всѣми вдругъ сразиться онъ желаетъ? На

что Сперкашеръ отвѣчалъ имъ :
 « Когда нападаешь на меня спудо
 « брешущихъ собакъ , я опгоняю
 « оныхъ не по одиначкѣ , но всѣхъ
 « вдругъ . » Послѣ сего началось сра-
 « жение , въ коемъ Исполинъ убилъ
 « шесшерыхъ , не получа еще ни
 « одной раны . Оставшіе прое нанес-
 « ли ему больше шруда , и нѣсколько
 « глубокихъ язвъ ; однакожъ погибли
 « ошъ руки его , равнобрно какъ и
 « ихъ товарищи . По сей побѣдѣ упро-
 « сивъ Сперкашеръ нѣкошораго посе-
 « лянина перевязашъ себѣ раны , ко-
 « шорый и залечилъ оныя весьма ис-
 « усно , вправя выпадшія кишки , и
 « зашивъ язвы тонкими ивовыми хлы-
 « шиками . За сію услугу получилъ
 « онъ отъ Сперкашера шотѣ драго-
 « цѣнный плащъ , кошорый подарила
 « ему Королевская невѣста . Таковымъ
 « образомъ Хелго вновь обязанъ былъ
 « благодѣшело своему Сперкашеру .

Когда оный служилъ при войскахъ
 Короля Готтфскаго , и увѣдалъ , что
 Ноданскій Король Ингелъ предался
 нецшошсшвамъ , шогда онъ крайнѣ

огорчился и началъ насыпашь великой коробѣ угольемъ. Бывъ же вопрошенъ, что намѣренъ онъ начашь съ симъ угольемъ? ошвѣчалъ: «Я иду въ Коданію для изощренія на сихъ угляхъ пришупившагося разума Короля Ингела.» Что онъ и исполнилъ, для того что укореніями своими довелъ молодаго Короля опрещись онъ всѣхъ своихъ пороковъ и невоздержносшей, а по вспупленіи на спезю добродѣтелей назвишь всѣхъ убійцъ отца своего, коихъ онъ, по крайнему неразумію, принялъ было въ особливую свою милоспъ и удостоилъ ближайшей своей повѣренности.

Спернашеръ особливо прославился въ войнѣ, которую велъ Гопфскій Король Ринго прошиву Коданскаго Короля Оралда съ пролишіемъ съ обѣихъ сторонъ многою кровію. Во оной войнѣ былъ онъ съ стороны Гопфовъ, но не взирая на шо, побѣда досталась не дешево; ибо Гопфы пошеряли во оной двенадцашь

тысячь однихъ только чиновныхъ людей и дворянства, хощя уронъ Кодановъ былъ и впрое. Сперкшеръ имѣлъ тогда на себѣ должность Гошфскаго главнаго Полководца, и покорилъ Кодановъ въ подданство Королю Рингу.

Исполнивъ сей былъ не только опмѣнно силенъ и неустрашимъ, но и невѣроятно скоръ въ ходѣхъ, шакъ что изъ верхней части области Гошфовъ успѣвалъ въ Коданы однимъ днемъ, чего обыкновенные вѣдоки не могли учинить въ двѣ недѣли. Кажется, что сѣверные народы почишающъ сего Исполина своимъ Иракломъ, что опдающъ почши божескую честь его славы.

Таковымъ образомъ вы видите, почтенный богашырь, что Сперкшеръ привыкъ въ побѣдахъ, и по низложеніи своемъ, не могъ еносить упадка славы, пріобрѣщенной и подвѣрваемой имъ чрезъ цѣлые приѣва. Вчера пришелъ онъ въ моему дому: шѣло его было ослаблено

болѣзнію и ранами; но еще болѣе
 духъ его сщѣсняемъ жесточайшею
 печалію. « Я побѣжденъ, дорогой мой
 « Хашеръ! вскричалъ онъ мнѣ съ
 « спенаніемъ. Рускій богатырь Зве-
 « ниславъ низложилъ меня въ по-
 « единкѣ, и погубилъ всю честь мо-
 « ихъ подвиговъ Ты видишь болѣзнь
 « мою, произведенную во мнѣ оп-
 « чаяніемъ; конецъ мой близокъ, и
 « я не хочу, чѣшобъ возвѣмъ я по-
 « слѣдній спыдъ, умерешь еспещ-
 « венною смершью. (*) Окажи мнѣ
 « благодѣяніе, опсѣки сію голову, кою
 « я носишь на себѣ болѣше уже не
 « въ соспоиніи. » Я никакъ не могъ
 учинишь моему благодѣшелю шоль
 варварской услуги, и опрехоя рѣ-
 шителью. Спернашеръ упорешво-
 валъ и спарался доказывашь мнѣ
 примбрами, чѣшо сіе шребованіе его

(*) Древніе Готтѣскіе богатыри и прочіе ви-
 пшзи вмѣняли себѣ въ великой спыдѣ уме-
 реть еспещвенною смершью, или въ бо-
 лѣзни; для чѣго предупреждали сіе, повелѣ-
 ая оруженосцамъ своимъ убивашь себя.

законно, и что многіе друзья оказывали другъ другу подобныя услуги. Но не успѣвъ онымъ, предлагалъ мнѣ сіи ещо двадцать фунтовъ золота, кои получилъ за убіеніе мучишеля Ола; однако когда и блескъ золота не могъ привлечь меня, шо грозилъ онъ удавишь меня, ещѣли я не соглашусь. Признаюсь, что голосъ, съ наковымъ онъ сіе произнесъ, не дозволилъ мнѣ сомнѣваться болѣе о его угрозахъ; я зналъ его довольно, и спасеніе собственнѣйшей моей жизни меня принудило повиноваться. Онъ привелъ меня на сіе мѣсто, вручилъ мнѣ золото, которое вы здѣсь видите, и нагнувъ свою голову, поощрялъ срубишь оную смѣло. Таковымъ образомъ совершилъ я его желаніе. Олдѣленная ошъ шрупа голова, упавъ на землю, укусила во оную, и вырвала великую глыбу своими зубами, что свидѣтельствовало о ярости его, съ наковою оставилъ онъ сей свѣщъ. —

Теперь, великодушный богатырь, можешь усмотрѣшь, заслуживаю ли я гнѣвъ швой. — « Со всѣмъ шѣмъ шны убійца швоего благодѣшеля, подхвасилъ Звениславъ. Я доволенъ вижу, что блескъ золота привлечъ тебя въ шоль мерзвому поспуку; ибо шны найдены мною не въ оплакиваніи убіенлаго шобою, но въ пожираніи корыстолюбными швоими взорами богашсша, приобрѣшеннаго цѣною кровей. Ты споль гадовъ, что я и всякій добродѣшельный вишязь сочтешъ въ безчестіе умершвишь тебя своимъ оружіемъ. Я оспавляю учинишь сіе надъ шобою швоей совѣсти »

Хашеръ казался бышь приведенъ шѣмъ во ужасъ, и видъ раскаянія покрывъ лице его. Звениславъ не пропустилъ оказашъ послѣдній долгъ мужу шоль славному: онъ обще съ Слосаномъ предалъ шѣло его земель на поляхъ Релингскихъ, опиравилъ по немъ шризны по обычаю

сѣверныхъ народовъ , и учиня признакъ богашырскій надѣ его моглою , вознамѣрился слѣдовашь ко Двору Великаго Князя Владимира , коего слава гремяла во всемъ свѣшѣ. Дворѣ его описывали ему шаковымъ , въ кошорому всѣ славнѣйшіе богашыри имѣли свое спеченіе; а особу Владимирову шаковымъ Государемъ , коему единственнo приспойно было посвящашь услуги свои людымъ великимъ. Звениславъ надѣялся при ономъ наиболѣе снискашь свою славу, и ошѣ богашырей , развѣзжающихъ по всему свѣшу , получишь извѣстіе о любезныхъ своихъ особахъ. Онѣ направилъ пушъ свой въ славному городу Кіеву, безпресшанно провѣдывая о возлюбленной своей Алзанѣ , и о Царѣ Яшвяжскомъ и его супругѣ. Слосанѣ не могъ ошавишь шоль храбраго богашыря, каковъ былъ Звениславъ , поврившельствующій и свидѣшельствующій вѣрность его въ своему Монарху ; онѣ слѣдовалъ за нимъ , и

посвящилъ услуги свои богатырю ,
соединенному полъ шѣснымъ сою-
зомъ съ Тарбелсомъ.

Неизвѣстно, имѣла ли надъ убій-
цею Сщеращеровымъ совѣщъ по
дѣйствіе, каковаго ожидалъ добро-
дѣтельный Звениславъ. Но думаю,
что куча золоша успокоила духъ
его , и скоро привела въ забвеніе
укоренія богатыря Рускаго ; ибо
часто видимъ мы , что мешалъ
сей способствуемъ къ равнодушно-
му совершенію безбожнѣйшихъ под-
виговъ людямъ и не шакъ подлаго
сословія , каковъ былъ Хашеръ.

Между шѣмъ слава не дремала съ
своею гремящею шрубою, и имя Зве-
ниславово полъ почщеннымъ учинила
при Дворѣ Владимировомъ, что при-
нялъ онъ симъ Монархомъ съ ош-
личною радостію и оказаніями по-
чесшей. Милосши и благосклон-
носщъ великаго Государя Рускаго
учинились шѣмъ больше, когда Зве-
ниславъ на подвигахъ съ непобѣди-
мыми его богатырями Добрынею ,

Чурилою, Алешею и прочими, оказался не только имъ неуспуваюцимъ, но можешъ бышь и превосходящимъ.

Въ бытность свою чрезъ пять лѣтъ въ услугахъ Владимировыхъ Звениславъ извѣстенъ подъ именемъ дворянина Зеолъшанина. Онъ осматривалъ всѣ рѣдкости и великолѣпныя зданія въ именишомъ градѣ Кіевѣ; но я не буду описывать (говоришь испорикъ его повѣсти) подробности его примѣчаній; въ чемъ согласенъ весь свѣтъ, что Кіевъ былъ первый городъ въ подсолнечной въ разсужденіи богатства, Греческой архитектуры и крѣпости стѣнъ своихъ, созданныхъ на освященныхъ водахъ рѣки Буга. Равномѣрно не распространяюсь я въ повѣствованіи шѣхъ безсмертныхъ дѣлъ, кои совершилъ Звениславъ въ служеніи Владимиру. По-неже предварили меня въ шомъ писатели времянниковъ, навъ шо: освобожденіе Царевны Греческой,

Царей Цимисхіевъ сестры, изблвна Хозарскаго Князя Чула. При семъ Звениславъ дблалъ опышъ надъ своимъ Самосбкомъ, кошорый, во время его опдохновенія въ шапрбъ, порубилъ все высланное на богашыря Хозарское войско. Пошомъ поббдилъ онъ на поединкб самаго Чула, и принудилъ его не шокмо возвращишь Царевну брашьямъ ея съ честію, но и за плбнъ ея заплашишь сто тысячъ фуншовъ золота. — Пошомъ при избавленіи Вяшичевъ ошъ владычества шбхъ же Хозаровъ оказалъ онъ Владимиру не малую услугу взявъ одною своею рукою городъ ихъ Саркелъ или Ббловбжб, и введъ во оный засаду воиновъ Рускихъ. — Равномбрно оказалъ онъ силу свою въ походб со Владимиромъ на Крвашовъ; и когда въ опсуществіе сіе Печенеги впали въ Россію съ сильнымъ войскомъ, тогда Звениславъ снялъ на себя прогнашь ихъ, и дни въ два насшигб ихъ при рбвб Трубежб.

Тутъ учинилъ онъ великое имъ поражение, и убилъ Исполина ихъ Кудара. Бѣгущіе послѣ сего Печенегъ встрѣлись съ опрядомъ войскъ Владимировыхъ, посланныхъ и поспѣшавшихъ на помощь Звениславу, и бывъ гонимы съ одной стороны богашыремъ симъ, а съ другой встрѣчены онымъ опрядомъ, истреблены въ конецъ. — Не меньше славы его подвиговъ въ убіеніи споглаваго чудовища, желавшаго выпить до капли воду въ рѣкѣ Дибрѣ. По шридневномъ безъ отдыха съ нимъ сраженіи, Звениславъ изрубилъ оное въ часпи.

Когда учинился въ обласяхъ Владимировыхъ миръ, и когда щещное провѣдываніе чрезъ шекающихъ въ Кіевъ богашырей о искомыхъ Звениславомъ особахъ учинило грусть его возобновившеюся, просилъ онъ Владимира о увольненіи его изъ своей службы, открывъ чистосердечно причины, его къ тому принуждающія. Безплодно сша-

рался Владимиръ, обязанный его подвигами, удержавъ его при себѣ; Дворъ его лишь умножалъ поску его; онъ видѣлъ при ономъ только щасливыхъ любовниковъ, и возлюбленная Алзана была одно его желаніе. Онъ оставилъ Кіевъ и поѣхалъ съ вѣрными своими спутниками Слосаномъ въ Обры къ пешю своему Князю Кошагеду, чшобъ ошкрыть наконецъ о нещастіи своемъ, которое до тѣхъ поръ онъ него скрывалъ. Онъ достигъ шуда въ самое нужное время; ибо нашелъ кровопролитное сраженіе предъ самою столицею. Аланскій Князь Сарозій узналъ, что Князь Кошагедъ лишился своего сына, и онъ чувствующею ошъ шого печали впалъ въ шакую слабость, что совсѣмъ не рачилъ о правленіи своего государшва. Сарозій хощалъ онымъ воспользоваться, и пришедъ во шѣ штысячахъ войска, уповалъ безъ затрудненія покорить себѣ Княжество Обрское. Кошагедъ пошералъ

уже два сраженія , и сіе долженствовало рѣшишь судьбу Обровъ, однако оныя были разбишы, и бѣжали. Въ семъ общошельствѣ встрѣлѣ ихъ Звениславъ. Онъ остановилъ шѣхъ , но ихъ могъ , а въ другую сторону послалъ Слосана ободрить и удержать бѣгущихъ воиновъ. Напирающіе Аланы вскорѣ почувствовали тяжесть ударовъ Самосѣка, и самъ Сарозій омылъ въ крови своей свое власнолюбіе. Звениславъ не щадилъ непріятелей ; Слосанъ съ ободрившимися Обрами дѣлалъ чудеса храбросши, и не прежде остановился онъ преслѣдованія разбишыхъ Аланъ , какъ за предѣлами владѣнія своего Государя.

Радость Кош.гедова была неизобразима, когда узналъ онъ, что избавленіемъ своимъ долженъ храбросши своего зятя, коего равномерно считалъ погибшимъ , какъ и дѣтей своихъ. Звениславъ соединилъ съ нимъ слезы радости, и разсказалъ о подробностяхъ , касающихся до

Алзаны, Тарбелса и Любаны, подалъ нѣкошорую надежду, что оныя когда нибудь сыщутся, и присоединятся къ его родительскимъ обѣщаніямъ. Княгиня Селша, взирая на красоту своего зятя, не желала больше, какъ видѣть дочь свою совершенно щасливую въ соединеніи и докончаніи ея брака. Звениславъ не могъ долго наслаждаться нѣжно-стію своихъ родственниковъ; его ничто не могло утѣшить безъ Алзаны, и для того просился онъ съ Князьями Обрскими, чтобы продолжать свои поиски. Кошагедъ позволилъ на сіе не иначе, какъ съ проливіемъ горчайшихъ слезъ. «Я почти опчаяюсь видѣть дѣшей моихъ, говорилъ онъ; Небо даровало мнѣ себя, но ты оставляешь меня печали и опасности. Кто подкрѣпитъ безъ тебя скиптръ въ ослабѣвающей рукѣ моей?» — Государь! отвѣчалъ ему Звениславъ, опасности ваши суть мои собственные; но не видите ли вы, что

« я не могу жить лишенный возлю-
 « бленной моей супруги. Само бо-
 « жество повелѣло мнѣ искать оную;
 « и кто знаетъ, не крайнѣ ли по-
 « требна ей моя помощь? Можешь
 « быть спрадаешь она во власи
 « каковаго нибудь мучителя; другъ
 « мой Тарбелсъ можешь быть сно-
 « сить жесточайшую неволю; и въ
 « такомъ случаѣ кто защититъ его
 « дражайшую Любану? Все повелѣва-
 « ешь мнѣ не медля шествовать;
 « не уже ли никогда Небо не смяг-
 « чится моими спраданіями? » — Ся-
 завъ сіе, оставилъ онъ Кошагеда и
 Селшу Вѣрный Слосанъ посланкомъ
 него былъ въ Яшвягію освѣдомишь-
 ся, въ каковомъ состояніи находишь-
 ся правленіе онаго царства и ибшь
 ли какова нибудь слуху про ихъ Го-
 сударей; ему приказано было искать
 Звенислава въ землѣ Вяшичей, ку-
 да богатырь нашъ и слѣдовалъ.

Онъ пробѣжалъ множество земель
 всегда безъ успѣха въ своемъ намѣ-
 реніи. Неудача сія приводила его въ

ощчаяніе, отъ коего не получалъ онъ иной ошрады, развѣ когда случалось ему освобождать несчастныхъ изъ власни пришѣснителей. Въ землѣ Вяшичей, не дождавшись Слосана, скучилъ онъ болѣе медлитель, и давъ волю Злапоновышу своему избравъ путь, выѣхалъ. Наступающая ночь принудила его взять роздыхъ. Злапоновышъ разбилъ ему шашеръ, и Звениславъ легъ, углубленный въ печальныя помышленія свои о Алзанѣ. Вдругъ плачевный голосъ женщины, призывающей на помощь, пронзилъ слухъ его. Звениславъ, ищущій шаковыхъ приключеній, и всегда готовый на помощь, схватилъ мечъ свой, бѣжалъ, и увидѣлъ прекрасную особу въ рукахъ чешверыхъ бездѣльниковъ, старающихся похитить честь ея. При взглядѣ на неожиданную помощь злодѣи пришли въ смятеніе, однако ободрясь, думали, что имъ не будешь труда управиться съ однимъ человѣкомъ, и напали на

Звенислава. Но сіе споило жизни двоимъ; а оставшимъ быспросшь ногъ спасла оную. Богатырь нашелъ сію освобожденную связанну; онъ обнадежилъ ее безопасностію, разрѣзалъ веревки и просилъ слѣдовать за собою. Женщина, поглядѣвъ на него, подала ему руку; они пришли въ шашербъ.

Можетъ быть нѣкоторые подумаютъ, что избавленная женщина за тѣмъ повиновалась ипши съ нашимъ богатыремъ безъ дальнихъ размышлений, что женщины не часто бывъ въ опасности наединѣ съ пригожимъ и храбрымъ мужчиною; однако сія совсѣмъ не того была свойства, и щасіе привело ее къ пресѣченію горестей своего избавителя, какъ то скоро услышимъ.

« Неустрашимый Звениславъ! начала она сѣвъ съ нимъ на разосланномъ коврѣ. Я имѣю чѣмъ заплацишь швое оказанное мнѣ одолженіе. Не удивляйся, что я шебя знаю, когда мое лице шебѣ

« незнакомо. Я волшебница дочь
 « и жена Слопанова, ешьли шолько
 « сей невѣрной не опказываешся опѣ
 « названія супругою особы, его огор-
 « чившей, и копорая, раскаявшись
 « въ жестокомѣ сѣ нимѣ, хошя заслу-
 « женномѣ имѣ посшупкѣ, гоняешся за
 « нимѣ по свѣшу; копорая спрада-
 « ешѣ по немѣ, и чрезѣ шоль дол-
 « гую сѣ нимѣ разлуку никогда не
 « подражала ему въ невѣрности... »

« Ахѣ! я нашелѣ его неожиданно! »
 вскричалѣ голосѣ человекѣ, ошано-
 вившаго коня своего у шапра; и въ
 шожѣ мгновение вошелѣ Слопанѣ.
 « Государь! . . . какая встрѣча! » . .
 кричалѣ онѣ входя сѣ распрощер-
 шыми руками; но вдругѣ ошшупя,
 сказалѣ: « Ба! . . . жена моя! . . . По
 « чесши эшо не худо, храбрый бога-
 « пырь; подвигѣ вашѣ сѣ Бряцаною
 « лучшебѣ былѣ безѣ свидѣтелей. . .
 « Однако я не ревную, продолжалѣ
 « онѣ смѣючись; ибо испышалѣ, ка-
 « нихѣ изрядныхѣ лошадей дѣлаешѣ
 « изѣ людей спрасшѣ сѣя. » — Вре-

« мя еще шаю корощко, » отвѣчалъ
 Звениславъ, обнимая Слосана, « что
 « ешьлибъ ты и могъ меня подо-
 « зрѣвать въ измѣнѣ божественной
 « моей Алзанѣ, но добродѣтель же-
 « ны швоей не допустишь меня до
 « искушенія; я лишь въ сію минушу
 « имѣлъ щасшіе освободишь Бряцану
 « отъ злодѣевъ, не споль цѣлому-
 « ренно помышлявшихъ. . . Но, Сло-
 « шанъ, не слѣпымъ случаемъ при-
 « ведеи ты сюда неожиданно; рокъ
 « хочешь примирить шебя съ Бря-
 « цаною, кошорая за шѣмъ поверга-
 « лась въ опасности, чшобъ сыскашь
 « шебя и просишь прощенія въ ока-
 « занной шебѣ жестокости. Повѣрь
 « миѣ, другъ мой, что она довольно
 « прелестна, чшобъ могъ ты ошка-
 « зать ей въ примиреніи. » — Бря-
 « цана, кошорая до шѣхъ поръ пора-
 « женная радостію и робостію не смѣ-
 « ла взглянуть на своего супруга, упала
 « къ ногамъ его. Слезы, коими омыва-
 « ла она его колѣна, не могли не имѣть
 « своего дѣйствія. Слосанъ поднялъ ее,

и заключа въ свои объятія , просилъ забыть прошедшее , и не поминашь , кромѣ о клятвахъ , кои они другъ другу дали . Восхищеніе Бряцаны было шоль велико , что она лишилась чувствъ , прижавъ въ груди своей Слосана ; но нѣжныя старанія и поцѣлуи его вскорѣ привели ее въ себя . Звениславъ , коего доброе сердце въ благополучіи ближняго принимало истинное участіе , проливалъ отъ радости слезы , и сказалъ вздохнувши , что онъ желалъ бы также объять свою Алзану . Сіе слово пресѣкло воспоргъ супруговъ ; Слосанъ увѣдомилъ его , что Мирославъ управляетъ Яшвягами , какъ вѣрный другъ своимъ Государямъ ; что миръ и изобиліе разліяны надъ симъ царствомъ , и подданные не желаютъ ничего шоль ревностно , какъ возвращенія своихъ Царей , о чемъ возносятъ безпресшанья въ богамъ молитвы . Но что нѣтъ никакого слуху про Тарбелса , Алзану и Любану . » Я замед-

« лился, Государь, продолжай Сло-
 « шанъ, прїѣздомъ моимъ въ назна-
 « ченное ошъ себя мѣсто, по при-
 « чинѣ, что я думалъ о моемъ Го-
 « сударѣ Тарбелсѣ лучшее получишь
 « извѣстїе въ шѣхъ мѣстахъ, гдѣ
 « оный ошлученъ ошъ насъ. Для че-
 « го пробхалъ я въ область Старо-
 « Славенскую, гдѣ. щасїе дозволи-
 « ло мнѣ поймашь одного изъ на-
 « шихъ злодѣевъ, кои нападали на
 « насъ въ лѣсу и причинили раз-
 « луку съ Тарбелсомъ. Оный гово-
 « рилъ мнѣ съ кляшвою, что Госу-
 « дарь мой не прешерилъ ошъ нихъ
 « не шокмо никакого зла, но бывши
 « оставленъ связанной въ лѣсу по
 « ихъ оплошности, освободя руки,
 « шоль удачно употребилъ свое ору-
 « жїе, что десятеро изъ нихъ па-
 « ли ошъ его ударовъ; и что остав-
 « шїе. въ числѣ коихъ и онъ былъ,
 « спасая себя бѣгшвомъ, за восстав-
 « шєю грозою не примѣтили, куда
 « онъ обратился. Я, давъ жизнь за
 « шоль прїятную вѣсть разбойнику,

« слѣдовалъ въ сію страну, и неча-
 « янно сбившись ночью съ дороги,
 « получилъ неожиданное щасіе уви-
 « дѣвъ васъ и найши мою жену,
 « кошорая, признаюсь, что не взи-
 « рая на жестокій со мною поспу-
 « повъ, всегда обижала въ моемъ
 « сердцѣ. » — За словомъ симъ слѣ-
 « довалъ шоль живой поцѣлуй отъ
 Бряцаны, что Слосанъ не могъ не
 опплатишь онаго дюжиною; а Зве-
 ниславъ опяшь вздохнулъ и облиз-
 нулся. Бряцана примѣпя, что вос-
 шорги ея напоминаюшъ Звениславу
 о шомъ, чего злая судьба его ли-
 шила, оставила оныя, и сбѣшила ра-
 зогнашь скуку его своимъ повѣш-
 вованіемъ, и сообщишь ему средство,
 могущее возстановишь покой его.

« Безъ сомнѣнія желаешь шы,
 « любезной Слосанъ, начала она,
 « вѣдашь, что со мною случилось
 « съ шой несчастной минушы, въ ко-
 « шорую прокляшая моя ревность
 « меня съ шобою разлучила. Мать
 « моя, волшебница, чтобъ лучше на-

« учишь меня своему искусству,
 « взяла меня въ горный свой замокъ.
 « Тамъ начала она преподавать мнѣ
 « наставленія въ шайнахъ своей на-
 « уки. Признаюсь, что шоль возвы-
 « шенное знаніе плѣнило меня сна-
 « чала; но я очень мало успѣла, за-
 « шѣмъ, что любовь моя къ тебѣ,
 « возгорая жаромъ ревности каза-
 « лась бышь пожершою, была лишь
 « шолько въ молчаніи, и начала во-
 « піяшь шоль жестоко моему серд-
 « цу, что я предалась грусти, и не
 « внимала того, что оширывала мнѣ
 « моя родительница. Я не больше
 « заняла, какъ шолько предузнавашь
 « средшва, могущія нвошорымъ
 « людямъ служишь въ пользу; а чѣмъ
 « предохраняешь себя въ прошивныхъ
 « случаяхъ ошъ нещасія, о шомъ ни
 « мало не печлась. Родительница моя
 « лишила меня навѣкъ въ шому надеж-
 « ды скоропосшижною своею кончи-
 « ною. Ошдавъ долгъ моей природѣ,
 « и оплакавъ смерть шоль милого
 « челоѣка, нашла я себя свободну

« слѣдовашь побужденіямъ любви мо-
 « ей. Я вознамѣрилась изнашь себя
 « по всему свѣшу, и упавъ къ но-
 « гамъ швоимъ, окончишь у оныхъ
 « дни мои, ежели шы меня не про-
 « сшишь. Но ешьли изсшупленіе
 « любви презрѣнныя можешъ по-
 « чшено бышь въ просшупокъ, я за
 « ревнивостъ мою довольно прешер-
 « пѣла. Пяшь лѣшь страншвуя по
 « всѣмъ часшямъ свѣша, не имѣла
 « я о шебѣ, любезный Слошанъ, ни
 « малѣйшаго свѣдѣнія. Небо видишь,
 « сколько сіе меня шерзало, и сколь-
 « ко понесла я гоненія за шо, что
 « шы милѣе мнѣ былъ шѣхъ, кои
 « покушалась на мое постшояиштво;
 « однако добродѣшель моя защиши-
 « ла меня отъ всего. Наконецъ при-
 « была я въ Кіевъ; шамъ не больше
 « получила я ошрады, что шы живъ,
 « и уѣхалъ за нѣсколько дней въ свое
 « ошечештво съ Звениславомъ. Тогда
 « гналась я по слѣдамъ вашимъ, и
 « какъ не вѣдала, что шы разлучил-
 « ся отъ Звенислава, шо въ сей день

«прибыла въ здѣшнюю спрану. Че-
 «шверо дворянѣ, кошорыхѣ нашла я
 «попивающихѣ въ посшояломѣ домѣ,
 «предложили проводишь меня до бли-
 «жняго города; но я, примѣшя, свѣ-
 «какимѣ видомѣ разсмашривали они
 «лице мое, ошблагодарила ихѣ за
 «оказываемую честь, и посшара-
 «лась заблаговременно уѣхашь. Од-
 «нако они догнаши меня на дорогѣ,
 «сволокли въ лѣсѣ, гдѣ конечнобѣ
 «честь моя погибла ошѣ ихѣ на-
 «силія, когдабѣ великодушный Зве-
 «ниславѣ не подоспѣлѣ защишишь
 «меня. Двое изѣ злодѣевѣ пали ошѣ
 «руки его, а прочіе спаслись бѣг-
 «сшвомѣ. И въ сіе щасшливое мгно-
 «веніе Небо сжалилось надѣ моимѣ
 «бѣдсшвіемѣ, возвращя меня дра-
 «жайшему супругу.

«Теперь, великодушный избави-
 «тель мой, говорила она Звенисла-
 «ву, я имѣю, въ заплашу оказан-
 «наго мнѣ одолженія, ошкрышь вамѣ
 «средсшво, кошорое безѣ сомнѣнія
 «послужитѣ въ прекращенію всего,

« что васъ поливо огорчаетъ. Я
 « увѣрена, что открытіе о мѣстѣ,
 « гдѣ пребывающъ любезныя вамъ
 « особы, есть одно изъ шѣхъ жела-
 « ній, кое извлекаетъ ваши вздохи »
 — Боги! вскричалъ Звениславъ: я
 « опдалъ бы половину моихъ дней,
 « чшобъ только увидѣшь мою воз-
 « любленную Алзану. » — Для чегожъ
 « не прибѣгнете вы къ вашему не-
 « оцѣненному коню? сказала Бряцана:
 « развѣ неизвѣсны вамъ свойства
 « его? еспьли нѣшъ, то я вѣдаю,
 « что онъ можетъ привезти васъ
 « въ крашчайшее время къ мѣсту,
 « гдѣ она пребываетъ. » — « Ахъ, су-
 « дарыня! вопіялъ богашырь, вы воз-
 « вращаете мнѣ жизнь; я совѣмъ за-
 « былъ о шоль надежномъ средствѣ,
 « которое узналъ отъ самаго Ту-
 « горяна въ видѣніи. Еспьли я му-
 « чусь, то отъ самаго себя . . . или
 « можетъ быть богамъ угодно было
 « въ наказаніе мое заградить сіе въ
 « моей памяти. Я обязанъ вамъ без-
 « конечно, и завшрашній день при-

«бѣгну къ моему другу Злашконопы-
 «шу О ешьлибѣ былъ уже
 «шеперь день! . . Ешьлибѣ я въ
 «сію минушу могѣ . . однако конь
 «мой ушомился, и неблагодарносшь
 «была бы принуждашь его болѣе.»—
 Звениславъ вздохнулъ, што разѣ вспа-
 валъ ишши къ Злашконопышу, шоль-
 кожѣ ошпанавливался, и оказалъ
 всѣ возможные признаки нешерпѣ-
 ливоспи; однако принужденъ былъ
 ночевашъ въ шашрѣ. Онъ провелъ
 безпокойные часы, и можелѣ бышь
 Слошанъ съ Брицаною имѣли луч-
 шую учасшь.

Лишь-шолько разсѣло, Звени-
 славъ будилъ супруговъ, кошорымъ
 казалось еще очень рано. Проспи-
 «ше! кричалъ онъ, я не могу ждашь
 «болѣе. Слошанъ! шебѣ не лъзя слѣ-
 «довашь за мною; шы можешъ съ
 «супругою своею дожидашься меня
 «въ Яшвягіи» — Послѣднее слово
 произнесъ онъ уже вдали, и Слошанъ
 видѣлъ его спавшаго на колѣно предъ
 жонемъ своимъ. «Божешвенное по-

«рожденіе! о конь превосходный
 «предъ всѣми сношами! говорилъ
 «онъ, о конь, зашмѣвающій славу
 «Буцефала, Пегаса и всѣхъ, сколько
 «ко ни описано опличившихъ въ
 «повѣствованіяхъ! можешь ли ты
 «быть свидѣтелемъ ежедневныхъ
 «моихъ мученій, кои сношу я въ
 «разлукѣ съ моею возлюбленною
 «Алзаною, и не сжалишься надъ не-
 «щаснымъ богатыремъ? Нѣтъ,
 «добродѣтельный Злапоковытъ!
 «жестокость не есть свойство сво-
 «его чувствительнаго сердца; ты
 «соединишь меня съ нею, ты до-
 «везешь меня къ ней, хотябы бы-
 «ла она на краю свѣта. . . Что?
 «ожиданіе мое совершается; изъ
 «взоровъ твоихъ я вижу. . . о дра-
 «жайшій Злапоковытъ!» — Звени-
 «славъ вскочилъ, и обнималъ коня
 «своего, кошорый, собравъ шапери,
 «давалъ знавъ богатырю, чтобы онъ
 «на него сѣлъ. Звениславъ не до-
 «ждался повороту знаковъ; онъ
 «вскочилъ на сѣдло какъ птица, и

подобно молніи сокрылся на быспромѣ конѣ изъ глазъ Сломана и Бряцаны, кошорыя не медлили возвращишься въ Яшвягію, куда перевезя всѣ сокровища изъ горнаго волшебницына замка, жили въ совершенномъ покоѣ во ожиданіи исполненія надежды храбраго Звенислава.

Конь примчалъ онаго къ морю, и богашырѣ не ужасался, ешьли Злашокопышѣ намѣренѣ чрезъ оное плышь; но онѣ, встряхнувшись прое-
 крашно, распротшерѣ крылья, прекраснѣйшія распещренныхъ пшицѣ Африканскихъ, и поднялся на воз-
 духѣ. Вѣшры не могли бы споришь въ быспротѣ полета, съ каковымъ принесѣ Злашокопышѣ его на пус-
 шой островѣ, на кошоромъ оспано-
 вился у подошвы превысокой горы. Звениславѣ хотѣлъ обѣѣхашѣ сію гору, уповаю чшо нибудѣ опкрышь; но Злашокопышѣ не прогался съ мѣста, и легѣ на землю. Богашырѣ сошелѣ долой, и началѣ уговари-
 вать коня своего, чшобѣ онѣ до-

везъ его до Алзаны; но оный при-
 шворился спящимъ. Звениславъ,
 видя, что конь его не соглашается,
 заключилъ, что оный не въ силахъ
 болѣе ему помогать, и вознамѣрилъ
 ся упошребишь на поискъ собшвен-
 ныя свои ноги. Онъ проснился съ
 дружескими обѣщаніями съ Злаво-
 копытомъ, и пошелъ на гору, ду-
 мая съ вершины ея лучше разсмо-
 трѣшь положеніе острова. Но едва
 только, по вышеривніи крайнихъ
 безпокойствъ, достигъ на верхъ
 горы, въ шу минушу увидѣлъ, что
 выросла предъ нимъ другая гора по-
 чти до облаковъ. Густый шуманъ
 покрывалъ окрестности, и учиналъ
 предметы неразличаемыми. Онъ хо-
 телъ возвратиться на низъ, но
 сзади представились ему таковыя
 ушесы и пропасши, что безъ под-
 верженія себя крайней опасости
 не лзя было сдѣлать шагу. Звени-
 славъ собралъ силы, и пошелъ на
 сію вшорую гору. Уже преодолевъ
 онъ и сей пущь, но очущаясь на

вершинѣ, увидѣвъ оныи въросшую
 гору, еще и шой круче и возвы-
 шеннѣе. « Не уже ли сіе дорога на
 « небо? думалъ онъ: о богиня плодо-
 « родія! ешьли любезная моя въ
 « швоемъ священномъ жилищѣ оби-
 « шаешъ, позволь смертному во оное
 « доспигнуть, смертному, кошорый
 « ошъ тебя преданъ въ добычу же-
 « спочайшимъ горестямъ. » Сказавъ
 сіе, карабкался онъ на верхъ. Но-
 ги его ослабли, когда думалъ онъ
 дѣлать уже послѣдній шагъ въ жи-
 лищу своей любезной; но гора не
 прешавала оныи върасшашъ. Сіе
 сполько его разгорячило, что онъ
 не могъ удержашъ ошъ досады на
 бездушную свою прошивницу: онъ
 выхвашилъ Самосѣкъ, и не размы-
 шля о глупости своего дѣйсшвія,
 ударилъ онымъ въ гору. Въ сіе
 мгновеніе она съ преужаснымъ
 шрескомъ исчезла, и Звениславъ
 очушился у глубокаго и наполнен-
 наго водою рва, овружающаго за-
 мокъ, имѣющій превысокія сшаль-

ныя стѣны. Онъ пошелъ вокругъ замка, надѣясь сыскать мостъ, по которому бы достигнуть во внутрь онаго. Ожиданіе его не было щепетно: мостъ предсѣвился глазамъ его; но какой же мостъ? состоящій изъ однихъ порчащихъ вверхъ остриемъ ножей, бришовъ и копей, по кошорому не лзя было спушить шага, чшобъ не изрѣзашъ себя въ часки. Сто разъ покушался Звениславъ, водимый надеждою, вспушить на оный, уповая навѣрно увидѣть въ замкѣ свою возлюбленную; и сполькожъ разъ оспановляло его сомнѣніе, чшобъ не заплашшь на щещъ жизни своей достиженію въ мѣсто, кошорое можешъ бышь не заключаешъ въ себѣ Алзаны. Но надпись, кошорая была на воротахъ замка, и содержала: «Здѣсь заключены Алзана и Любана; но Звениславъ къ нимъ не достигнешъ,» рѣшила его въ мгновеніе. — «Я не достигну! . . . Ежелибъ небо и адъ совокупились въ шомъ мѣ пре-

«пяпшшвовашь!» — вскричалъ Звениславъ, и бѣжалъ по мосту. Острія его не уязвляли; но вода, начавъ ворвѣ кипѣшь, полилась на него съ обѣихъ споровъ, и сполько его жгла, что онъ опчаялся почти достигнуть въ ворошамъ, однакожъ спремился далѣе, и не оставлялъ намѣренія своего. Едва онъ прешупилъ на другую сторону моста, оный со рвомъ и съ кипящею водою исчезъ. Звениславъ радовался успѣху своему, и готовился сбить кулакомъ висящій на ворошахъ великій мѣдный замовъ; но съ учиненнымъ во оный ударомъ выскочилъ изъ него спальной Исполинъ съ двенадцашью руками, держащій въ каждой изъ оныхъ по мечу. Онъ вапалъ на богатыря съ шаковою жестокостію, что сполько Звениславу возможно было помышляшь о оборонѣ. Бой ихъ достоинъ описанія отъ пера искуснѣйшаго, нежели все. Самосѣвъ зазвѣнилъ отъ подхващаемыхъ Исполиновыхъ ударовъ,

кои другъ за другомъ упали на вишязя. Послѣ сраженія, цѣлый часъ продолжавшагося, Исполинъ лишился всѣхъ рукъ; но когда Звениславъ готовъ былъ срубить ему голову, руки у онаго выросли въ сугубомъ числѣ, и возобновили бившу, еще и прежней опаснѣйшую. Два часа прошло, поколь богатырь опяшь сдѣлалъ Исполина безъ рукъ и оружія. Онъ бесплодно пускалъ мечъ свой въ шею его: Исполинъ умѣлъ шель проворно вертѣться и угибаться, что Самосѣвъ не удалось учинить его безголовымъ; а между шѣмъ получилъ онъ сколько рукъ, что уподоблялся густому дереву. Цѣлый день прошелъ почти въ семъ сраженіи, руки ошлепали прочь десятками, и выроспали опяшь сотнями; удары ихъ становились жесточе. «— Долго ли мнѣ биться съ тобою, проклятое чудовище?» вскричалъ Звениславъ, схватя Исполина за ноги и ударя его о сѣбну; онъ чего оный разлетѣлся въ дребезги.

Тогда замокъ спалъ съ дверей и сіи распворились сами собою. Побдишель вошелъ во внупръ замка, гдѣ предшавился ему шоль прекрасный садъ, чшо онъ не могъ не счеспъ онаго насажденіемъ самихъ боговъ. Взоры Звениславовы не привлекались прелеспьми цвѣшовъ и усшроеніемъ рядовъ плодовишыхъ древесъ; они искали предмеша, единшвенно ихъ пишающаго; но бродя по всѣмъ споронамъ, не могли удовлешворишь себѣ. Звениславъ усшалъ бѣгая по дорожкаимъ, лѣсочкамъ, цвѣшникамъ и шѣишымъ закоулкамъ; Алзаны шущъ не было. « О Дидилія! возопилъ огорченый богашыръ, сжалишься ли шы когда нибудъ надъ нещасшнымъ, коему шы мспишь за чужую погрѣшность? Виновенъ ли я въ прешупленіи моихъ родителей? не довольно ли я доказалъ моимъ шерпѣніемъ, чшо я гнѣву швоему подвергаюсь? Но сіе шерпѣніе въ чловѣкѣ имѣешъ предѣлы; я не

«могу уже сносишь болѣе. О боги-
 «ня! лиши меня жизни, когда по-
 «должно, или не будь несправедли-
 «ва» — Громъ и блисханіе различ-
 «ныхъ огней пресѣкли слова его. За-
 «пахъ избраниѣйшихъ ароматовъ
 «разнесся по всему саду, и изумлен-
 «ный богашырь увидѣлъ спустившую-
 «ся къ нему на облакахъ богиню
 «плодородія.» Прешань ропшашь на
 «боговъ! сказала она ему крошкимъ
 «голосомъ: никогда боги неправед-
 «ны бышь не могушь, и смершные
 «заблуждаюшь, ешьли приписыва-
 «юшь имъ жестокости. Успавы
 «провидѣнія ихъ всегда клоняшся
 «къ добру челоуѣка, и шолько злые
 «люди заключаюшь о нихъ по сво-
 «имъ склонносшямъ. Ни шы, ни
 «ошпецъ швой не раздражили меня
 «никогда, и шакъ знай, что прием-
 «лемое шобою за мое мщеніе ешь
 «неложный доводъ благосклонности
 «къ тебѣ небесной. Ты предназна-
 «ченъ былъ къ уничтоженію мно-
 «гихъ несчастныхъ произшесшвій

« въ мірѣ семъ, къ вспомошествова-
 « нію прищесненныхъ и къ низло-
 « женію несправедливыхъ. Но ты го-
 « шовъ былъ предашься должно-
 « снѣмъ супруга въ самомъ нѣжномъ
 « своемъ возрастѣ; сіе привело бы
 « тебя въ слабость, дѣти твои бы-
 « ли бы нездоровы; несчастные, ко-
 « имъ предназначено тебѣ помочь,
 « лишились бы твоей защиты; ибо
 « ты забылъ бы о должностяхъ бо-
 « гашыря, и прильпясь къ любезной
 « тебѣ особѣ, не выѣхалъ бы изъ
 « своего дому. Еслилибъ воспитаніе
 « твое оставлено было родителями,
 « они по нѣжности къ тебѣ спу-
 « снали бы твоимъ врожденнымъ по-
 « рокамъ, а суровое и безприсрасп-
 « ное твое воспитаніе оны испре-
 « било; добродѣтелями своими ты
 « долженъ одному; добродѣтели тво-
 « ихъ родителей имѣють теперь
 « награду вмѣсто неминуемыхъ
 « слезъ, кои бы были слѣдствіемъ
 « избалованныхъ твоихъ поступ-
 « ковъ; они возрадуются, увидя сы-

«на, себя достойнаго, и принося-
 «щаго имъ честь своею славою.
 «Для сего боги привели тебя влю-
 «бишься въ Алзану, тебя достой-
 «ную, чшобъ послѣ похищенія ея
 «искалъ ты ее по свѣшу, и со-
 «вершилъ намѣренія судьбы въ
 «шѣхъ подвигахъ, кои учинены по-
 «бою въ свое время. Теперь ты
 «окончалъ; шридцатишлѣтній твой
 «возрастъ дозволяетъ уже тебѣ
 «вкусишь благополучіе; для шого чшо
 «ты во все время жизни своей велѣ
 «себя благоразумно и добродѣтель-
 «но. Посшояншво швое, дружесш-
 «во, великодушіе и храбросшь ис-
 «пышаны совершенно, а особливо
 «въ послѣднемъ швоемъ подвигѣ съ
 «привидѣннымъ сшальнымъ Испо-
 «линомъ. Ты за все получишь воз-
 «даяніе: ты узнаешь своихъ роди-
 «телей, и присоедишишься къ нимъ,
 «чшобъ никогда не разлучиться; ты
 «соединишишься со всѣми. Поди те-
 «перь къ своей возлюбленной Алза-
 «нѣ: ты найдешь ее въ семъ хра-

« мѣ. » — Богиня указала ему спору, и спала невидима; а Звенислав усмотрѣвъ великолѣпный храмъ въ шомѣ мѣстѣ, гдѣ прежде онаго не примѣшилъ. Онъ опомнился не ранѣе, какъ уже вступя въ храмъ; но для того, чѣшобъ опяшь лишиться чувствъ отъ радости, нашедъ во ономѣ дражайшую свою Алзану. Сія сидѣла вмѣстѣ съ Любаною на богашой софѣ, и не ожидая сей встрѣчи, шавъ была поражена, чѣш не могла ни говорить, ни встать. (Однако онъ опомнились держащія себя въ объятіяхъ. Воспоргъ сея чешы еще умножился, когда Звениславъ, рассказавъ свои приключенія, далъ знать, чѣш по рѣчамъ богини Дидиліи всѣ нещастія ихъ кончились, и чѣш они не будутъ болѣе разлучены другъ съ другомъ. Чѣш до Любаны, оная довольно имѣла причинъ пролить слезы, видя себя безъ надежды разлученну съ возлюбленнымъ Тарбелсомъ. Звениславъ и Алзана спара-

лись утѣшашь ее, приводя въ доказательство слова богинины, хотя по не имѣло дальнѣйшаго успѣха; Царица Яшвяжская была въ опчаяніи; однако согласилась слѣдовашь съ щасливыми супругами, куда они вознамѣряшя.

Тогда надлежало вспомнить о средствахъ, какимъ образомъ оставишь имъ пустой островъ, и Влапокопышъ учинился необходимо нуженъ. Звениславъ шоропился сыскашъ его, но гдѣ было найти по мѣсто, гдѣ онъ его оставилъ? Звениславъ во всемъ островѣ увидѣлъ шакую перемѣну, которая учиняла его неузнаваемымъ. Замокъ исчезъ по выщупленіи его изъ онаго съ Алзаною и Любаною; горъ и моря было не видно, и они находились въ странѣ, изобилующей всеми дарами природы. Богашырь сколько ни заняшъ былъ своимъ щасіемъ, но пошеря шоль рѣднаго коня его шрогала; однако онъ выслушалъ повѣсть Алзанину со времени ея съ

нимъ разлуки; она не содержала ничего особливаго, кромѣ чшо Алзана, бывъ съ Любаною похищена облакомъ, ошъ ужаса пришли въ безпамяшштво; а очувшшовавшись увидѣли себя въ храмѣ, гдѣ Звениславъ ихъ нашелъ. Имъ не было ни въ чемъ недосшашка, но не могли онѣ выходитьъ, какъ шолько въ садѣ, и не видали никакой живой швари до времени своего освобожденія изъ сего великолѣпнаго зашоченія. Онѣ чувшшовали свое нещасшїе; но не могли совершенно предашься своей печали; ибо когда входили имъ въ голову горешшныя мысли, въ шо мгновение засыпали онѣ крѣпкимъ сномъ, и пробуждались съ внушреннею надеждою чшо судьба ихъ вскорѣ воспрїимешъ иной видѣ; и чшо сіе приписывающъ онѣ попеченію богини, а впрочемъ не можно бы имъ ошашшься живымъ ошъ шоски.» — Однако сія надежда «дѣйшшовала шолько на одну шебя,» сказала Любана Алзанѣ, и про-

лила слезы. Звениславъ приспустилъ
опяшь къ увѣщеваніямъ, но былъ
остановленъ появившимся Злапоко-
пышомъ, кошорый прискакалъ къ
нему съ сѣдящею на сѣдлѣ пши-
цею, распещренною прекраснѣйши-
ми перьями. Богашырь воскликнулъ
ощь радости, и остановился изум-
ленъ взглянувъ на пшицу, а особливо
когда она, подявъ великой вривъ,
бросилась къ Любанѣ, и шренеша-
ніемъ крылъ своихъ оказывала знаки
радосши. « Сія пшица должна вамъ
« бышь знакома? спросилъ Звениславъ
« у Любаны. » — Совсѣмъ нѣтъ, ош-
« вѣчала она, но я не понимаю, что
« произвелъ во мнѣ видъ ея; всѣ
« чувсшва мои обворожены. » — Пши-
ца спаралась извѣявши ей за шо свою
благодарносшь, и попомъ бросалась
съ крикомъ же и шренешаніемъ
крылъ къ Алзанѣ и Звениславу. «
« Ахъ! какая прелестная пшица! »
говорили всѣ, лаская оную напере-
рывъ. Между шѣмъ пшица броса-
лась къ мечу Звениславоу, и спа-

ралась носомъ своимъ оный выпашащій изъ ноженъ. Богашырь не зналъ, что заключишь изъ сего, но щасъ ласкашь пшицѣ, хошѣлъ ее удовольствовашь, и для того, обнаживъ Самосѣвъ, держалъ въ рукѣ, думая, что пшица начнешь оный разсмапривашь. Но сія, оплеша прочь, съ стремленіемъ на оный бросилась, и разсѣкла себя на оспіріе. «Боги! вскричали всѣ, какое несчастіе!» . . . Какая неосторожность!» вопіялъ Звениславъ; а Любана, немогущая взирашь на лишеніе пшицы, на кошорую чаяла она имѣшь право, едва не упала въ обморѣкъ.

Между тѣмъ шрупъ пшицы покрылся густымъ дымомъ, и изъ онаго увидѣли . . . возможно ли изобразишь удивленіе и радость видѣвшихъ? — они увидѣли предсшавшаго Тарбелса. Должно имѣшь сколько любви, какъ Любана, и сколько дружеской нѣжности, сколько имѣли къ нему Звениславъ и Алзана, чшобъ

уразумѣшь чувствованія восхищен-
ныхъ душъ всѣхъ вообще и порознь.
Перо слабо для такихъ явленій,
сшолькожъ какъ и слова; сердца
лучше оныя изображаютъ. Когда
прошли восшорги, всѣ пожелали уз-
нашь, что случилось съ Тарбелсомъ
со времени разлуки его съ Звени-
славомъ, и какимъ образомъ учинил-
ся онъ пшицею. Просили его ошомъ,
и онъ началъ:

Когда въ сраженіи съ разбойни-
ками схваченъ я оными, и повезенъ
въ лѣсѣ, злодѣи сіи не взяли пред-
оспорожности меня обезоружить,
а сіе подало мнѣ сыскашь время, въ
которое они оплошали, и выхвапая
мой мечъ, изрубить шѣхъ, кои вели
съ обѣихъ споронъ за повода мою
лошадь. Сраженіе возобновилось; но
еще восемь разбойниковъ пало ошъ
моихъ ударовъ, прочіежъ спаслись
бѣгствомъ. Я, не думая гнашься
за ними, старался соединитья съ
моимъ другомъ, а особливо думая,
что помощь моя ему нужна въ не-

равномъ бою съ ошчаянными нападашелями, и для шого поворошилъ въ спорону, гдѣ чаялъ бышь большей дорогѣ. Но восплавшая гроза учинила небо шоль мрачнымъ, чшо каждый шагъ долженшвовало удосшовѣришь въ безопасности, прежде нежели спшупишь; и шакъ я не могъ поспѣшишь. Вдругъ громовой ударъ съ ужаснымъ блескомъ молніи раздробилъ впереди меня дерево, ошв коего часть упавъ ударила мою лошадь. Она, успужавшись сего, помчала меня во всю прышь; я спарался удержашь ее, но поводда перервались, и я ошчаялся въ момѣ спасеніи. Ошсѣвшившая молніа предсшавила погибель мою неизббжною; ибо лошадь моя несла меня прямо въ спрашную пропасть, и я полешѣлъ во оную. Въ сіе опасное мновеніе подхваченъ я былъ приспѣвшею на крылашомъ медвѣдѣ женщиною. Опомнившись, увидѣлъ я себя въ великолѣпномъ домѣ, и сіа женщина, имѣющая въ себѣ до-

вольныя прелести, прилагала о мнѣ
сшаранія. « Кшобб вы ни были, ска-
« залъ я ей, но я обязанъ вамъ жиз-
нію. » Слова сіи произвели въ ней
радость ; она бросилась ко мнѣ съ
объятіями, и оказавъ мнѣ множесшво
ласкъ, ошвѣчала: « Любезный Тар-
« белсъ! ты извинишь жесточайшую
« мою къ тебѣ любовь, принудив-
« шую меня разлучить тебя съ шво-
« имъ другомъ. Вѣдай, что я вол-
« шебница, которая влюбилась въ
« тебя въ то время, когда ты съ
« Звениславомъ началъ обороняться
« отъ разбойниковъ. Я, закрытая
« облакомъ, взирала на твою храб-
« рость, и остановясь отъ пуши
« моего взираешь на твои поступки,
« цѣнила твою красошою. Я
« помогала разбойникамъ схватить
« тебя и опшесши въ лѣсъ, чтобб
« шамъ удобнѣ могла похищить
« тебя ; понеже спрашное оружіе
« друга твоего препяшшвовало со-
« вершить мнѣ то въ его прису-
« ствіи. Когда уже ничшо не мѣ-

« шало, привела я разбойниковъ въ
 « оплошность, и ты оказалъ новый
 « опытъ своей отважности, чтобъ
 « совершенно побѣдишь мое сердце.
 « Тогда я волшебствомъ воздвигла
 « бурю и громъ; вамъ казалось, что
 « лошадь ваша испугалась, упала съ
 « вами въ пропасть, и что я под-
 « хватила васъ, прилепѣвъ на кры-
 « лашомъ звѣрѣ; но все сіе была
 « мечта, а вы находились уже въ
 « моихъ объятіяхъ. » — Окончавъ сіе,
 наговорила она мнѣ тысячу нѣжно-
 сшей, и хотѣла цѣловать меня, но
 я оттолкнулъ ее съ презрѣніемъ.
 « Не думаешь ли ты, проклятая
 « вѣдьма, сказалъ я съ досадою,
 « чтобъ ты воспользовалась своимъ
 « чародѣйствомъ? Ты никогда не при-
 « влечешь меня къ мерзкому своему
 « намѣренію. Еслилибъ ты была и
 « сама богиня Лада, то и въ такомъ
 « случаѣ я прежде бы умеръ, не-
 « жели измѣнилъ моей дражайшей
 « супругѣ. »

Неизвѣстно, правду ли говорилъ

Тарбелсѣ ; но получилѣ за это сѣ
 дюжину пламенныхъ поцѣлуевъ
 отъ своей Любаны, и продолжалъ:
 Волшебница не огорчилась на сіе
 мое чистосердечное признаніе, и
 увѣряла меня, что я одумаюсь совре-
 менемъ, и воспользуюсь щасшіемъ
 владѣшь ею, когда уже Любаны моей
 возвращишь не можно. Она мнѣ на-
 говорила множество хитростей, ко-
 ими чаяла привлечь меня. Однако
 я всегда отшѣчалъ ей только пре-
 зрѣніемъ. Но скучно было бы раз-
 сказывать всѣ ея слова. Всѣ сред-
 ства испощены ею безъ успѣха ;
 прибѣгала въ угрозамъ, мучила ме-
 ня въ скардномъ заключеніи, и
 наконецъ видя, что меня поколе-
 башь не можно, пришла въ шаковую
 яросшь, отъ коей я гибель мою
 считалъ неизбѣжною. Прелестное
 лице ея пропало, и я не видалъ уже
 кромѣ страшнаго лица шарухи.
 Она велѣла мнѣ избиратьъ родъ жи-
 вошнаго, въ которое я превращенъ
 бышь желаю.» Сіе для того, гово-

«рила она, чшобъ шы вѣчно не
 «имѣлъ надежды владѣшь моею не-
 «нависшною совѣспницею; ибо хо-
 «пя шы по смерши моей и можешь
 «освободись изъ неволи; но осшав-
 «шись 'во образѣ пшицы, или звѣря,
 «не будешь узнанъ Любаною. Ну,
 «избирай!» сказала она шоль спраш-
 «нымъ голосомъ, что я чущь могъ
 «объявишь, что желаю бышь пшицею.
 Тогда осшановилась она на нѣсколь-
 «ко, не рѣшась, въ какую пшицу
 «обрашишь меня. Въ спрашную ви-
 «домъ не дозволяло ей ея сердце, по-
 «неже оно хранило еще ко мнѣ
 «спрасшь; и для шого по проченіи
 «ю нѣкошорыхъ словъ получилъ я
 «шотъ видъ, въ кошоромъ предсталъ
 «вамъ. Я надѣялся, что найду спо-
 «собъ когда нибудь улешѣшь опъ
 «ней; но въ семъ ошибся. Волшеб-
 «ница заперла меня въ желѣзную
 «кѣшку, и каждый день, приходя
 «кормишь меня, швердила мнѣ о люб-
 «ви. Иногда она, выходя изъ шерпѣ-
 «нія, что я, не могши осшвѣчать ей

словами, оказывалъ омерзѣніе мое въ ней, опшворачивая опш въ ней мои взоры, не давала мнѣ бсшъ. Однако, опяшь смягчась, довольсшвовала меня изящнѣйшими бсшвами; перемѣняла видъ свой изъ красавицы въ красавицу; при чемъ я очень опасался, чшобъ не вспала она на мысли принять на себя образъ моей возлюбленной Любаны, кошорый прѣшивъ воли моей конечно бы повергъ меня въ искушеніе. По щасшю вѣдьма о шомъ не вздумала, и вошла въ смѣшнѣйшія глупосши. Она оборачивалась сама пшцею, какъ видно думая, чшю я во образъ семъ лучше прельщусь мнѣ подобною. Я вздумалъ подрѣплять ея дурачсшво, начавъ оказывать въ ней ласковосшь, въ намѣреніи, не удастся ли мнѣ обмануть ея, и учинишь бѣгсшво. Не возможно изобразишь радости волшебницыной при семъ неожиданомъ ея оборотѣ. Она опшворила мою вѣшву, начала оную вычищашь, и гошовишь себѣ особ-

ливаю въ ней жердочку, на кошорой садишься; ибо она заключила окончишь въив свой со мною въ кльшкѣ. Я, лаская ее, выльзв изъ кльшки: спрасшная дура шого не примѣшила, и прежде нежели осмошрѣлась, я улешѣлъ уже далеко ошв ея замка. Таковымъ образомъ шолько нынѣ поушпру освободился я изъ моей неволи. Вскорѣ увидѣлъ я волшебницу, гонящуюся за мною на своемъ крылашомъ медвѣдѣ. Легко догадаешься, что я усугубилъ мой полешв; со всѣмъ шѣмъ не возможно бы мнѣ избѣгнушь ошв моей непріятельницы, ешьлибъ не показался мнѣ Злашопопышв. Сей неощененный конь какъ бы нарочно подоспѣлъ въ мою оборону; и я, упавая, что и вы, любезный Звениславъ, близъ онаго находишесь, бросился къ нему, и сѣлъ на сѣдло. Вѣдьма повусилась было меня сорвать съ сѣдла, но Злашопопышв далъ ей задними своими ногами шоль исправный ошпорв, что разбилъ ее

и съ крылашымъ ея звѣремъ въ дребезги.

Осшавшись въ безопасности, изв-
 являлъ я крикомъ и шрепешаніемъ
 крылъ признаніе мое Злашопопышу;
 я, бывъ упомленъ, заснулъ на
 сѣдлѣ крѣпкимъ сномъ. Во ономъ
 предспавилась мнѣ женщина въ
 бѣломъ одѣяніи, и висящій чрезъ
 плечо ея зодіакъ вразумилъ меня,
 что я вижу благодѣтельную вол-
 шебницу. «Тарбелъ! сказала она
 «мнѣ, я принесла тебѣ радосш-
 «ныя вѣсши. Нынѣ соединишьсѣ
 «шы съ своею возлюбленною Люба-
 «ною, и найдешь друга своего и
 «сестру свою. Конецъ вашимъ бѣд-
 «сшвіямъ насшалъ. Не забошсья о
 «средсшвѣ, каковымъ достигнуть
 «тебѣ до мѣсшя, гдѣ любезныя
 «тебѣ особы шенерь находяшся:
 «Злашопопышъ привезешъ тебѣ
 «шуда. Чшожъ лежишъ до возвра-
 «щенія прежняго швоего образа,
 «сѣ не въ моей силѣ. Однако ешть-
 «ли шы найдешъ въ себѣ шолько»

« мужества, чтобы разрубить себя
 « об мечь Звениславовъ, по избав-
 « ление свое отъ очарованія зави-
 « ситъ въ силъ божественнаго Само-
 « сѣва. Боги не оставяшъ награ-
 « дитъ испытанное свое поспоян-
 « ство, съ каковымъ ты защищал-
 « ся чрезъ сколько лѣтъ отъ на-
 « паденія хитрой вѣдьмы. А какъ
 « для сего только небо и разлучило
 « тебя съ своею супругою, чтобы
 « лѣта зрѣлаго возраста учинили
 « тебя способнѣйшимъ познашь цѣ-
 « ну брака, и предохранить тебя
 « отъ вѣщности, коей въ нравѣ
 « своемъ были непримѣнные корни,
 « по ожидай теперь только благо-
 « полученныхъ дней.» Волшебница,
 « сказавъ сіе, стала невидима; а я
 « проснувшись увидѣлъ, что Злашо-
 « копыль несетъ меня на себѣ къ
 « вамъ. Прочее вамъ извѣстно, и ка-
 « кую силу дѣйствія оказалъ надо
 « мною Самосѣв. —

Тарбелсъ кончилъ свое повѣ-
 « ствованіе, и привѣщавшія возобно-

вились; а особливо Любана не зна-
 ла мѣрѣ въ нѣжныхъ благодарно-
 стяхъ, чѣмъ бы заплашишь за вѣр-
 носшь къ себѣ своего возлюблен-
 наго; она осыпала его вмѣсто словъ
 поцѣлуями. Звениславъ рассказалъ
 ему о своихъ приключеніяхъ то,
 кошорое описано уже въ прежнихъ
 лиспахъ. Они вознамѣрились слѣ-
 довать въ Яшвягію, и гошovy уже
 были прибѣгнушь съ прозьбою о ко-
 няхъ къ Златокопыпу, какъ вдругъ
 увидѣли выходящихъ изъ роши му-
 щину и женщину, кошорые, каза-
 лось, прогуливались на пріятномъ
 вечернемъ воздухѣ. Оные, взглянувъ
 на нихъ съ своей стороны, побѣжа-
 ли къ нимъ безъ памяти; и въ тожъ
 мгновеніе познали въ нихъ Слешана
 съ Бряцаною. «Боги! вричалъ пер-
 вый. . . . Государи! я нахожу васъ
 «неожидаемо. . . . Какъ! . . . близъ
 «самой Яшвяжской сшоплицы, когда я
 «считалъ васъ на краю свѣта!» —
 Всѣ обвинали его на перехватѣ, и
 всѣ спрашивали: не впрямъ ли мы

въ Яшвягін? Слосанъ увѣрялъ ихъ, что онъ за часъ только вышелъ изъ столичнаго города прогулясь съ своею женою. Онъ началъ было препоручать въ милость своихъ Государей жену свою, какъ сказавъ нѣсколько словъ остановился, и прерывая произнесъ только: «Какое изрядное время спать!» . . . Упалъ на праву, и захрапѣлъ весьма спокійно. Сонъ дѣйствовалъ на всѣхъ равно, всѣ дремали, и заснули крѣпко ни мало не медля, кромѣ одного Звенислава, который, удивляясь и зѣвая, повалился близъ своей Алзаны послѣ всѣхъ.

Какое пробужденіе! Звениславъ, Тарбелсъ и Слосанъ очнулись вдругъ. Они видѣли себя совсѣмъ въ другомъ мѣстѣ, и сколько робость ихъ разобравъ дозволяла, то узнали, что спали въ прекрасномъ саду. Но можно ли изобразить ихъ ужасъ, когда они не нашли своихъ супруговъ? Безмолвные и понуренные ихъ взгляды изобразили яснѣе словъ

горестъ сердець ихъ. Кажешся не смѣли они спросить другъ друга, чтобъ не удословришься въ своемъ несчастіи. Напоследокъ Звениславъ, бросаясь въ объятія къ своему другу, возопилъ: «Ахъ Тарбелсъ! мы ихъ опять лишились.» — Сей опвѣчалъ ему только вздохами, и прижимая къ груди своей, проливалъ слезы. Слосанъ, вошорой совершенно полюбилъ жену свою, увидѣвъ стоящаго близь себя Злашюкопыша, спалъ предъ нимъ на колѣни, и просилъ увѣдомить его, гдѣ дѣлися его Государыни и Бряцана. Въ павовомъ находился онъ смяшеніи! Звениславъ готовъ былъ жаловаться на Дидилію, что она его не престаеши еще гнать; а Тарбелсъ думалъ, что онъ все счастье свое видѣлъ только во снѣ, и осматривался, не покрывающі ли его еще пшичьи перья.» — Постойте! вскричалъ Слосанъ вскопча, «сія старушка насъ увѣдомиши;» но въ мгновеніе она изумилась, и

спалъ неподвиженъ, сказавъ: «Эта богиня!» . . . Приближающаяся разсмѣялась, и Звениславъ оглянувшись, увидѣлъ волшебницу Добраду. — «О моя родительница!» возопилъ Звениславъ (ибо такъ называлъ ее всегда) «въ какой несчастный часъ «ны меня навѣщаешь. Должно ли, «чтобъ радость видѣть тебя чрезъ «солько времени, заимѣвалась мо- «ею горестію: я лишился моей Ал- «заны.» — «Въ сей часъ исполнилось «тебѣ тридцать лѣтъ,» сказала волшебница съ улыбкою, и обнявъ его, подавала руни ему и Тарбелсу. «Пойдемъ вкусить совершеннѣйшую «радость,» говорила она, ведя ихъ въ преогромныя палаша. «А я, кри- «чалъ Слотанъ, участникъ ли сей «радости? Если я неравенъ съ «моими Государями, то жена моя «по крайней мѣрѣ мнѣ сколькожъ «мила, какъ и другому.» — Конечно, «вонечно, ошвѣчала Добрада: въ «раздѣлялъ съ Государемъ своимъ «несчастія, и всегда былъ вѣренъ,

«шомъ не долженъ лишиться жены
«своей, и имѣеть право быть уча-
«стникомъ ихъ радости.» — Сло-
шанъ ободрился, и возпріавъ свой
веселой духъ, подалъ руку Злапо-
копышу, копорый и не ошказался
дозволишь ввести себя въ залъ, гдѣ
онъ ошался, а Слошанъ слѣдовалъ
за прочими въ спальню Громобоя и
Миланы.

Къ неописанной радости Звени-
слава, друга его и Слошана, увидѣ-
ли они Алзану, Любану и Бряцану,
спокойно опочивающихъ въ крес-
лахъ. . любовники не удержались
бы, чшобъ не бросишь въ своимъ
дражайшимъ, ешьлибъ Добрада не
запрешила имъ оное, и не прика-
зала сѣсть по мѣстамъ, во ожида-
ніи пробужденія хозяина. «Да кто
«онъ? спрашивали у ней пошеп-
«шомъ.—» Очень скоро узнаете,» ош-
вѣчала волшебница. Молчаніе про-
должалось до пѣхъ поръ, какъ Сло-
шанъ чихнулъ весьма крѣпко, и
пѣмъ нарушилъ сонъ жены своей,

кошорая, увидя себя въ незнакомѣ мѣстѣ, вскричала: «Что за чудо! . . . гдѣ я?» — и шѣмъ разбудила Алзану и Любану. Оныя не меньше удивились, очнувшись вмѣстѣ поля въ преогромной и богато убранный комнашѣ. Онѣ бросились къ своимъ любовникамъ и дѣлали имъ множество вопросовъ; но Звениславъ и Тарбелсъ не могли ихъ въ шомъ удовольствовашь; ибо не знали, гдѣ они, и какъ очутились въ семъ мѣстѣ. Шумъ, произшедшій отъ сихъ вопросовъ, прервалъ сонъ хозяевъ. Громобой ошдернулъ занавѣсъ у своей постели, и изумился, видя сполько незнакомыхъ людей въ своей спальнѣ. Долго онъ не могъ выговорить ни одного слова, и довольствовался проширять глаза свои, кои не совсемъ въриль, и чшобъ удостовѣриться, не спишь ли онъ. Однако узнавъ Добраду, спѣшилъ надѣшь свой халашъ, и вскоца съ постели, просить у ней извиненія, что встрѣчаешь ее въ шаковомъ безпорядкѣ.

« — Между друзьями оговорки ша-
 « новыя излишни, опивчала волшеб-
 « ница; я прибыла к вам с мо-
 « ими приятелими праздновашь день
 « рожденія вашего сына, кошорому
 « нынѣ исполнилось шридесятъ
 « лѣтъ.» — Какъ! нынѣ праздни-
 « Дидиліи? вскричалъ Громобой. Ми-
 « лана, Милана! яликалъ онъ свою
 « супругу: ты заспалась; нынѣ праз-
 « дникъ богини плодородія, пора ей
 « приносишь жертву о благополучіи
 « нашего сына.» Милана по щаспію
 « была въ спальномъ плашьѣ, почему
 « вскорѣ оправясь, всшала сѣ посше-
 « ли, и увидя Дабраду, сѣ великою
 « радосшію бросилась къ ней въ объ-
 « яшія. « Ахъ великодушная волшеб-
 « ница! говорила она, я видѣла
 « шоль пріятный сонъ, что не могу
 « по сихъ поръ отъ радости опо-
 « мнишься. Миѣ казалось, что бо-
 « гиня Дидилія повелѣла вамъ оп-
 « дашь миѣ моего Звенислава, и я
 « получила его изъ рукъ вашихъ.»
 « — « Звенислава!» вскричалъ бога-
 « шыръ нашъ вострепешавъ.» — « Такъ

Звенислава,» подхватила волшебница, и обращаясь къ Миланѣ говорила: «Божественные сны никогда не обманываютъ. Любезный мой пишомецъ! ты въ домѣ своихъ родишелей; познай ихъ и вкуси въ сей день радость, которую я тебѣ общала.» Она не докончила еще словъ своихъ, какъ Звениславъ былъ заключенъ въ объятія своихъ родишелей, и проливалъ съ ними слезы радости. «Сей прекрасный богатырь сынъ мой?» кричалъ Громобой всхлипывая и опирая слезы. — «Сего еще не довольно,» сказала волшебница; прибавь къ прекрасному богатырю, славнаго и непобѣдимаго; ибо сей Звениславъ есть шопъ самый, коего подвигамъ удивлялся ты въ имени дворянина Заолъшанина. Онъ наполнилъ свѣтъ своею храбростію, и обязалъ заслугами своими Россійскаго Монарха.» — Я это почти чувствовалъ, дражайшая Добрада! ошвѣчалъ Громобой, обнимая своего сына; мое сердце билось, ко-

«гда я чиналь вѣдомости, и я же-
 «лаль бышь самъ вѣ шѣхъ мѣсцахъ,
 «гдѣ процвѣтала кровь моя. Но по-
 «впорише мнѣ случаи сіи, расска-
 «жише повѣсть моего любезнаго
 «Звенислава» Тогда Добрада раз-
 сказала все то, что чинашель зна-
 ешь уже, съ начала воспитанія
 Звениславова до возвращенія его вѣ
 домъ свой. Когда дошла повѣсть
 до Алзаны, и родили ея супруга
 узнали вѣ ней свою невѣстку, по-
 гда привѣтшшія и обниманія возоб-
 новились. Тарбелсъ и Любана уча-
 швовали во оныхъ, и радость учи-
 нилась еще болѣе чрезъ совокупле-
 ніе столькаго числа родшвенниковъ.
 Послѣ сего Добрада увѣдомила Зве-
 нислава о его знашней природѣ,
 чтобъ уравняшь оную съ произхо-
 жденіемъ его супруга, хотя Алзана
 любила только одного Звенислава,
 и не имѣла нужды до его родословія.

«Таковымъ образомъ, продолжала
 «волшебница, вы, дорогой мой Зве-
 «ниславъ, достигли вѣ концу вашихъ
 «желаній. Небо возвѣщаетъ вамъ

« благополучное послѣдство дней ва-
 « шихъ; я слагаю съ себя мое о васъ
 « попеченіе; ибо вамъ не будещь уже
 « нужна моя помощь, кошорую я не
 « пропускала оказывать во всѣхъ
 « опасныхъ случаяхъ вашихъ при-
 « ключеній. Я невидимо слѣдовала
 « вашимъ пушямъ, и чрезъ мои влія-
 « нія предохраняла васъ отъ ошчая-
 « нія въ несчастіяхъ. Вы соопвѣш-
 « ствовали всегда моихъ попеченіямъ,
 « и заслужили милость боговъ, укрѣ-
 « пясь въ добродѣтели. Держишесь
 « оной навсегда, и почиайте про-
 « мыслъ Небесъ, кошорыя, не визи-
 « рая на свою благость, подверга-
 « ютъ насъ бѣдствіямъ, дабы мы
 « чрезъ оныя очищались отъ поро-
 « ковъ. — Вы, дражайшій Тарбелсъ,
 « съ своею Любаною великодушіемъ
 « своимъ также заслужили награж-
 « деніе, какъ я объявляла уже вамъ
 « въ сновидѣніи. — Просшите мнѣ
 « маленькую шулку, кою я вчерась
 « съ вами свиграла; я хошбла учи-
 « нишь свиданіе моего Звенислава съ
 « родителеми пріятнѣйшимъ незап-

«носшію. И для того вчерась, когда
 «вы гошovy были всшупилъ въ Яш-
 «вяжскую столицу, напустила я
 «на васъ сонъ. Во ономъ перенесла
 «я васъ всѣхъ въ сей домъ, и на
 «нѣскольکو минушъ разлучила съ
 «вашими любезными, чшобъ за оное
 «награждены вы были докончаніемъ
 «вашихъ браковъ въ семъ домѣ. . . .
 «Любезной Громобой, надѣюсь, при-
 «гласитъ меня на сію с у г у б у ю
 «свадьбу.»

Громобой не могъ ничего выго-
 ворить отъ восшорга, а только
 билъ въ ладони, и ошдалъ приказъ
 въ приугошовленіямъ.

«Что до тебя надлежитъ, Сло-
 «шанъ, говорила Добрада, то сія ма-
 «ленькая разлука съ швоею женою
 «была учинена, чшобъ попужашъ те-
 «бя немножво, и увѣришь швою Бря-
 «цану, что шы уже не заслужишь
 «больше бышь лошадыю» — Покор-
 «ной слуга, госпожа волшебница,
 «ошвѣчалъ онъ: гораздо легче ош-
 «дѣлаться, сшавъ лошадыю, отъ Бря-
 «цаны, кошорую я не любилъ, не-

«жели разсташься человекомъ съ
 «женою милою.» — По крайней мѣ-
 «рѣ ты узналъ, каково пошеряшь
 «шеперь ея сердце, продолжала До-
 «брада. Присупимъ шеперь къ на-
 «шей радости, говорила она къ
 «Громобою; и оная не осшановишся
 «шоржесшвомъ, ешшли не замед-
 «ляшь прибышiemъ своимъ роди-
 «тели Тарбелса и Алзаны, за кошо-
 «рыми я послала нарочныхъ.»

Любовники почувствовали было
 «шоршорую шайную досаду ошъ ша-
 «ковой ошсрочки, для шого чшо пушь
 «изъ Обровъ довольно длиненъ былъ,
 «шобъ поморить ихъ съ недожда-
 «нiя. Но въ самое шо мгновение уви-
 «дѣли волшебницу, расшворяющую
 «овна, и приемлющую подъ руки
 «Князя Кошагеда и Кнѣгиню Селшу,
 «кошорыхъ принесло въ шимъ вол-
 «шебное облако. Волшебница предва-
 «рила ихъ о всемъ, и шакъ они го-
 «шовые вшупили умножашъ восхи-
 «щенiе. Они обнимали дѣшей своихъ,
 «коихъ видѣшь навсегда было ошчая-
 «лись. Благодарность къ волшебни-

цѣ была общая, и шоржесшво нача-
лось. Сшариви подгуляли, и хва-
сшали въ хмблю, чшо они могушѣ
еще по богашырю подарить свѣшу,
однако заснули въ креслахѣ. Сло-
шанѣ вмѣсто своей комнашы за-
шелѣ въ Злашопопышу, и сказыва-
ютѣ, что пилѣ съ онымѣ конемѣ
храбро на прощаньѣ; понеже едва
шолько Звениславѣ учинилсѣ ща-
спливѣйшимѣ изѣ смершныхѣ, Зла-
шопопышѣ и Самосѣвъ взяпы на не-
бо, и учинены въ вѣчное напомино-
веніе созвѣздїями; а на шѣхѣ ли мѣ-
сшахѣ оныя поднесѣ, о шомѣ вѣда-
ютѣ звѣздоблюсшешели. Звени-
славѣ ушѣшилсѣ о семѣ уронѣ во обвѣ-
шїихѣ возлюбленной Алзаны, съ
вошорою прожилѣ до глубочайшей
сшаросши, и имѣлѣ дѣшей, просла-
вевшихсѣ храбросшїю и добродѣ-
тельми. Князь Кошагедѣ предла-
галѣ ему пресшалѣ Обрскїй; но онѣ
не хотѣлѣ разсшашьсѣ съ своими
родишелями. Почему сей пресшарѣ-
льїй Государь съ супругою своею
согласилсѣ осшашьсѣ съ дѣшными

своими въ прекрасныхъ мѣстоположеніяхъ Клязмскихъ. Онъ уступилъ корону одному добродѣшнейшему изъ своихъ родственникововъ, а сей присылалъ ему ежегодную дань на содержаніе. Князь Владимиръ одарилъ своего любезнаго богашыря множествомъ волосшей и драгоценностей. Дѣши Звениславовы ему служили, и не уронили славы отца своего. Впрочемъ насильство времени повергло въ неизвѣстность ихъ подвиги.

Тарбелсъ съ Любаной царствовали въ Яшвагіи. Добрада подарила имъ ковръ Самолешъ, на которомъ въ нѣсколько минутъ посѣвали они посѣщать своихъ родственниковъ; что происходило еженедѣльно. Осемь ковръ повѣшавующъ, что онъ оказалъ Россіянамъ великія заслуги, отправляя нужнѣйшія почты; ножадной Ташарской Ханъ Башый, получа оный, проглотилъ.

Мирославъ всегда ошался другомъ своимъ Государямъ; онъ правилъ государствомъ съ такимъ ис-

кушвомъ и безприсраштемъ, что чрезъ много вѣковъ говорили въ при-
мѣрѣ: « послѣ Мирослава нѣшъ Ми-
рослава. »

Слошанъ до смерти своей былъ
любимъ Тарбелсомъ и Любаною.
Онъ назывался первымъ полковод-
цемъ въ Яшвягѣи; но никогда не на-
дѣвалъ оружія; ибо распоряженія
Мирославовы произвели, что мечи
заржавѣли, а сохи блиспали. Онъ
любилъ жену свою, и она жалѣла
всегда, что былъ онъ нѣкогда ско-
пиною.

Добрада ошпраздновавши, одарила
новобрачныхъ нѣкошорыми полез-
ными свойствами, между коими
терпѣніе было не послѣднее. Она
скрылась въ облакахъ, и съ шого
времени нигдѣ уже о ней не слышали.

К О Н Е Ц Ъ.

ПРАВИЛА

ЧЕСТНЫМЪ ОБРАЗОМЪ
ПРИБРѢТАТЬ СЕБѢ

ДОВОЛЬСТВО ВЪ ЖИЗНИ

И ДОСТИГАТЬ ДОХОДА И ДОСТИГАТЬ

НА ДОБРОУ СЛУЖБУ

СВѢДѢНЫЮ СЪ ДУШЕЮ И ТѢЛОМЪ
И ДУХОМЪ СЛУЖИТЬ, ТА ЧТО ПРАВИЛА
СЪЮ ДОСТАЮЩИМЪ, А ДАЮЩЕ
СЪЮМЪ КТО НИ БЫДЕ, НАДЪ КТОЮ
СОДА ПУКОВАННОСТЮ И ДАЮЩЕ
НАДЪ, И ПУК.

МОСКВА

1825

50

